9(-2)
Н73

Я. П. Новицкій.

827103

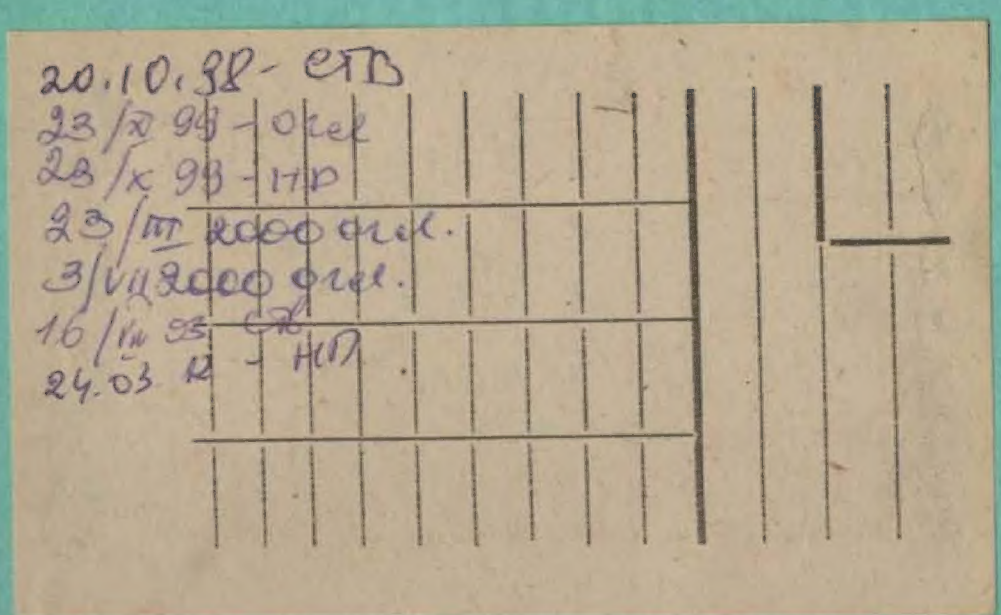
НАРОДНАЯ ПАМЯТЬ
О
ЗАПОРОЖЬѢ.

ПРЕДАНІЯ И РАЗСКАЗЫ,

собранные въ Екатеринославщинѣ.

1875—1905 г.

ЕКАТЕРИНОСЛАВЪ.
Типографія Губернскаго Земства.
1911.



20.10.98 - СТВ
23/X 99 - Огел
23/X 99 - НП
23/III 2000 огел.
3/VII 2000 огел.
16/VII 95 - СТВ
24.03 12 - НП

4
86
край
9(С2)
Н 73

Я. П. Новицкій.

НАРОДНАЯ ПАМЯТЬ
О
ЗАПОРОЖЬѢ.

ПРЕДАНІЯ И РАЗСКАЗЫ,

собранные въ Екатеринославщинѣ.

1875—1905 г.

827103

ДНІПРОПЕТРОВСЬКА
ОБЛАСНА БІБЛІОТЕКА
ім. Жовтневої Революції

ЕКАТЕРИНОСЛАВЪ.
Типографія Губернскаго Земства.
1911.

ОДЕССКАЯ ГОРОДСКАЯ
ТИПОГРАФИЯ

ОПЕЧАТКИ и НЕДОСМОТРЫ.

Стр.	Строки. Сверху.	Снизу.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
8	—	2	свъязавъ	звъязавъ
17	—	2	селу.	село.
19	8	—	къ Днѣпру,	Днѣпра,
22	14	—	слонѣ,	склонѣ,
23	—	14—15	обижышъ.	оббижышъ.
24	8	—	влучишъ,	влучешъ.
—	—	16—17	стрилкы, вугласти, гвизкы,	стрилкы вугласти, гвиздкы,
43	—	14	Іасанова,	Гасанова,
52	5	—	Бовча,	Вовча,
—	9	—	замерзавъ,	замеравъ,
—	16	—	пе ще було	це ще було
53	2	—	и тымъ	и тимъ
56	—	10	такыхъ	такихъ
60	—	15	зоглядять	заглядять
66	—	8	*Суркомъ*	*Туркомъ*
—	—	16	Вильманкы	Бильманкы
67	—	8	Кременчикъ.	Керменчикъ.
69	12	—	У двадцятому году	У дванадцятому году
70	4	—	збыра,	збира,
72	—	8	Турищыны,	Турещыны,
79	4	—	пане Саве,	пане Саво,
—	7	—	въ кумы браты,	въ кумы браты.
—	14	—	Андеевка,	Андреевка,
—	18	—	прозвыще	прозьвище
80	2	—	Ой ще не свитъ, ой ще не свитае,	Ой ще не свитъ, ой ще не свитъ, ой ще не свитае,
—	22	—	до пытныци	до пывныци

Стр.	Строки. Сверху.	Снизу.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
84	12	—	збырать	збирать
—	—	2—1	харакнык̀ъ Занудько	характернык̀ъ Занудько
—	—	6—5	пооббыравъ	пооббиравъ
90	5	—	війну. . .	войну. . .
93	12	—	скоче	схоче
—	19	—	Понабиралѣ	Понабиралы
—	21	—	заряеы,	заряды,
—	26	—	прять“	прать“
—	32	—	преписнять,	притиснять,
—	35	—	заприсяонете	заприсягнете
94	6	—	хрешенымъ.	хрещенимъ.
96	—	10	кабачныкы	кабычники
97	8	—	купляють	куплять
—	10—11	—	еретычному	еретычому
99	—	5	татарва набье,	татарва побье,
101	—	8	РАЗСКАЗЪ Б. В. 3)	РАЗСКАЗЪ В. 3)
102	3	—	люды ячать мы	люды ячать; мы
104	—	10	глову“!	главу“!
105	—	3	„Ну скурви сыны,	„Ну, скурви сыны,
—	—	11	Галдовыкивъ	Галдовныкивъ
—	—	14	ну братци,	ну, братци,
109	—	10	и кажуть—ну,	и кажуть: „ну,
111	8	—	Я все чую все розбираю	Я все чую, все розбираю
—	13	—	черезъ тынъ,	черезъ тынъ;
—	14	—	пидбырають. .	пидбирають. . .

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе . . . . . .

ОТДѢЛЪ I-й.

Легендарныя сказанія.

1) Десна и Днѣпръ. Варіантъ А 5
2) „ „ „ Б 6
3) Могилы и долины 8
4) Происхожденіе могилъ и ихъ назначеніе (Сводъ мнѣній разсказчиковъ) 10
5) Происхожденіе рѣкъ, овраговъ.—Керасинъ . . . 12
6) Происхожденіе камней. Чудовищныя змѣи. Великаны. 13
7) Велетни (великаны) 14
8) Каменныя бабы А. 15
9) „ „ Б. . . . . —

ОТДѢЛЪ II-й.

Урочища. Старожитные города и села.

А. Правый берегъ Днѣпра.

10) Балка Гадючая у порога Гадючаго 16
11) Балка Бабурка и давніе ея обитатели 17
12) „ „ и р. Средняя Хортица 18
13) Рѣчка Нижняя Хортица 20
14) Урочище. Бѣляй.—Пески 22
15) Лысая гора, Крутой Яръ и Канивское 26
16) „ „ и креница Андрея Первозваннаго . . 27

Стр.

17) Половица (нынѣшн. Екатеринославъ) Разск. 1-й . 28
18) „ „ „ Разск. 2-й . . 31
19) Никополь 34
20) Село Аулы 36

Б. Лѣвый берегъ Днѣпра.

21) Урочище Сагайдачное на Днѣпрѣ 39
22) Рѣчка Московка и урочища по ней 43
23) Рѣчка Кушугумъ 44
24) Рѣки—Волчья и Конка 45
25) Великій Лугъ 47
26) Городище въ Великомъ Лугу 56
27) Шпыль—гора надъ Великимъ Лугомъ 58
28) Бытый Запорожскій шляхъ и Баштовые дубы въ Великомъ Лугу 59
29) Баштовые дубы и могилы 60
30) Протоки, озера, гряды въ Великомъ Лугу 61
31) То же въ другихъ дачахъ 62
32) Кучугуры въ Великомъ Лугу 64
33) Кобыльная балка и Кобыльная рѣчка 65
34) Могилы—Бѣльмакъ, Токмакъ и Каменныя 66

ОТДѢЛЪ III-й.

Историческія лица.

35) Кошевой Сирко Вар. А. 69
36) „ „ „ Б. 70
37) „ „ „ В. . . . . —
38) Князь Долгорукій и Сирко 71
39) Хмельницкій и его плавня. Долгорукій и Сирко.—Чалый 72
40) Семенъ Палій 74
41) Савва Чалый (гайдамацкій ватажокъ) 77
42) „ „ разсказъ 2-й 79

Стр.

43) Кошевой Калнышевскій. Разсказъ 1-й 81
44) „ „ Разсказъ 2-й 83
45) Переселеніе Задунайскихъ Запорожцевъ въ Россію. Кошевой Осипъ Гладкій. Разсказъ 1-й 85
46) Тоже. Разсказъ 2-й 89

ОТДѢЛЪ IV.

Запорожская старина въ разсказахъ.

47) Происхожденіе Запорожцевъ. Легенда 1-я. 92
48) „ „ Легенда 2-я 94
49) Кіи—первоначальное названіе Запорожцевъ . . . 95
50) Черты изъ жизни Запорожскихъ козаковъ . . . 96
51) Чумаки и запорожская сторожа въ степи. 99
52) Изъ временъ татарскихъ набѣговъ. Разсказъ А. . 100
53) Разсказъ Б. 101
54) Разсказъ В. (отпоръ запорожцевъ) . . . . . —
55) Химородникъ (колдунъ) 102
56) Характерство Запорожцевъ въ народномъ представленіи. Разсказъ 1-й 103
57) Разсказъ 2-й 104
58) Разсказъ 3-й . . . . . —
59) Смерть и похороны характерника . . . . . —
60) Какъ Запорожцы перехитрили Потемкина 104
61) Долголѣтіе у Запорожцевъ 106
62) Великорусскіе крестьяне въ запорожскихъ Вольностяхъ 107

ОТДѢЛЪ V.

Малорусская сатира, юморъ. Суевѣріе.

63) Какъ литвины воевали хохлацкій серпъ 109
64) Оплакиваніе тещи 110
65) Вовкулаки. Разсказъ 1-й . . . . . —

Стр.

66) Вовкулаки. Разсказъ 2-й 111
67) Пустельникъ (пустынникъ) . . . . . —
68) Черти табачники 112

Приложеніе.

Переписка Запорожскихъ козаковъ съ Турецкимъ султаномъ (ходячая рукопись).

69) Варіантъ А. 113
70) Варіантъ Б. 115

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ настоящемъ сборникѣ сгруппированы разсказы, разновременно напечатанные въ Екатеринославскихъ изданіяхъ „Степь", „Губернск. Вѣдом.", въ журналѣ „Кіевская Старина", въ „Александровскомъ адресъ-календарѣ" и др. Въ I-й отдѣлъ выдѣлены легендарныя сказанія о происхожденіи рѣкъ, могилъ, долинъ, скалъ и проч.; о чудовищныхъ змѣяхъ, великанахъ, каменныхъ бабахъ; во II-й—разсказы объ урочищахъ, т. е.—тѣхъ же рѣкахъ, могилахъ и проч. связанныхъ съ именами запорожцевъ; въ III-й—преданія объ историческихъ герояхъ, воспѣтыхъ народной поэзіей; въ IV-й—сказанія о происхожденіи запорожцевъ, чертахъ ихъ жизни и „характерствѣ"; въ V-й—малорусская сатира, юморъ, суевѣрія. Наконецъ, въ видѣ приложенія, помѣщено два варіанта ходячей „Переписки запорожскихъ козаковъ съ Турецкимъ Султаномъ".

Во многихъ разсказахъ, помимо легендъ, облеченныхъ въ поэтическую окраску, народная память отмѣчаетъ не мало интересныхъ воспоминаній изъ прошлаго *Дикаго поля*, о его кочевникахъ, первыхъ колонизаторахъ и осадчихъ. Попутно указывается также на уцѣлѣвшія пепелища козаковъ и отдѣльныхъ ватажковъ, на слѣды стоянокъ древнѣйшихъ народовъ, сокрытые клады и проч. Въ III отд. вниманія заслуживаютъ разсказы о запорожскомъ кошевомъ *Сирку*, хвастовскомъ полковникѣ *Палѣ*, гайдамацкомъ ватажкѣ *Саввѣ*, послѣднемъ кошевомъ Запорожской Сѣчи *Калнышѣ* и кошевомъ задунайскихъ козаковъ (потомки Запорожцевъ) *Гладкомъ*. Въ интересахъ мѣстной старины, нѣкоторые разсказы дополнены личными изслѣдованіями, другимъ удѣлены поясненія и архивныя справки.

Я. Новицкій.

Александровскъ, 12 ноября 1910 г.

ОТДѢЛЪ I-й.

Легендарныя сказанія.

---

1. Десна и Днѣпръ

(Полѣсское).

1) Варіантъ А.

Днипро и Десна—це братъ и сестра,—були колысь люди. Якъ выросли воны, батько и мати поблагословили ихъ въ дорогу. Змовылысь воны выйти ранкомъ и полягали спать. Десна любыла спать и проспала ранокъ, а Днипро проснувся на зори, порозвертавъ горы, порозчищавъ гырла и заривъ степами. Десна проснулась, якъ брата нема. Вона пустыла ворона впередъ и побигла слидкомъ. Летыть воронъ и якъ тико нагоне Днипра, всякий разъ и кряче. Шо повернe Десна до Днипрового гырла,—то винъ въ бикъ—и полився дали. Багато разъ Десна пидвертала до Днипра, багато разъ повертавъ винъ въ бикъ (того винъ такий и крученый). На ворона напавъ рыбень и давай биться. Чи довго бились, чи ни,—Днипро добигъ до моря. Якъ почула Десна одъ ворона, що Днипръ далеко,—прыжималась до брата и злилась въ его гирламы. Теперъ вона тече ливою стороною, а Днипро правою. Де есть острови и сепли середь рички—тамъ росходяться Днипро зъ Десною. Якъ ясный день, то знацно де Днипро, а де Десна: въ Днипри сыня вода, а въ Десни жовта жовта; Десна тече тыхо, Днипро—прудко. Про Днипра и Десну есть писни:

Десна Днипру ридна сестра,
Десна Днипра спередила,
Горы, кручи становыла,

Днипра—брата не спынила;
Ще й ворона посылала.
А въ Кыеви въ Днипръ упала....
Жалуеться Лыманъ морю,
Шо Днипръ узявъ свою волю,
Свои гырла прочышае,
Лыманъ—море—засыпае.

Дѣдъ Михайло Антоновичъ Кирикъ, 92 л., д. Яныкова (Федоровка), Екатеринослав. у., 2 іюня 1886 г.

2) Варіантъ Б.

Днипро—братъ, Десна сестра,—обое диты Лымана. Зостарився Лыманъ и ослиивъ. У Днипра рукы булы въ шерсти, у Десны ни: вона надила рукавычкы вовняни [1]) и пишла прохать у батька благословенія. Лыманъ лапнувъ за рукы, —воны въ шерсти и поблагословывъ. Десна тоди пишла впередъ и давай становыть высоки горы та скели, щобъ не було брату проходу. Прыйшовъ до Лымана Днипро. „Благословить, каже, тату!"—„Я жъ тебе, сынку, благословывъ".— „Ни, каже, я не прыходывъ: то васъ обманыла сестра!". Поблагословывъ Лыманъ и каже: „Ну, доганяй же сестру!" Днипро порозвертавъ горы, скели, догнавъ сестру и пишовъ зъ нею поручъ [2]): винъ по праву, вона по ливу сторону. Ого, шо порогы, заборы,—то все ставляла сестра, а Дниъ порозвертавъ и якъ заривъ,—ревитеме покы свитъ сонця... Днипро по правди робе: прочышае глыбъ, дае дорогу суднамъ, а Десна ни: вона ставыть косы и засовуе ричку пискомъ. У Днипра берегъ быстрый, а у Десны тыхый. У Десны биль ше рыбы и биль ше одмитивъ [3]). Про Десну та Днипро спивають:

[1]) Шерстяныя. [2]) Рука объ руку, вмѣстѣ. [3]) Загибъ въ долинѣ рѣки, гдѣ мало замѣтно теченіе—заводь.

Закладався сызокрылый
орелъ
Зъ гнидымъ конемъ:
—Ой ты коню, ридный
брате,
Есть у поли крыныченька,
Тамъ холодна водыченька,
Ой хто впередъ долетыть,
Ой хто впередъ добижыть,
Той тому нижокъ утне [1]).
Орелъ каже, шо вылетю,
А кинь каже, шо выбижу.
Орелъ летыть надъ лугами,
А кинь бижыть все кряжамы;
Орелъ летыть дибровою,
А кинь бижыть дорогою;
Орелъ летыть,—перо зве-
ныть,
А кинь бижыть—трава шу-
мыть;
Орелъ летыть—преморывся,
А кинь добигъ тай напывся,
Тай напывся, покотывся [2])
Засмутывся сызокрылый
орелъ,
Та до коня долитае.
Братомъ его называе:
—Ой ты, коню, ридный
брате,
Горе жъ, брате, безъ кры-
лечокъ,
А якъ тоби безъ нижечокъ:
Даруй мене крылечкамы,
Шобъ не ходыть нижеч-
камы.

Ну,—каже кинь, колы не справывся, оставайся моимъ меньшимъ братомъ.

Дѣдъ Мартынъ Власовичъ Заика (Кравецъ по уличному), 78 л., изъ с. Новыхъ Кайдакъ. Екатеринославъ, 9 мая 1887 г.

Какое отношеніе имѣетъ приведенный отрывокъ народной пѣсни къ Днѣпру и Деснѣ, дѣдъ Заика не могъ пояснить; между тѣмъ интересное объясненіе далъ намъ другой, 82 лѣтн. старикъ Степанъ Власенко, житель приднѣпровскаго села Вознесенки, Александровскаго уѣзда. По его словамъ, Днѣпръ и Десна (также братъ и сестра), когда шли въ путь, то послали впередъ, первый—„богатырскаго коня", вторая—„сизокрылаго орла", чтобы показывали дорогу къ морю. Пускаясь въ далекій путь, конь съ орломъ условились:—кто изъ нихъ первый очутится у морской криницы и напьется воды, тотъ будетъ старшій, тотъ

[1]) Сломаетъ. [2]) „Сповывать лигъ, покачався". (Пѣвецъ)

отрубить крылья или сломить ноги отставшему. Посланный Днѣпромъ конь мчался съ быстротой стрѣлы; ему не препятствовали ни кручи, ни горы и первый очутился у моря. За нимъ вслѣдъ мчался Днѣпръ и, слившись съ моремъ, широко раздвинулъ берега и зарокотѣлъ порогами. Орла на пути соблазнило гнѣздо рябца и онъ схватилъ птенца. Рябецъ пустился въ погоню, нагналъ орла близъ Кiева и завязалась борьба. Орелъ крикнулъ. Слѣдовавшая за орломъ Десна подумала, что опережаетъ брата—Днѣпра и въ этомъ мѣстѣ слилась съ его водами. Долетая къ морю, орелъ просилъ у коня помилы—не рубить крыльевъ. Конь сжалился и при этомъ замѣтилъ: „Будь же ты меньшимъ братомъ"!

Я. Н.

---

3) Могилы и долины.

(Превращенiе)

Давно, Богъ его зна и коли, живъ на свити багатырь и була у его сестра. Отъ багатырь, шо дня выходить на охоту, та на войну, а сестра зоставалась дома, варила обiдать. Та сестра низьми тай знайся зъ *змiемъ*. Багатырь шо выйде зъ дому, то змiй и летить до сестры. Змiй бувъ дужый, а противъ багатыря и на свити дужчого не було. Задумала сестра звести багатыря зъ свита. Разъ приихавъ братъ до дому, а сестра лащилась до его и пыта:

— Скажи, братику, есть хто противъ тебе дужчий.

— Нема, каже.

— А якъ бы звъязать руки дротомъ?

— Розирву и дритъ.

— Шо жъ есть таке, чого-бъ ты не розирвавъ?

— Все порву, а есть одно,—шовкъ; шовкомъ якъ бы связавъ товсто, тоди-бъ... хто его зна!..

— Ну, добре, брате,—достану шовку; спробуешъ силу?.

— Добре, сестро, достану!

На другий день достала вона шовку, а змій сховався підъ поломъ. Приїхавъ багатырь.

— Нумо, брате, пробовать силу, поки голодный!

— Нумъ.

Сивъ багатырь на лави, а сестра давай его вязать, давай обкручувать руки. Мотає, гай мотає, мотає, гай мотає; намотала уже такъ товсто, що й рукамы не обниме.

— Ну, братику, — пробуй!

— Добре, — побачу.

Смыкнувъ винъ, — не рветься. Сестра тоди: „вылазь, змію, скорише!". Тико, що показавъ змій голову, а багатырь якъ напьявся, — такъ той шовкъ зъ шкурою и злизъ зъ рукъ. Винъ тоди махнувъ разъ, друге, втрете шаблею, — такъ ти три головы у змія и одлетилы. „Оттака ты, каже, у мене вирна сестра?!".. Взявъ тоди ии за косы, прывьязавъ дыкому коневи до хвоста и пустывъ... Якъ понесъ же той кинь, якъ понесъ!... Оце де вдарыться вона головою — тамъ могыла, де вдарыться задомъ, тамъ долына!... Оббивъ той кинь увесь свитъ, рознисъ маслачкы до одного и вернувся. Съ того часу, кажуть, сталы могылы и долыны...

Довго ще живъ той багатырь съ конемъ и жылы вины дружно. Передъ смертію ставъ винъ по ночахъ издыть за сто верстъ, та возыть тымъ конемъ камины. Навозывъ и загадуе коневи: „Якъ умру, каже, — насыплешь могылу"... Умеръ винъ. Кинь насыпавъ зверхъ его высоку, высоку могылу и обкладавъ каменемъ. Изъ сему, — де невелички могылкы, та долыны, — то сестры багатыревои[1], а де высоки, — то велыкыхъ багатырывъ. Теперь, якъ розкопують велыки могылы, то находять маслакы чоловичи и кинськи; — то багатыривъ ховалы вмисти съ киньмы, бо вирно жылы. У насъ багато могылъ запорозькихъ, бо и миждъ нимы булы велыки багатыри.

[1] Могылкы сталы на тыхъ мисцяхъ, де дыкый кинь порозбывавъ кисточкы лыхои сестры. *Поясненія разсказчика.*

Давно, ще цей край звався *дыкымъ степомъ,* чумакы бачылы багатырьского коня. Ихала, кажуть, валка степомъ, колы чумакы глянулы на Савуръ могылу,—ажъ выскочывъ дыкый жеребець и рже... Побачывъ чумакивъ, та якъ подався, якъ подався,—мовъ та птыця!... добигъ до лису, ставъ на дыбы и подався упьять поверхъ лису... Де пробигъ,—тамъ слидъ: скризь поламавъ верхы на дубахъ. Це винъ, кажуть, одвидувавъ могылу свого багатыря.

Дѣдъ Сергѣй Петровичъ Вовкъ, 60 л., с. Григорьевка, на р. Конкѣ, Александровск. у., 21 ноября 1889 г.

---

4) Происхожденіе могилъ и ихъ назначеніе.

(Сводъ мнѣній разсказчиковъ).

А.

Могилы высокія—это передъ потопомъ люди насыпали, спасаясь отъ воды; могилы меньшія—насыпали тѣ же люди, но не успѣли, и ихъ потопила вода.

Джигръ, Самарскій, Рыбалка, Черноволъ и др. дѣды.

Б.

Въ открытой степи, на кряжахъ, въ долинахъ, на склонахъ горъ есть маленькія могилки,—это могилки байбаковъ (сурковъ). До 1840-хъ годовъ ихъ было много здѣсь, рыли они норы глубоко, а землю выносили каждый въ одно мѣсто, отчего и образовались могилки.

Орелъ, Власенко, Штепа, Савоська и др.

В.

Когда люди жили войною, насыпали могили на высокихъ кряжахъ степи, чтобы высматривать непріятеля. На

нихъ ставили вѣхи и при появленіи орды и другихъ непріятельскихъ полчищъ, вѣхи наклонялись, а предупрежденный народъ предпринималъ мѣры обороны или прятался въ лѣсахъ, норахъ, пещерахъ, камышахъ.

Могилы имѣли еще и другое значеніе. Въ старину, когда степь была пустынной, люди старались направлять дороги кряжами на большія могилы, издалека указывавшія путь, а на могилахъ этихъ запорожцы разставляли „гардоны" (кордоны) для охраны чумаковъ и другихъ проѣзжихъ отъ нападенія татаръ и турковъ. Близъ такихъ могилъ, на дорогѣ, козаки выставляли ратище, простилали войлокъ и всякій проѣзжій останавливался и клалъ, что могъ изъ съѣстныхъ припасовъ или деньги на продовольствіе *сторожевыхъ* козаковъ. Многія могилы получили отъ этого названіе *сторожевыхъ*.

Власенко, Гончаренко, Орелъ, Бутко, Лутай и др.

Г.

Ще до запорожцивъ жывъ народъ не нашои виры. Було якъ убьють ихнего князя, або умре, то его ховалы и насыпалы высоки могилы. На такихъ могилахъ ставлялы каменни бабы. Кажуть, якъ роскопать высоку могылу, то тамъ можно найты людськи и кинськи маслакы. Есть ще высоки могылы, насыпани запорожцямы,—це *сторожеви могылы*: тутъ стояла козацька сторожа, або, якъ кажуть,—*гардоны*. Такыхъ могылъ багато биля Днипра, де жылы запорожци и скризь, де булы ихъ розгоны и урочища.

Андрей Иван. Нагирный, 97 л., 1885 г.

Д.

Господь создавъ землю, а потимъ людей, и воны довго жылы безъ сонця. Зжалывся Господь надъ мыромъ и пославъ святе сонечко. Инчи люды радовалысь, а инчи не злюбылы сонця,—почалы насыпать высоки могылы, тобъ то до неба,—почалы съ тыхъ могылъ плювать на праведне

сонце. Розгнивался Господь и кто зъ людей плювавъ, той на могыли и окаменивъ.

Высоки могилы, де стоялы колысь каменни бабы,—стоять отъ сотворенія мира. Литъ 50, 60 назадъ, на могылахъ було багато бабъ, а потимъ, якъ почалы селиться люды—стало тисно и бабамъ: ихъ потягалы въ слободы и повкопували биля воритъ.

Грыценко Устимъ, 72 л., Маріуполь 1892 г.

---

5) Происхожденіе рѣкъ, овраговъ.—Керосинъ.

(Кузьма и Демьянъ—божьи кузнецы.—Чудовищный змѣй.)

Колысь на земли живъ *змій*. Багато винъ пожравъ людей,—бо лучшого его на свити не було. Въ те время жилы *Кузьма* и *Демьянъ*,—божи ковали. Отъ задумалы воны того змія зъ свита згубыть. Змій сунувся до ихъ, а воны въ кузню и заперлы зализни двери. Змій и каже: „Кузьма—Демьянъ, божи ковали,—видчиныть, а то вовтиму вмисти съ кузнею"... Ти и одвичають: „Коли ты силу маешь, пролыжи двери сразу на языкъ, и впустимо." Змій лыже, тай лыже, а свити гріють, тай гріють залізо, та кують клещи. Пролызавъ змій двери, всунувъ языкъ. Кузьма та Демьянъ клищами за той языкъ и почалы гатыть молотамы... Укорилы змія, запряглы въ плугъ, що на дванадцять паръ воливъ и давай орать. Оралы степъ вздовжъ, оралы впоперекъ и скилько змій не просивъ—не давалы ему ни пыты, ни исты. „Буде съ тебе, кажуть, и того жиру, що одыхався на людяхъ"... „Ну,—каже змій,—коли такъ, то передъ страшнымъ судомъ освитю и своимъ жиромъ весь свитъ"... Чи довго ще оралы чи ни, дійшлы до моря. Змій—въ море и давай съ гарячу пыть... Пывъ, пывъ, выпывъ все море и лопнувъ... Кузьма—Демьянъ взялы и закопалы того змія пидъ горою.

Богъ его зна, колы це въ свити було, а ось не багато голивъ, якъ полывся гасъ[1]) съ тіеи горы. Це-бъ то и кинець свита блызько... Въ слободахъ и теперъ не всякый свите гасомъ, бо винъ не чыстый.

Такъ отъ, колы хочете знать, видкиля взялыся по степахъ ричкы и балкы! Кузьма та Демьянъ, покы не заморылы змія,—оралы глыбоко и потеклы ричкы, а якъ заморылы,—оралы милко и сталы балкы.

Дѣдъ Григорій Омельченко, 80 л., закожій городовикъ (поставецъ), с. Крестовка. Маріун. у. 16 мая 1905 года.

---

6) Происхожденіе камней. Чудовищныя змѣи, великаны.

До Хрыстового рожденія лукавый мавъ велыку сылу! Каминня, скели, пещеры—це все его робота. Въ пещерахъ винъ ховався отъ Божого гнива, отъ гриму. Тоди людей ще мало було, искушать никого, такъ винъ и давай розносыть та роскыдать по земли каминня: де кыне малый каминець—черезъ годъ выросте велыкый; де покладе велыкый—тамъ выросте скеля. Хотилось ему всю землю покрыть каминнямъ, щобъ ни що не росло, не жывъ чоловикъ, звиръ, птыця Божа. Тико не по его выйшло: народывся Хрыстосъ, заразъ же проклявъ нечыстого. Съ того часу каминня такъ и зосталось.

Пиеля Хрыстового рожденія, въ шкалубынахъ,[2]) жылы зміи съ трема головамы; воны литалы по свиту, илы людей и всяку звиряку. Довго воны жылы на свити и може-бъ ще жылы, такъ звоювалы ихъ багатыри—велени.[3]) Страшенный, кажуть, народъ бувъ. Колысь вознесенскый чоловикъ копавъ колодизь и на девъятому сажени найшовъ такый зубъ,

---

[1]) Керосинъ.

[2]) Въ пещерахъ.

[3]) Великаны.

шо насылу пиднявъ. Жовтый винъ, жовтый та мисный, якъ каминь. Понисъ у волость показать, а стари люды и обизвалысь: „це зубъ веленя“... Писля багатыривъ ще жылы зміи, тико уже зъ одніею головою. У насъ, кажуть, жыло тры зміякы: одынъ на острови Хортыцькому, другый—на порози Гадючому, а третій—на острови Перуни, шо нызче порога Будыла. Пещеры ихъ и теперъ есть. Ци зміякы похожи булы на велыкыхъ гадюкъ, тико умилы литать. Крыла у ихъ булы, кажуть, якъ у кажана и покрыти лускою. Хвистъ довгый, а на кинци мовъ стрилка зъ зазубнямы. Якъ понаходылы сюды запорожци, якъ почалы воювать туркивъ—воны зъ ляку и порозлиталысь къ бисовій матери... Писля зміивъ плодолысь тутъ полозы. Це уже гадъ недавній, бо и наши батькы бачылы. Полозъ кажуть, бувъ гадъ товстый и довгый и якъ обкрутыться кругомъ вивци, або чоловика, такъ и задаве. За людьмы винъ котывся колесомъ, а шобъ не догнавъ—треба тикать протывъ сонця:—винъ тоди не баче.

Дѣдъ Ѳома Горянецъ, 73 лѣтъ, о-въ Хортица, 30 августа 1886 года.

---

7) Велени.

(Великаны).

Богъ его зна, чы до потопа, чы до Хрыстового рожденія жылы тутъ велыки люды—велени. Ихъ маслакы и теперъ находять, тико дуже глыбоко въ земли. Диды наши розказувалы, шо якъ сталы сюда заходыть люды, то заразъ почалы орать и сіять. Отъ разъ, кажуть, выихавъ чоловикъ съ погонычамы, запригъ висимъ паръ воливъ въ плугъ и оре соби. Колы це де не взявся зъ за Днипра велень, забравъ всихъ зъ воламы, зъ плугомъ въ жменю, ступнувъ тамъ стико разъ и опынывся верстъ за сто биля своеи матери. Прынисъ и показуе: „дывысь, мамо, яка ма-

ла муравка, а землю портыть." Маты глянула и каже: „одпесы, сынку, де взявъ, нехай портыть: зъ нен колысь люди будуть". Вернувся той велень и пустывъ людей на рилля, де взявъ.

Макаръ Евдоким. Пазюкъ, 80 л., с. Бѣленькое, Екатеринославскаго уѣзда, 12 іюля 1887 г.

---

8) Каменныя бабы.

(Происхожденіе).

А.

На могили пасла баба овець. Недалеко жыды мучылы Варвару. Вона вырвалась и сховалась мижъ вивцямы. Сталы жыды пытать бабу, а вона и показала пальцемъ. Съ того часу окамьянила вона и вивци.

Трофимъ Кузьмичъ Лубенецъ, 45 л., с. Крестовка, Маріупольскаго уѣзда, 8 іюля 1905 г.

9) Б.

Каменни бабы—то люды колысь булы. Ихъ звалы велыкдонамы, а инчи веленями. Це, кажуть, бувъ превелыкый народъ и жывъ винъ до созданія сонця. Якъ славъ Господь сонце, сталы велыкдоны выходыть на могылы, сталы плювать на его. Господь розгнивався и проклявъ ихъ. Съ того часу воны зменьшалысь и покамьянилы. У насъ цихъ бабъ не дуже багато, а найбильше ихъ въ Таврiи: въ Васылевци, Янчекраци и инчихъ слободахъ.[1]) Тамъ нымы пидпырають тыны,[2]) та ставлять на воротяхъ.

Дѣдъ Яковъ Рыбалка, 75 л., с. Андреевка, Алекс. у., 7 апрѣля 1886 г.

[1]) Села Мелитопольскаго уѣзда.

[2]) Плетни.

ОТДѢЛЪ II-й.

Урочища.

А. Правый берегъ Днѣпра.

(а) Балка гадючая у порога Гадючаго на Днипри.

(О множестви таковыхъ въ старину.—Легенда о Змій.)

Въ стари годы, по балци *Гадючій*, бувъ густый дубовый лисъ и скризь по надъ балкою росли груши и кислыци. Въ балци стилько водылось гаду, що страшно було и ходыть. Въ осени, годи сами, якъ гадъ поховается въ норы, ходемо, було по груши и кислыци. Отсе, було, якъ прогорнешь листя пидъ деревомъ, то такъ и нагребешь мишокъ грушъ. Та ще й груши не яки небудь: мняки та добри.

Ще, кажуть, въ Гадючій балци водылысь полозы, а нызче порога Гадючого, на острижку, була, та й теперь есть—*скеля* (пещера, нора), де живъ Змій съ трема головамы; его вси боялысь... Оце якъ летыть, то такъ весь свитъ и засяе! Це було давно. Зміивъ, кажуть, водылось тутъ три: одынъ на *Перуни* (острови), другый на Гадючому порози, третій—на острови Хортыци. На Хортыци, якъ разъ въ *Бычій Головы*, есть и теперь глыбока скеля; мы іи такъ *Зміевою* и звемо.

Супротывъ острова *Перуновыго*, що нызче порога Гадючого, покопани *городкы* (редуты), де, кажуть, война була, а ще нызче, де Старый Кронцвей (менонит. кол. Кронсвейде), скризь по писку багато невеличкыхъ могилокъ, вони вси моцъ обкладени камнинямъ. Якъ бувъ я малымъ

и пасъ нимецьку череду, то було часто находю мидни стрілочки: писля великого витру, а бо писля дощу, такъ и лежать, було, поверхъ писку.

Дѣдъ Ѳока Горяинецъ, 71 г., Вознесенка, Александр. у., 10 августа 1886 г.

Небольшія могилы, о которыхъ упоминаетъ разсказчикъ, разбросаны на песчаномъ склонѣ къ Днѣпру, а нѣкоторыя расположены попарно. Если взять въ соображеніе, что на ближайшемъ островѣ Пурисовомъ въ 1877 г. отмыта теченіемъ толща человѣческихъ костей на значительномъ песчаномъ пространствѣ, то нельзя не прійти къ догадкамъ о существовавшемъ здѣсь нѣкогда побоищѣ. Мѣстность эта, во свякомъ случаѣ, является интересною и достойна серьезнаго изслѣдованія.

Я. Н.

---

11) Балка Бабурка и давніе ея обитатели.

На балыци, що звемо *Бабуркою*, жывъ запорожець *Бабура*. Тамъ, кажутъ, колысь и ричка була глыбока та очеретувата; була рыба и раки, було звира и птыци багато. Биля Бабуркы и на Хортывському острови жылы запорожци Шевци, Довгали, Громуха, Кучугура, Головко, та ще де-яки. Якъ закупылы нимци бабурську землю, то котри хозяевыти козаки,—перебралысь въ слободу Везнесенку, [1]) та въ *крипость*, [2]) а котри бурлакы та рыбалкы,—зжылы викъ биля Днипра. Швець, Довгаль—це велыки прыятели моему дидови. Розсказувавъ покойный батько, шо по первахъ, въ Вознесенци, було всего навсего 13 хатъ и вси запорозьки. Тоди, було, до дида зъижаються запорожци гулять видовсюды: зъ балкы *Биленькои*, съ пидъ *Лысои Горы*, *Крутого Яру*, зъ *Великого Лугу*. Въ Крутимъ Яру жывъ бурлака и

[1]) Ближайшее къ Александровску селу.

[2]) Александровскъ.

827103

ДНІПРОПЕТРОВСЬКА ОБЛАСНА БІБЛІОТЕКА ім. Жовтневої Революції

характерникъ Каминникъ съ Харсуномъ. Ти, кажуть, багато грошей вывезлы съ Польши. Каминникъ подався въ Чорноморію, а Харсунъ остався въ Крутому Яру. Скушно стало одному, а тутъ ще и паны гонять; винъ кынувся въ г. Олександривскъ и прыставъ до Васыля Ляшенка. Багато грошей було у Харсуна! Якъ умеръ,—зажывъ тоди Ляшенко и зъ мужыка ставъ купцемъ! Съ цихъ козацькихъ, грошей пишлы жыть сыны и унукы Ляшенка.

Дядь Степанъ Власенко, 86 л., с. Вознесенка Александр. у., 25 февраля 1890 г.

---

12) Балка Бабурка и р. Средняя Хортица.

(По воспомин. старожиловъ мононитовъ).

На этой балкѣ жилъ запорожецъ *Бабура*, отчего и балка получила названіе *Бабурки*. Этой балкой течетъ въ Днѣпръ и р. *Средняя Хортица*.

О Бабурѣ сохранилось много воспоминаній. Въ 1789 г., монониты, по прибытіи, застали его вблизи Днѣпра. Онъ былъ заслуженный козакъ, жилъ въ домѣ, обставленномъ оружіемъ и хорошимъ хозяйствомъ, имѣлъ хорошій фруктовый садъ и къ нему, жившіе здѣсь простые запорожцы-рыбаки, относились съ особымъ уваженіемъ [1]). Одѣвался онъ по козацки, носилъ хорошо отрощенные усы и на головѣ чуприну. Когда явилась первая партія мононитовъ

[1]) По исповѣднымъ росписямъ Покровскаго Собора въ г. Александровскѣ за 1782—1785 г., видно, что на р. *Средней Хортицѣ* былъ поселокъ и дача „Его свѣтлости, князя Потемкина“, гдѣ жилъ поручикъ Иванъ Бабура съ женой и сыномъ. Въ поселкѣ *Средняя Хортица* отмѣчены „малороссіянекозацкаго званія: Сѣроштанъ, Задирака, Шаповалъ, Моисей Бабура, Кузьма Шугай и Андрей Верба“. Впослѣдствіи, жители поселка, изъ боязни закрѣпощенія, перемѣстились въ войсковую казацкую слободку Нескробинку (Вознесенку, Александр. у.) и въ посадъ Александровскъ, нынѣшн. уѣзд. городъ.

на островъ Хортицу, онъ пріѣхалъ къ депутату Гепперу познакомиться, а на слѣдующій день, на обзаведеніе прислалъ ему по парѣ гусей, утокъ и куръ. По пріѣздѣ нѣмцевъ однако, онъ оставался недолго, распродалъ лошадей, скотъ и переселился въ Черноморію. Послѣдовало за нимъ не мало и другихъ козаковъ, обитавшихъ въ *Великомъ Лугѣ*.

Въ то время на гористомъ склонѣ къ Днѣпру, неподалеку отъ балку Бабурки, было брошено много козацкихъ усадьбъ, съ хорошими садиками, откуда меннониты брали молодыя деревья для посадки.

Рѣка Средняя Хортица была въ то время, хотя и узка, но глубока, рыбная, поросшая непролазнымъ камышемъ. По лѣвую сторону р. Средней Хортицы, на степи обращенной къ Днѣпру, уцѣлѣли четырехугольные окопы, въ родѣ редутовъ. На этихъ мѣстахъ, говорятъ, запорожцы ставили стожки сѣна и окапывали рвами, въ предупрежденіе отъ степныхъ пожаровъ.

На балкѣ Бабуркѣ, близъ впаденія ея въ Днѣпръ, была русская слобода, которая переведена въ другое мѣсто послѣ 1803 г., когда на той же балкѣ, въ одной верстѣ отъ Днѣпра, основана была меннонитская колонія *Бурвальдъ* (въ народѣ Бабурка).

Ниже балки Бабурки жилъ запорожецъ *Громуха*. [1]) Онъ нѣкоторое время жилъ еще послѣ 1803 г., такъ какъ нѣмцы помнятъ его, какъ зажиточнаго и хлѣбосольнаго сосѣда. Бывало, кто запоздаетъ по пути изъ Высшей Хортицы въ Низшую, то всегда найдетъ у него ночлегъ и гостепріимство, такъ какъ степь была покрыта рослой травой и кустарниками, гдѣ водилось много волковъ и потому была не безопасна. Случались въ то время, нерѣдко, и разбои.

---

[1]) На островѣ Хортицѣ, близъ паромной переправы, сохранилось названіе *Громушиной* балки и скалы. Здѣсь, передаютъ старожилы, козакъ Громуха держалъ ватагу рыбаковъ, здѣсь же стоялъ его рыбачій кошъ. *Я. Н.*

По разсказамъ меннонитовъ к. Бурвальд.—Юліуса Неткау 86 л., Абрама Левина 78 л. и кол. О-въ Хортицкой Ивана Гильдебрандта 63 лѣтъ.. Записано въ маѣ 1887 года

13) Рѣчка Нижняя Хортица.

(Сѣѣна населенія)

По разсказамъ старожиловъ и архивнымъ изслѣдованіямъ.

Послѣ паденія Запорожской Сѣчи въ 1775 году, на рѣчкѣ *Нижней Хортицѣ* доживали свой вѣкъ б. ч. семейные козаки—Леонтій Поповичъ, Федоръ Задерака, Максимъ Неченій, Ѳома Самарскій и др., занимаясь рыбной ловлей, охотой, пчеловодствомъ и скотоводствомъ, нагуливая, по преимуществу, хорошихъ верховыхъ лошадей.—Подъ 1780 годомъ, въ дѣлахъ Покровскаго Собора г. Александровска, впервые встрѣчаемъ мы „Слободу *Любимовку*, Екатеринославскаго Намѣстничества, Его Свѣтлости Князя Григорія Александровича Потемкина, заселенную у р. Днѣпра, при рѣчкѣ Нижней Хортицѣ съ правой стороны". Въ 1783 году, по даннымъ того же Собора, Любимовка отнесена „Ея Сіятельству, графинѣ Катеринѣ Васильевнѣ Скавронской", имѣвшей громадныя помѣстья на лѣвой сторонѣ Днѣпра на рѣчкѣ Конкѣ [1]). Въ 1784 г. Любимовка считалась въ Хортицкомъ приходѣ, съ церковью въ слободѣ Ново-Григорьевкѣ (Хортицѣ тожъ), кн. Потемкина, на р. Верхней Хортицѣ [2]), а въ 1789 г. имѣла собственный молитвенный

[1]) До 60000 дес. при слободахъ — Ново-Григорьевкѣ, Большой-Екатериновкѣ (Кушугумовка), Мало-Екатериновкѣ (Краснокутовка), Царицыномъ-Кутѣ (Подстепное), Веселой и Хитровкѣ. Помѣстье это первоначально именовалось также „дачей Его Свѣтл. кн. Гр. Алекс. Потемкина".

[2]) Нынѣ на этомъ мѣстѣ двѣ богатыя меннонитскія кол. — *Хортица и Розенталь*.

комъ во имя святителя Николая. Настоятелями молитв. дома были: въ 1789 и 1790 г.г. польскій выходецъ, священникъ Петръ *Оводовскій* и съ 1791 по 1801—валахскій выходецъ, священникъ Михаилъ *Андреевъ*. Въ 1801 г., по купчей, земля графини Скавронской (съ 1799 г. по замужеству—графиня *Литто)* Любимовка перешла помѣщику Тайному Совѣти. Михаилу Павловичу *Миклашевскому*, въ то время Новороссійскому губернатору. По этому случаю, управляющій имѣніями графини Скавронской на р. Конкѣ Тит. Сов. Митроф. *Свіягинъ*, донося Преосвященному Аѳанасію, Епископу Новороссійскому и Днѣпровскому, о данной ему владѣлицей довѣренности перевесть крестьянъ изъ Любимовки на лѣвую сторону Днѣпра,—просилъ разрѣшенія на перенесеніе молитвеннаго дома въ слободу *Веселую*[1]). Въ 1802 году вслѣдствіе ВЫСОЧАЙШАГО Именного Указа, даннаго Экспедиціи Государственнаго Хозяйства, Опекунства иностранныхъ и Домоводства, земля при с. Любимовкѣ, въ количествѣ 12223 д., перешла отъ Миклашевскаго по купчей меннонитамъ въ количествѣ 150 семействъ, переселеннымъ по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію „изъ Хортицкихъ деревень", и въ пользу этихъ же покупщиковъ остался и молитвенный домъ [2]). Въ 1803 г., занявъ берега Н.-Хортицы, меннониты поселились на лѣвой сторонѣ ея, противъ пепелища Любимовки—справа. Рѣчка Нижняя-Хортица беретъ начало у колоніи Шенебергъ (Смоляная) и течетъ на протяженіи 15 верстъ. Балка, по которой течетъ Н.-Хортица, носитъ названіе *Капустянки*. По разсказамъ старожиловъ, на балкѣ этой, въ свое время, запорожцы имѣли левады и разводили капусту, а отсюда осталось за нею и названіе.

При впаденіи р. Нижней-Хортицы въ Днѣпръ, она глубока и рыбна на протяженіи менѣе версты, далѣе же въ степь, въ лѣтнюю пору, почти высыхаетъ. Въ весеннее

[1]) Въ отвѣтъ на это, Консисторіей поручено было Маріупольскому Духовному Правленію представить справку о количествѣ душъ въ слободѣ Веселой и ближайшихъ къ ней деревняхъ,—но отвѣта послѣдняго при дѣлѣ нѣтъ. (Арх. Покр. Соб.).

[2]) Подл. купч. крѣп. хранится въ Хортицк. Вол. Правленіи.

половодье широкая, при устьѣ, долина рѣчки заливается версты на двѣ и получаетъ названіе *лимана;* въ это время съ Днѣпра заходитъ много рыбы, по преимуществу короповъ и лещей для терки, и поэтому здѣсь бываетъ большой уловъ. При ловлѣ, русскіе рыбаки употребляютъ невода и сѣти, а меннониты охотятся ружьями и остами (острогами).

Въ 2-хъ верстахъ отъ Днѣпра, въ степи, съ балкой Капустянской, справа, соединяется другая глубокая и живописная балка *Колючая.* По преданіямъ, такое названіе балка получила потому, что прежде въ ней кустились терновникъ и шиповникъ, а открытые склоны ея поросши были ползучимъ травянымъ растеніемъ *якорцами* (Tribulus terrestris L), почему для босоногихъ пастуховъ была непроходимой. Надъ балкой Колючей, слѣва на склонѣ, уцѣлѣли слѣды редута, валы котораго имѣютъ въ длину 70 и ширину 40 шаговъ, что представляетъ уклоненіе отъ типа часто попадающихся здѣсь Миниховскихъ укрѣпленій, б. ч. квадратныхъ.

Рыбаки д. Разумовки говорятъ о существованіи въ обѣихъ балкахъ запорожскихъ кладовъ.

Я. Н.

15 сентября 1884 г.

---

14) Урочище Бѣляй—Пески.

Разсказъ.

За *Разумовкою,* не больше якъ зъ версту, биля, Днипра, есть урочыще *Биляй;* въ цимъ урочыщи бувъ колысь густый лисъ и жылы Запорожци *Биляи,* або *Биливци,* видъ того воно такъ и прозвано. Недалеко видъ Биляя, есть друге урочище *Каниѣське,*—тамъ жывъ козакъ *Каниѣський.*

Розказувалы колысь стари диды про губернатора Матлаша [1]). Ця земля, де теперъ Бабурка, Розумовка, Би

[1]) Миклашевскій, Михаилъ Павловичъ, тайн совѣтн., Екатеринославскій губернаторъ,—1801—1804 г.

ленька и инчи слободы, була вся его, вона досталась ему на безцинокъ видъ Розумовського и Каменського[1]). Шо за добрый, кажуть, чоловикъ бувъ губернаторъ Матлашъ, такъ такыхъ ридко и земля роде. Разъ, кажуть, обызжавъ винъ степъ и наткнувся на земляныкы въ урочыщи *Биляи*.

— Шо тутъ за люды жывуть?

— Запорожци!

— Може Чорноморци?

— Ни, пане, Чорноморци въ Чорноморіи, а мы за порогами.

— Такъ запорожцивъ уже нема!

— Воны есть, пане, та не стико, якъ було... Мы запорожцямы булы, запорожцями и помремо.

— Чы такъ, той такъ! Хто-жъ васъ тутъ поселывъ?

— Силы, пане, земляныкамы, якъ ще земля була коацька!

— А жывыте чымъ?

— Ловымъ рыбу, плодымъ скотъ, коней, бжолу.

— А сіете шо?

— Хлибъ на степу, а биля хатъ—тютюнъ, капусту, соняшныкы, баштаны...

— И нихто вамъ не запреща?

— У вашои мылости,—дай вамъ Господь довгого вику,—стико земли, шо добрымъ конемъ за день и не оббижышъ.

— И то правда!... Идить же, братци, жыть до мене въ *Биленьку*, пороблю вамъ хаты: у мене солдатъ не будете давать, а въ вольныхъ слободахъ беруть; не будете и панщыны робыть.

[1]) Въ „Екатеринославскомъ Юбилейномъ Листкѣ“ 1887 г. стр. 68, сынъ бывшаго губернатора, Андрей Михайловичъ Миклашевскій, сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о цѣнахъ на землю въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтій. „По предложенію двухъ фельдмаршаловъ Каменскаго и Разумовскаго, отецъ мой купилъ у нихъ жалованныя земли, въ количествѣ 60000 дес. степной и луговой земли въ Александровскомъ и Екатеринославскомъ уѣздахъ по 25 коп. *ассигнаціями* за казенную десятину“... „Продалъ колонистамъ Хортицкаго округа, гдѣ

Воны послухалы и переселылысь. Правда, стари жылы вольно, а дитямъ ихъ прышлось уже не такъ: изъ вольныхъ козакивъ тай сталы крепакамы. Якъ тамъ кажуть: „у панивъ шыроки ворота входыть, а узьки выходыть“,— такъ було и тоди: на якого пана земли жылы запорожци,— за тымъ ихъ и запысалы въ ревызію. Съ тыхъ козакивъ Биляивъ розвелось въ Биленькій стико, шо на собаку кынь, а Биляя влучишъ. Запорожци Биляи жылы ще, кажуть, въ *Велыкому Лузи*, шо теперъ Канкрынська плавня, въ урочыщи *Холуюватому*, шо супротивъ *Налывача*.

Дидъ мій, Трохымъ *Пазюкъ*, жывъ землянкою тамъ, де теперъ нимецька слобода *Нызча Хортыця*, биля лыману; и его переселывъ въ Биленьку губернаторъ Матлашъ. „Иды, каже, диду, до мене въ слободу дожывать вику“! Послухавъ дидъ, та ось и нашого роду розвелось тутъ чымало.

Тамъ ще, за Розумовкою, биля урочыщъ Биляя и Канивського и упьять биля Крутого Яру есть пискы, а на тыхъ пискахъ або люды жылы, або жъ військо стояло: скризь печыща, черепкы та маслакы. Тамъ находылы стрилкы вугласти, гвиздкы, кули, креминня, а иноди и гроши, Богъ зна колышни.

Дѣдъ Макаръ Евдокимовичъ Пазюкъ, 76 л., с. Бѣленькое, Екатеринославскаго уѣзда, 12 іюля 1887 года.

населилась Капустянка (Блюменгортъ), Бабурка (Бурвальдъ), Устровикъ (Нейостервикъ) около 12000 дес. по 2 р. 50 к. за десятину“.

Въ переводѣ на серебро, земля куплена по 7 к., продана по 72 к. за десятину. Мы имѣемъ копію купчей, совершенной тѣмъ же тайн. сов. Миклашевскимъ 15 октября 1802 г., изъ коей узнаемъ, что доставшаяся ему по купчей крѣпости земля отъ Ея Сіятельства графини Екатерины Васильевны *Литто*, при дачѣ Нижней-Хортицѣ, она жъ Любимовка, 12223 дес., продана имъ переселяемымъ изъ Хортицкихъ деревень 150-ти семействамъ меннонитовъ за 24 т. руб. ассигнаціями, при чемъ издержки 1230 р. 33 к. приняты Миклашевскимъ на свой счетъ. Такимъ образомъ, земля въ количествѣ 12223 д., на наши деньги перешла меннонитамъ за 6227 р. 28 к. или, считая десятину въ 57 к., а съ расходомъ—въ 54 коп. серебромъ.

Я. Н

Пески, о которыхъ упоминаетъ разсказчикъ, дѣйствительно представляютъ интересную стоянку древняго человѣка. Мѣстность эта осмотрѣна нами нѣсколько разъ. *Печища*,—это слѣды костровъ; они возвышаются то тамъ, то здѣсь на большомъ песчаномъ пространствѣ. По изслѣдованіи открытыхъ песковъ отъ д. Разумовки до урочища Крутого Яра и раскопкамъ кострищъ, оказалось, что всѣ они состоятъ изъ кучи золы, перемѣшанной съ обугленными костями четвероногихъ и черепками. Тутъ же, вблизи кострищъ и вездѣ на песку,—разбросаны черепки глиняной посуды. При раскопкѣ небольшого, усѣяннаго черепками бугра, нами найдена разбитая амфора тонкой работы, съ узкимъ горлышкомъ, двумя ручками, съ заканчивающимся остріемъ донышкомъ.

Кромѣ того, при осмотрѣ мѣстности 2 мая 1887 и 26, 27 марта 1888 года, около урочищъ Бѣляя, Капивського и Крутого Яра, нами найдено болѣе 10 наконечниковъ бронзовыхъ стрѣлъ, нѣсколько кремневыхъ стрѣлъ и такихъ же ножей, 2 свинцовыя пули грубой отдѣлки, несомнѣнно запорожскихъ, нѣсколько ружейныхъ кремней. На пескахъ попадаются также мѣдный шлакъ, бусы зеленаго и синяго стекла, кусочки мѣдной проволоки, кусочки закругленнаго на подобіе провоки, зеленаго и синяго стекла въ родѣ изломанныхъ браслетъ, грузила красной глины, раковины рѣчныхъ и озерныхъ молюсковъ (черепашки), наконецъ клыкы дикаго кабана. Послѣдніе чаще попаются вблизи кострищъ, между костями другихъ животныхъ. Тутъ же, изрѣдка, попадаются и человѣческія кости. Изъ монетъ намъ не пришлось найти ни одной, а найденныя ранѣе пастухами, по разсказамъ разумовскаго старика Кирилла Коваля, сбыты въ свое время мѣстнымъ евреямъ-кабатчикамъ.

Повторяемъ,—пески праваго берега Днѣпра ниже острова *Хортицы*, представляютъ обильную почву для научныхъ изысканій.

Я. П.

1 мая 1888 г.

15) Лысая гора, Крутой яръ и Канивськое. [1])

Криница Андрея Первозваннаго.—Клады.

Лысу гору далеко выдно и зъ степу и зъ плавень. Веселе мисто! Глянешъ видтиль,—якъ на долони все—и Днипро, и плавни и слободы! На цій гори скризь писчани кучугуры, та ямы, мовъ крипость яка! Въ одномъ мисти есть крыныця,—то, кажуть стари люды, выкопавъ якыйсь пустельныкъ Андрей Первозванный. Въ стари годы тутъ булы пущи велыки и винъ соби молывся. Потимъ на Лысій гори жыллы запорожци, жывъ тамъ и мій батько, а потимъ по чувъ, шо степъ ставъ панськіи,—винъ и перебрався хуторомъ въ *Велыкый Лугъ*. Колысь було люди находять въ писку багáто креминня, стременъ, куль, (пуль), стрилокъ и всяке зализо. Це жъ все козацьке добро! А то разъ въ *Лысогорскій забори* рыбалка найшовъ кусокъ маслака, выдно зъ ноги, такый, шо въ тры пуда не вберешъ! [2]) Богъ его зна колышне воно и шо воно въ свити за людына або звирюка була!...

Жылы ще запорожци и въ *Крутому Яру*, шо биля *Лысои горы* и въ урочыщи *Канивському*. Въ крутому Яру—лисъ, кручи и таке мисто затышне, шо Богъ его зна де вже такого и найты! Въ Яру и побиля Яру запорожци, кажуть, всю зиму паслы табуны коней и скотъ. У ихъ тутъ булы и хаты, и землянкы, и салкы и пасикы. Уже слободы почалы селыться за Катерыны, уже видовсюды и козацство перебралось въ Черноморію, а въ Крутому Яру ще багато оставалось запорожцивъ. Такъ въ землянкахъ и скалаталы останній викъ. Багатый и хлибосольный бувъ народъ! Полягло все, тико памнять осталась, та ще кажуть, допропа-

---

[1]) Всѣ эти урочища находятся между с. Бѣленькимъ и колоніей меннонитовъ—*Нижней Хортицей*.

[2]) Кость эта (осколокъ бедра мамонта) доставлена намъ и передана въ Областной музей имени Поля въ Екатеринославѣ. *Я. Н.*

сты въ земли лежыть нерушимыхъ кладивъ. Гроши де-яки люды находылы и розжылыся, тико таяться... Давно колысь въ Крутому Яру шось тужыло,—сумно було, а теперъ сумують та тужать по козакахъ пугачы!...

Въ Канивському, шо одъ Яру, блызче до Хортыцы,—и тамъ густый байракъ, и тамъ, розсказують, есть клады. За Канивськымъ, блызче до Розумовкы [1]) на пискахъ, було багато печыщъ [2]), а биля ихъ находылы здоровенни, червони тыквы; ци тыквы не похожи на наши: воны вышыною зъ аршынъ або й бильше, зъ двома вушкамы, а дно гостре[3]). Богъ его зна, якъ его и ставлялы люды на землю..

Дѣдъ Василій Ив. Джереливський, 84 лѣтъ, с. Подстепное (Царицынъ Кутъ), Мелитоп. уѣз., Таврич. губ., 10 января 1885 г.

---

16) Лысая гора и креница Андрея Первозваннаго.

Давно дило було,—ихавъ въ Кывъ св. Андрей Первозванный Днипромъ. Ихавъ винъ одынъ, якъ палець, ихавъ тай прыставъ каючкомъ до Лысои Горы. Зійшовъ на гору,—глянувъ,—колы кругомъ лисъ, степъ та могылы и ни едынои души... Гарно, каже, тутъ, та жалко, шо людей нема... И ставъ молыться... Захотилось ему пыть, а видъ Днипра одійшовъ далеченько. Спустывся съ кучугуръ въ лисъ, копнувъ пидъ деревомъ—и полылась вода... Обиклавъ винъ ту крыныцю каминцямы и сказавъ: „Буде, колысь, зъ неи пыть мыръ хрещеный“... Пишовъ тоди до каючка, сивъ и помахавъ весломъ на пороги.

---

[1]) Дер. Разумовка, основанная послѣ 1778 г. графомъ Кирилломъ Григорьевичемъ *Разумовскимъ*, послѣднимъ гетманомъ Малороссіи.

[2]) Слѣды кострищъ.

[3]) См. Урочище Бѣляй, ст. 5 (примѣч.).

Надъ цією криницею теперъ стоитъ зрубъ и святятъ воду що году на весняного Григорія [1]). Вода въ криниці дуже цілюща и найбильше помага видъ очей [2]).

Дѣдъ Петръ Шевченко (Марченко), 65 лѣтъ, д. Разумовка, Екатер. у., 18 мая 1902 г.

---

17) Половица.

(нынѣшній Екатеринославъ).

Разсказъ 1-й.

(Изъ воспоминаній старухи).

Въ іюлѣ 1873 года я экскурсировалъ въ окрестностяхъ села Ольгинскаго, Маріупольскаго уѣзда. День былъ жаркій. Усталый мучимый жаждою, я направился къ рѣчкѣ Волновахѣ, въ эту пору, правда, во многихъ мѣстахъ пересохшей, гдѣ не менѣе обиловавшей камышемъ, осокою и другою болотною растительностью. Жажды я не могъ утолить: вода въ плёсахъ оказалась негодною; но отсюда, въ полуверстѣ, зеленѣли конопляники, за ними—рядъ кудрявыхъ вербъ и нѣсколько хатъ села. Я ускорилъ шаги. Не доходя къ конопляникамъ, я замѣтилъ живую фигуру, еще ближе —узналъ опиравшуюся на палку старуху. Я къ ней. Позаторовавшись, усѣлся на зеленомъ склонѣ и вступилъ въ бесѣду. Первое мое обращеніе къ ней было—опредѣлить народныя названія собранныхъ растеній и объяснить употребленіе нѣкоторыхъ изъ нихъ въ народной медицинѣ. Дряхлая старушка оказалась глуховатою и плохо зрячею. Она узнала на-ощупь аманъ, кермекъ, нехворощу, а остальныя названія перемѣшала, признавъ нижму за деревей, шандру за „пахучую“ мяту и т. д. Уложивъ растенія въ капсулю и поблагодаривъ старушку, я собрался уходить, какъ вдругъ совершенно неожиданно нашъ разговоръ смѣнился, и мы изъ области ботаники перешли къ исторіи: на это вызвала сама старушка.

[1]) 23 апрѣля

[2]) Отъ глазныхъ болѣзней.

— Видкиля ты сыночку?

— Сдалека, бабушка: отъ самого Днипра.

— Знаю Днипро; знаю... Може зъ Половыци?

— Нѣтъ, бабушка,—изъ Александровска, что вблизи Кичкасса.

— Це бъ то зъ Московкы, шо крипость?

— Да бабушка,—оттуда.

— Знаю, знаю...Малою було, зъ батькомъ издымо Веды кымъ шляхомъ позъ ту крипость въ Токмакъ [1]).

— А Половицу, бобушка, знаете?

— Якъ же не знаты: росла въ ній, знаю ще, якъ зачынався тамъ городъ... Я сама родомъ зъ Пидгороднёи, шо пидъ Самарью (Новомосковскъ).

А сколько-жъ вамъ лѣтъ?

Багато, сынку: девъяносто шестый пишовъ видъ торишнёи Покровы.

— Разскажите же, бабушка, что вы знаете про Половицу:

— Э, сынку, багато треба казать:—нездужаю и забула уже багато. Служила я тамъ у козака нянькою ажъ тры годы. Тоди тамъ жыло запорозьке козацтво. Хаты у ихъ булы велыки и мали, тико тоди планы булы велыки: хата одъ хаты геть-геть, далеко,—гонивъ двое або трое. [2]) Огороды булы одъ горы, де Соборъ, та ажъ до самисинького Днипра. По гори садкы булы у каждого, а по пызахъ левады; въ левадахъ, було, росте капуста якъ видра, огиркы, соняшныкы, тютюнъ и всяка тамъ всячына... Слобода була чымаленька, и люды жылы все заможни [3]), багато малы скоту, коней, хлиба, сина, бжилъ [4])... По гори стоялы козацьки витряки [5]) и не таки якъ теперъ, нимецьки, а меньши, крыти очеретомъ. На Днипри,—тежъ водяни млыны на байдакахъ и було стукотять день и ничъ.

— А городъ, бабушка, когда начался?

— Городъ уже начався тоди, якъ генералы сталы набигать [6]) у Половицю, а потимъ и Катерына проихала.

---

[1]) Село Таврич. губ., Бердянск. уѣзда. [2]) Гоны равны 120 саж. [3]) Зажиточные. [4]) Пчелъ. [5]) Вѣтряныя мельницы. [6]) Наѣзжать.

— А вы бабушка, видѣли царицу Катерину?

— Ни, сынку, не бачыла, мала була. Тоди не такъ було, якъ теперъ; тоди, було, насъ лякаютъ панамы: було кажуть: „Дывысь, панъ иде!"... „Дывысь, москаль зъ ножемъ"... Мы було, и ховаемось въ кущахъ, та бурьянахъ... Сказано, дурни булы, якъ телята...

— Какъ же городъ начинали строить?—разскажите!

— Це я мало знаю, бо мене скоро бятько взялы до дому. Тоди козакы кудысь перебиралысь, а у мого хазяина одибрато планъ пидъ городъ.

— Какъ-же, бабушка, прозывали вашего хозяина?

— Забула, серце: давно було дило.

— А когда городъ построился,—бывали въ немъ?

— Бувала часто, якъ скоро замижъ пишла: було, возымо хлибъ, то такъ де-що продавать, або минять. За хлибъ бильше всёго миняли горшкы, мыскы, глечыкы.

— И хорошъ городъ былъ поначалу?

— Не дуже... Булы дома велыки и мали, було багато и землянокъ... По гори и въ балочкахъ—скризь, було, люды жывуть въ землянкахъ.

— Что-же, бабушка, хорошая была торговля въ городѣ? Много людей наѣзжало?

— Хороша: багато було крамаривъ, перекупокъ, рашавцивъ.—Товаръ навозылы зъ городивъ.

— Какой-же тогда товаръ привозили?

— Всякый, сынку: тютюнъ, цыбулю, медъ, деготь, вирси [1]), пшоно, дныща, мотовыла, гребни, гребинкы, вытушкы, повозкы, демыкытонъ, сытци, пистрю.

— А еще что?

—Та всяку всячыну, сынку: мазныци, тютюнъ, ярма, вирси, деготь, медъ, набойку, сукно—(Старуха забывалась и часто повторяла предметы перечисленія).

— Какіе же, бабушка, люди тогда наѣзжали въ городъ?

---

[1]) Деревян. оси для повозокъ и чумацкихъ возовъ.

— Порекупкы съ Кременчука, крамари, чужоземци, паны... Народъ усе чудный на выду [1]), одежа на ему не така и мова чужа,—сказано городъ... Було прыизжають одъ моря и пыкати [2]) татары верблюдамы, навозять виноградъ, яблука всяки... Страшни гаспидски [3]) вярблюды: якъ гляне на тебе,—такъ мовъ и хоче зъисты... Було якъ иде татарва зъ Крыму, то за тры верствы чуть, якъ скрыплять не мазани колеса.

— А давно, бабушка, вы были въ Половицѣ?

— Давно, сынку, мабуть годивъ съ пивсотни буде. Якъ обсилы диты, то уже биньше не доводылось издыть.. У Самарь (Новомосковскъ), було издю, а у Половыцю ни... Теперъ уже такъ забралась, що и воронъ костей моихъ не занесе туды.

— А какъ давно, бабушка вы сюда заѣхали?

— Годивъ буде сорокъ. Заихала зъ зятемъ та зъ дочкою... Тисно уже стало и тамъ, такъ мы подалыся въ нови слободы.

— А знаете, бабушка, какъ теперь называютъ Половицу— А чомъ же: люды называють Катерынославомъ, а мы, по старому, звемо—Половыцею.

На этомъ и закончилась наша бесѣда. Я далъ слово старухѣ заглянуть къ ней въ хату, но помѣшалъ мнѣ непредвидѣнный выѣздъ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ ее уже не стало.

---

18) Половица—Екатеринославъ.

Разсказъ 2-й.

9-го мая 1887 г. Екатеринославъ праздновалъ столѣтнюю годовщину. Въ десятитысячной массѣ народа можно было видѣть представителей городовъ и селъ, видѣть людей всѣхъ сословій и національностей. Огромная площадь

[1]) По наружности. [2]) Полнолицые, мордатые. [3]) Дъявольскіе.

Преображенскаго собора и скверъ пестрѣли разнообразіемъ костюмовъ; горожане, по преимуществу, тѣснились у разукрашенной зеленью и флагами эстрады, простой народъ, селяне—у памятника Екатерины. Въ толпѣ пришлаго народа одни видѣли „царицу“ въ первый разъ, другимъ она извѣстна была и раньше; въ числѣ послѣднихъ присутствовалъ и 78-лѣтній дѣдъ Мартынъ Власовичъ Кравецъ-Залка, изъ с. Новыхъ Кайдакъ. Этотъ сгорбленный опиравшійся на палку, старикъ рѣзко отличался свою добродушною наружностью; къ нему многіе, въ такихъ-же свитахъ, обращались съ вопросами по случаю событія дня, многихъ, видимо, онъ удовлетворялъ поясненіями. Въ свою очередь мы сдѣлали попытку перекинуться словомъ; знакомство съ дѣдомъ завязалось быстро и черезъ 2—3 минуты мы уже вели оживленную бесѣду подъ тѣнью дерева. Изъ многихъ записанныхъ разсказовъ передадимъ слѣдующіе, посвященные Екатеринославу-Половицѣ и основателямъ послѣдней—запорожцамъ.

„Катеринославъ спрежду звалы Половыцею, бо такъ звалы слободу, де теперъ городъ, а инчи звалы его Невинчаною губернію [1]). Давно, ще молодымъ, зайшовъ я зъ Таврiи въ Херсонъ. Тоди уже въ городахъ почалы гроши личыть на срибло, а въ слободахъ, було, все на ассигнацію. Отъ ходю разъ по базару и бачу, перекупка продае груши. Почимъ, кажу, чашка? Копійка.—Сыпъ дви въ заполу. Всыпала. Я даю шага (грошъ).—Що це ты даешъ?—каже: на срибло дви копійкы.—Дежъ тоби, кажу, у биса взяты копіекъ срибныхъ: ихъ-же катъ-ма... „Вона розсердылась и пыта“: зъ якои ты губерніи?—Зъ Катеринославскои, кажу.—А, це зъ Невинчанои... тымъ вы и счоту не знаете.—А вы, кажу,-розумни? У насъ въ губерніи тико одна балка Невинчана, а у васъ скризь продають тютюнъ пидъ церквамы. Взявъ и вернувъ ій груши.

[1]) У малороссовъ слово „губернія“ часто употребляется въ смыслѣ губернскаго города: „Издывъ въ губернію на ярмарокъ“. Визъ хуру (кладь) зъ губерніи“.

— А за шо-жъ, диду, балку прозвалы Невинчаною?

— Та все-жъ за те, шо колысь тамъ люды жылы не винчани. Попервыхъ городъ бувъ зовсимъ малый, то сюды було, и находять салдаты, салдаткы, бродягы всяки, кацапня... Инчый жинку, дитей кыне, инча—чоловика; ихъ нихто тутъ не пытавъ: видкиль и хто. Въ норахъ, було, и калатають викъ. Народъ бувъ все голый та роспутній... Покойный запорожець Берлымъ росказувавъ, шо у ихъ не було оцего поганого звычаю лаяться, такъ, якъ теперъ: теперъ мала дытына и та гне по матерщыни; все це зайшло до насъ видъ кацапивъ, съ тіеи Невинчанои балкы. У запорожцивъ—„еретычый сынъ", „еретыча душа", „скурвый сынъ", „копанка, або сто копанокъ чортивъ"—це найбильша лайка. Воны бильше черезъ цю лайку та роспутство и перебралыся изъ Половыци въ Мыхайливку, та Краснополь.

Изъ старожиловъ Половицы, Кравецъ знаетъ, и то по разсказамъ другихъ, извѣстнаго запорожца Коржа, повѣствованіями котораго, въ свое время, пользовались епископъ Гавріилъ и Скальковскій [1]). По его словамъ, вблизи Екатеринослава, въ степи, по направленію отъ литейнаго завода, есть двѣ большія могилы, извѣстныя подъ именемъ „Коржевыхъ". Тамъ была и степь Коржа. Еще раньше, эти могилы, по его словамъ, назывались „Близницы". Ихъ однако, не слѣдуетъ смѣшивать съ тѣми двумя большими „Близницами", которыя видны на степи Лоцманской Каменки.

Далѣе разсказчикъ нашъ повѣствуетъ. „Въ Новыхъ Кайдакахъ умерла баба Иванчыха; ій було бильше 100 годъ. Розсказувала, покойна, шо дивчыною вона бачыла царыцю Катерыну... Тоди въ Новыхъ Кайдакахъ бувъ городъ, бувъ и земськый судъ, и вона тутъ и остановылась зъ своимъ хлотомъ [2]). Зъ Койдакивъ поихала въ Половыцю, а тамъ жылы сами запорозци. „Дай, каже посміюсь надъ нымы". Вы-

[1]) *Гавріилъ.*—Сочиненія т. II., „Устн. повѣств. быв. Запорожца Никит. Леонт. Коржа" стр. 1—101 Москва 1854: *Скальковскій А.* Изустн. преданія о Новорос. краѣ. Журн. министер. народ. просв. 1838 г., іюль, 1839 г. февраль.

[2]) Флотъ.

брала десять чоловыкъ самыхъ усатыхъ, посадыла за стилъ и каже: „дайте имъ сметаны". Поставылы дви здоровенни мыскы. Запорожци моргъ одынъ на другого, а потимъ кажуть: „велы намъ, мало, перше [1] подать полевои сметаны, що Божа бжола наносыла, а тоди поимо и цю".—„Добре, каже, подайте имъ мыску меду". Выйлы той медъ, понамазувалы вусы, покакручувалы ихъ за вуха и давай стебать сметану. Настебалысь—и вусы сухи. Глянула на ихъ Катерына и каже „молодци вы, запорожци: васъ ничымъ не проведешъ.

---

19) Никополь.

Екатеринославскаго уѣзда.

Разсказъ.

Спрежду на цимъ мисти, де теперъ Ныкыполь, слободы не було, а жылы запорожци хуторамы. По цей бикъ Днипра земля була козацька, а по той бикъ—турецька. Перевозъ тутъ бувъ съ поконъ вику. Де теперъ скели на Днипри,—бувъ остривъ Орловый; его змыло водою; винъ бувъ велыкый и на ему, кажуть, було становыще (кошъ) сичовыхъ рыбалокъ. Жылы тоди рыбалкы и по надъ ричкою Лапынкою. Ныкыполь подилывся на куты: де теперъ церква и лавкы—здавна зветься *мистечко*, дали вгору по Днипру, ажъ до Лысои горы, то—*Довгаливка*,—жылы запорожци Довгали; дали въ степъ—*Лапынка*,—прозвано по ричци Лапынци, а тутъ, биля перевозу, де и моя хата,—*Мыкытыне*,—жывъ багатый козакъ Мыкыта. Попервахъ и слобода звалась Мыкытыною, а якъ поставылы запорожци церкву,—назвалы попы Ныкыполемъ и звемо такъ по сей день.[2])

---

[1]) Прежде.

[2]) О Никополѣ въ „Географическомъ словарѣ" Щекатова (IV) 658—59, изд. 1805 г.) находимъ слѣдующую справку: „*Никополь*, безъ-уѣздный, вновь учрежденный городъ въ Екатеринославской губерніи

У запорожцивъ Сичъ була въ Капулывци та въ Покровській (слободы), а въ Никополи було роздолля всяке: бувъ торжокъ, булы шинкы, пивна, пыва, музыкы... Оцеякъ набрыдне якому козакови сыдить у Сичи, то винъ отпрохається у кошового и гайда въ Ныкопиль гулять. Якъ тико въ слободу, такъ и поверта до Мыкиты. Тоди у козакивъ булы свои звычаи: здрастуй не каже, а пидъйиде конемъ пидъ викно, тай гука:

— А пугу! пугу!
— Козакъ зъ Лугу!
— Базавлукъ!
— Соломаха та тузлукъ!

Цебъ то приллетивъ пугачъ до пугача (козакъ до козака) тай пыта хазяина: „що ты есть за чоловикъ? (пугу, пугу?). А той зъ хаты: „Козакъ зъ Лугу". А цей упьять: „а я козакъ зъ Базавлука!" Тоди хазяинъ и просе гостя до господы (въ хату) хлиба-солы исты (соломахы та юшкы зъ рыбы, або по казацькому—тузлукъ).

На другий день иде козакъ до церкви, отслуже молебень и каже попови: „Ну, панъ отче,—Богови Богове, а Кесарю—Кесареве!" Выкыне на тарилку червонця и упьять до Мыкиты пить,—гулять... Якъ пидгуляе,—выйде зъ хаты и гука: „а ну, хто бажае горилкы, давай пляшокъ, спивакивъ, музыкивъ!..." „Звисно,—народови того и треба: тико пара зъ рота,—тутъ тоби пройдыться и пляшкы, и спиваки, и музыкы... Давай козакъ частувать, давай гулять... Далы якъ

в уѣздѣ, на лѣвомъ берегу рѣки Днѣпра, при урочищѣ *Никитинъ перевозъ, Никитина застава* и *Никитинъ Рогъ* называемомъ, потому, что прежде живали тутъ запорожскіе козаки содержали черезъ рѣку Днѣпръ перевозъ и заставу; расстояніемъ отъ прежде бывшей въ славѣ *Запорожской Сѣчи*, что нынѣ Покровскимъ селомъ именуется, вверхъ по рѣкѣ 7 верстъ (въ дѣйствительности [illegible]). Указомъ Императора Петра Великаго заложена была противъ сего мѣста въ 1700 году крѣпость, называемая *Каменный Затонъ*, которая по заключенному при Прутѣ мирному договору разорена и мѣсто пустое было оставлено". (Нынѣ многолюдное село Каменка).

загуде скрыпка, бубонъ; якъ пиднимуть танци, спивы, галясы...—такъ тобѣ и пиде все ходоромъ: куды запорожець, туды й челядь... Такъ гуля козакъ день, гуля два, гуля тыждень. Якъ вытрусе кишени,—тоди скоче на коня и гайда въ Сичь...

Дѣдъ Дмитрій Степановичъ Быковскій, 78 лѣтъ,
Никополь, Екат. уѣзда, 12 іюня 1894 г.

---

20) Село Аулы

Екатеринославскаго уѣзда.

Ражкалъ.

Наша слобода завелась пры Катерыни. Спрежду хатъ тутъ не було, а жылы запорожци въ землянкахъ по надъ горою и въ байракахъ, биля *Велыкого шляху*. Шляхъ ишовъ якъ и теперъ, изъ Половыци[1]) горою по биля Романкова на Пушкаривку, Мышурынъ-Ригъ и дали ажъ до Кыева.

Биля Аулъ, отъ степу, булы байраки велыки, а видъ Днипра,—несходыми плавни, рыбни озера та прогнои. Байраки звалы по запорожцяхъ. Позаторикъ[1]) зрубалы *Мамракивъ* байракъ—це дида мого, Мамрака, кышло: вынъ тамъ жывъ. Дали жылы козаки: Чепа, Хыта, Шкиль, Розанъ, Гарасько, Левъ; по ихъ прозвищамъ названо и байраки—*Чепынъ, Хытовый, Шкилевый, Розановый, Гараськовый, Левынъ*. Булы ще байраки *Круглый*,—въ Кругліи балыци, *Глыняный*—въ Глыняній балыци, *Сухенькый*—въ Сухій балыци, *Водяный*—надъ почтовымъ шляхомъ, де була казенна почта—въ Водяній балыци. Скризь жылы запорожци, якъ тамъ кажуть, „де вода та байракъ,—тамъ и козакъ". Слободу осадылы запорожци: Бейгулъ, Косатый Гнатъ, Свирыкъ

[1]) Такъ звали запорожскую слободу на мѣстѣ нынѣшняго Екатеринослава.

[2]) 1885 года.

Мыкыта, Пидустъ Клымъ, Мамракъ Васыль, Карабашъ Антинъ, Шульга, Тупасъ, Голубъ, Шапарь. Ихъ потомкивъ и теперъ багато въ слободи. Спочачку въ Авулахъ козакивъ було хочь и мало, за те все багати, та працевыти. У Бейгула одного було пьять млынивъ: тры витрякы и два водянихъ. Добре колысь було тутъ жыть: земли стико займешь — стико и твоя; отъ и теперъ[1]) — гляньте на стари огороды: у ынчого десятынъ десять левады зъ садкамы, у ынчого тры, пьять, симъ, а по десятыни мало и найдете, хиба у ледачого. У мене самого симъ десятынъ огороду биля хаты, та ще десятынъ пьять левады въ другимъ мисти. Оце, що въ слободи озеро *Царынне*, — воно було колысь велыке и глыбоке, а кругомъ его була козацька царына, — хлибъ рисъ якъ очеретъ.

Батько мій — захожый козакъ зъ гетьманщины, а маты родылась тутъ, — вона Мамракивна, настоящого запорозького роду. Було покойна розсказуе, якъ населялы слободу. Спершу почалы сходыться келебердяны[2]), — прыйшло ихъ сюды возивъ сто съ симействамы: потимъ посунулы рашавци[3]) поточаны[4]), гончари зъ Опошни и Млынивъ[5]), панськи утикачи[6]), а потимъ уже якъ прыйшлы лытвыны, — всю слободу запоганылы: народъ усе нечепурный, ледачый, задеракуватый та галдовытый[7]). Головою тоди бувъ старый запорожець Мыринъ Шкыль, по улышному Любка, зъ Романкова, бо то слобода велыка и давня, тамъ була тоди стара запорозька церква. Оце якъ почнуть було, — розсказуе маты — люды бунтоваться, щобъ зигнать лытвынивъ, то Шкыль осидлае коня и бижыть усмырять. „Не бунтуйте, каже, люды

---

[1]) 1889 г.

[2]) Изъ мѣст. Келеберды на Днѣпрѣ, Кременчугскаго уѣзда, Полтавской губерніи — бывшее сотенное мѣстечко Полтавскаго полка.

[3]) Мѣст. Рашевки, Гадячскаго уѣзда, Полтавск. губ., на р. Пслѣ.

[4]) С. Потоки, Кременчугскаго уѣзда, на Пслѣ.

[5]) С. Опошня, Зеньковскаго уѣзда, Полтавск. губ. на Ворсклѣ; село Млины также гдѣ то въ Полтавщинѣ.

[6]) Бѣглые. [7]) Бодаулы.

добри, у мене є бомага видъ самои царици, щобъ давать всимъ землю; бо запорожци въ Чорноморіи бильше не вернуться". Люди послухають Шкыля и притихнуть.

Отакъ коли хочете знать, було спрежду....

Про —Шкыля, якъ вамъ росказать, такъ це бувъ багатый изъ багатыхъ запорожцивъ. Своему хазяйству винъ не знавъ и счоту, а грошей була незчислима сума. Гроши позичавъ чумакамъ корячкомъ. Було пытають: „коли жъ вамъ, диду, виддать"?—„Якъ перенесится, сынку, съ Криму та вторгуешъ".

Покойна маты часто було росказуе про царицю Катерину. Ихала вона, каже, степомъ, а биля неи, верхамы, сорокъ козакивъ; миждъ нымы бувъ и ии батько, а мій дидъ Мамракъ. Прыихала вона въ Половицю тай каже:

—Запорожци, добри молодци,
—Зъижте вы меду по ложци!

—Якъ твоя милость, матусю, то и зъимо.

У ихъ буды вуса пидкручани, довги. Звелила вона поставыть ваганы меду и подать сажневи ложки... Запорожци позакручували вуса за уха, взялы ложки и давай одинъ другого годуваты... Цариця засміялась и дала кожному по золотому.

Дидъ Мамракъ живъ бильше ста годъ. Якъ знищила видтиль запорожцивъ, винъ продавъ все гамсомъ[1]) и перебрався въ Чорноморію. Въ Романкови остався племинныкъ его и багато родычивъ, то було черезъ годъ, два и прииздыть въ гости. У племинныка его було чотыри сыны. Разъ прыихавъ и давай пробувать, котрый годытся въ чорноморци. Посадывъ одного на лошака-неука—упавъ; посадывъ другого—упавъ, третього—и той упавъ. „О,—каже племинныкови, яки-жъ вони у тебе никчемни... У насъ, було, прийизжають въ Сичъ, не такъ; у насъ, було, піймають дикого лошака и велять сидать безъ сидла, безъ уздечки, лицемъ до хвоста. Хто проскоче степъ и вернеться здоро-

---

[1]) Все что было вмѣстѣ, оптомъ.

вымъ, той и козакъ! Посадывъ четвертого. Той взявся за грыву и пустывся стико выдно. Гасавъ, гасавъ на тому лошакови, покы уморывъ и вернувся до дому. Дидъ и каже: „Оцей годыться въ козаки!"

—Якъ мае охоту,—хай козакуе,—каже батько.

Посидлалы дидъ зъ унукомъ коней и подалыся пить Черкеса. Тико ихъ и бачилы.

Э, колысь запроста жылось. Хаты робылы маленьки и де хто попавъ. Хранцюзькон зимы (1812 г.) мени було симъ годъ, а на трынадцятому годи маты пошыла штаны. Тоди мода була водыть дитей въ довгихъ сорочкахъ и пидпрыпувать мотузочкою[1]). Дивчаткамъ, було, нича маты дае запаску дванадцятого году, а нича воде въ одній сорочци, ажъ покы хлопци не поклычуть на досвитки... Хранцузьска зима мени и теперъ въ памьятку! Тоди снигомъ покрыло вси слободы, не выдно було и крыш. Люды вылазылы въ дымари и видкопувалы скотъ, сино и топлыво. У кого багато було коней, овець, скоту—все выдохло. Кажуть хранцузьке вийско тоди стояло видъ Москвою, а якъ прышкварылы морозы, воно попло всихъ кишокъ и подалося навтикы. Багато погыбло хранцуза зъ голоду и холоду, бо путнього одежи не було, и ходылы въ черевычкахъ.

Дѣдъ Гаврило Карповичъ Карпенко (Рогаченко), 84 лѣтъ, с. Аулы, Екатеринославскаго уѣзда, 2 іюля 1889 года.

Б. Лѣвый берегъ Днѣпра.

21) Урочище Сагайдачное при Днѣпрѣ.

Преданіе.

Названіе получило урочище, какъ полагаютъ старожилы по имени запорожскаго ватажка *Сагайдака*. Интересный разсказъ о личности Сагайдака варьировалъ въ 1870-хъ

[1]) Бичевкой, шворкой, веревкой.

гилахъ въ с. Вознесенкѣ, ближайшемъ къ урочищу, при чемъ разсказъ основанъ на устномъ повѣствованіи глубокаго старца, лично знавшаго Сагайдака. Передадимъ съ малорусскаго варіанта, записанный отъ вознесенскаго старика Романа *Булата*.

Лѣтъ двадцать тому назадъ[1]),—говоритъ Булатъ,—мы ѣздили въ Крымъ чумаковать. Возвращаясь домой, мы остановились насть воловъ вблизи слободы Конской[2]). Развели огонь и стали варить кулишъ. Какъ въ это время едва передвигая ноги, приходитъ бѣлый, какъ мѣсяцъ, краснощекій старикъ.

— Здорово, чумаки!

— Здорово, диду!

Откуда Богъ несетъ?

— Изъ Крыму.

— А живете гдѣ?

— Въ селѣ Вознесенкѣ.

— Знаю... Охота же вамъ чумаковать!... Такимъ молодымъ да здоровымъ людямъ можно бы и безъ того богатѣть!..

— Какъ такъ?

— Да такъ... Вы, вѣдь, живете вблизи урочища *Сагайдачнаго*... Тамъ столько денегъ, что не только для васъ,—хватило бы на двѣ губерніи...

— Какія же это деньги?

— *Сагайдака*... Вы слышали объ немъ?

— Про Сагайдака много разсказываютъ, но о деньгахъ не знаемъ...

— Да, у васъ говорятъ, но никто такъ не знаетъ Сагайдака, какъ я; не одинъ годъ жилъ я съ нимъ въ томъ урочищѣ, которое по имени его названо *Сагайдачнымъ*. Вотъ сто двадцатый годъ наступаетъ,—вымерли всѣ сѣчевыки, да и мнѣ уже близокъ конецъ. Вы молоды, объ уничтоженіи За-

---

[1]) Разсказъ записанъ въ маѣ 1875 г.

[2]) С. Григорьевка на рѣкѣ Конкѣ. Въ народѣ сохранилось старинное названіе села по рѣкѣ.

порожской Сѣчи ничего не знаете, а вѣдь это было на моихъ глазахъ... Отобрала отъ насъ Катерина землю, имущество, деньги, войсковые клейноды... Кое-что пришлось припрятать въ землю, да мало... Разбрелись козаки, кто куда попалъ... Но скучно: нигдѣ не было уже той воли; вотъ посему, бывало, не одинъ козакъ и даетъ тягу по прежнему въ Запорожье. Такъ и мы съ Сагайдакомъ, оставивъ Сѣчь,—поселились на Украинѣ. Но не на долго. Разъ Сагайдакъ вспомнилъ былое и говоритъ мнѣ: „Не привычно козаку жить вмѣстѣ съ бабами: давай махнемъ къ Днѣпру.“ „Добре,—махнемъ,“—отвѣтилъ я. Сказали объ этомъ другимъ, а тѣмъ и на руку ковинька... Собралось насъ душъ сорокъ, посѣдлали коней и подались степью. Хорошо было тогда: ѣдешь, ѣдешь и рѣдко наткнешься на какой поселокъ, а еще рѣже на слободу: одна степь и только степь, поросшая высокой травой... Пріѣхали къ Днѣпру, пустили лошадей вплавь и очутились въ лѣсу, противъ *Хортицы*. Наскоро построили землянки и стали жить... Жили что-то долгенько. Сагайдакъ былъ нашъ *ватагъ*, давалъ всему порядокъ, а мы ловили рыбу, пускались въ разъѣзды. Разъ направились мы въ Польшу. Только что минули Кіевскую губернію, какъ тутъ войско царицы и изловило насъ восемь человѣкъ. Изловили и заставляютъ присоединиться къ войску. Думали, думали, что дѣлать?... Четыре заупрямилось, дошло дѣло до сабель, такъ ихъ взяли и повѣшали... Насъ же четырехъ „заплишили“ въ козаки. Такъ прошелъ годъ. Русское войско, въ числѣ 2000 человѣкъ, отправлялось въ Крымъ и насъ взяли для указанія пути. Подошли къ Днѣпру въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Кичкасскій перевозъ, и войско начало наводить понтонный мостъ. Жаль мнѣ стало Сагайдака: я зналъ, что его коша не минуть. Отъѣхалъ я нѣсколько въ сторону отъ войска и пустилъ коня черезъ Днѣпръ. Въ то время, когда былъ уже на серединѣ рѣки, козаки войска пустили по мнѣ нѣсколько выстрѣловъ... Далеко слишкомъ было, не попали... Переплывши рѣку, я выскочилъ на берегъ и поскакалъ чагарникомъ (кустарника-

ми) къ землянкѣ Сагайдака. Подъѣзжаю, когда тѣдь дома, а съ нимъ и запорожцевъ человѣкъ десять возятся кто около свѣтей, кто около ружей... Я имъ и говорю: „Эй, батьку, и вы хлопци, скорѣе уходите: на той сторонѣ москаль мосты наводитъ,—зайдетъ и къ вамъ". Посхватывались всѣ съ мѣстъ, а Сагайдакъ и говоритъ: „Бѣгите, хлопци, пригоните скорѣе дуба (лодку), а я тѣмъ временемъ управлюсь здѣсь". Проворно скрылись козаки. Старый Сагайдакъ вскочилъ въ землянку, вынулъ изъ скрыни серебряные и золотые талеры, высыпалъ на двѣ кожи и понесъ на *Сфетную* скалу. Стряхнулъ кожи и пошли деньги между камнями... Онъ тогда вынесъ еще бочечокъ, да ведро съ деньгами и закопалъ вблизи скалы. Собрался тѣдъ уходить, бросился къ козакамъ, а тѣхъ уже и слѣдъ простылъ... Вскочилъ Сагайдакъ въ землянку и заперъ.

Послѣ этого я сѣлъ на коня и поскакалъ до мѣста, гдѣ войско переправившись, должно выйти на берегъ. Сѣлъ около кревицы (ключъ), вмокаю сухари и ѣмъ. Стало войско выходить, а маіоръ какъ подбѣжитъ ко мнѣ, какъ крикнетъ: „Ахъ ты такой-такой измѣнникъ! ты уже отвѣдалъ и Сагайдака!..." Да такъ шашку надъ головою и занесъ.... Я оправдываюсь: „конемъ, говорю, пустился черезъ Днѣпръ по привычкѣ,—это мнѣ не въ первый разъ"... Тогда маіоръ скомандовалъ ѣхать конёвать Сагайдака... Пріѣхали москали обступили землянку Сагайдака... Бросились къ дверямъ— не отворяетъ; кричатъ, чтобы вышелъ,—не выходитъ.... Стали брать силой, стали бить окна... Разсердился тѣдъ и началъ палить съ окопъ. Москали принесли соломы, напхали штыками въ окна и подожгли... Задушился Сагайдакъ отъ дыму, но къ москалямъ не вышелъ. Войско устроило здѣсь стоянку, вырубало часть лѣса, вырѣзало много скота и, забравъ лошадей и припасы, ушло въ Крымъ.

Долго я еще служилъ въ козакахъ, а потомъ подался въ заброды (на рыбные заводы къ морю). Много тѣдъ рыбальчилъ я тамъ. Пришла старость. Прослышалъ я, что въ Конской доживаютъ вѣку товарищи, да и себѣ махнулъ къ

шилъ. Теперь изъ товарищей уже никого нѣтъ, да и я оживаю послѣдніе дни...

Стали отъѣзжать, а дѣдъ на прощанье и спрашиваетъ: „А що, хлопці, шсели москалѣ вырисъ дубъ въ Сагайдачного, чи ні?" „Вырисъ," отвѣтили мы. „Э, теперь уже, якъ порубаете,—не выросте николы." Поѣхали мы, а дѣдъ пошкандыбавъ въ слободу, и больше мы его не видѣли.

На этомъ Булатъ и закончилъ интересный разсказъ о запорожскомъ житьѣ, давшемъ названіе урочищу.

С. Вознесенка, Александр. у., Екатерин. губ., 9 мая 1875 года.

---

22) Рѣка Московка и урочища по ней.

Свѣдѣнія о сооруженіи крѣпости и заселеніи с. Вознесенки.

И рiчка була глыбока, було звiра, птицы багато и жили тутъ запорожцы. Московкою зветься Богъ его зна вiдъ чого. Попереду и нашъ Олександрiвськъ звали *Московкою*, та его и теперь звуть такъ городовики (полтавцы). Тутъ, по балкахъ, що повыходили въ Московку, жили хуторами запорожцы; по ихъ прозвищамъ балки и теперь звуться. Балка *Гаонина*,—тамъ жилъ *Гаонъ*; *Листарева*—жилъ *Листарь*; *Капустянка*, що выйшла въ Суху Московку—жилъ *Капустянъ*; *Свинячья* и *Таранива*, що вiйшли въ Капустянку,—жили *Савка* и *Таранъ*. Жилы ще тутъ запорожцы Летючый, Зинчакъ, Гайдукъ, Карбули, Галычий, Нескреба, Самсыка, Кенебасъ та ще деяки; воны въ городи и Покрову строили ¹).

---

¹) Покровскій соборъ въ г. Александровскѣ впервые выстроенъ Инженерною командою въ 1775 г., т. е. черезъ три года послѣ основанія „военнаго форштата", въ 1786 г. „за ветхостію", онъ значительно былъ расширенъ и устроенъ вновь на средства „поселянскихъ жителей и благотворителей" въ числѣ коихъ преобладали запорожскіе казаки; въ 1887 г. соборъ разобранъ по ветхости и на томъ самомъ мѣстѣ заложенъ и сооруженъ новый трехпрестольный. *Я. Н.*

Якъ не було ще тутъ крипости (до 1770 г.), то въ плавняхъ и скризь по надъ Московкою бувъ такый лисъ, лоза, та очеретъ, шо и звирь не пролизе, а якъ прыгналы сорокъ тысячъ лопатныкивъ копать валы (строить крѣпость),—воны его за одну зиму звелы. Тоди, кажуть, зима була дуже люта: съ пидъ снигу выдно було тико верхы дубивъ.

Вознесенка теперъ велыка слобода, а попервахъ тамъ було тико тры хаты запорожцивъ: *Нескребы, Гайдука и Летючого* (Безроды). Якъ сталы зъ городивъ (заселенныхъ мѣстъ Полтавщины и другихъ малорос. губ.) прыходыть люды на заробитки, то инчій послуже и йде до дому, а другый—облюбе мисто, зробе хату и останеться тутъ викувать. Такъ и слобода населылась. Спреджу слобода звалась *Нескребивкою*, потимъ—Вознесенкою, а въ двадцять семому годи (1827), якъ поставылы церкву,—сталы ій батюшкы писать Вознесенкою, сталы такъ звать и люды, а Нескребивкы уже нихто и не згадае [1]).

Дѣдъ Василій Ив. Нагирній, 96 л., предмѣстье Александровска—Карантинка, 19 декабря 1884 г.

---

23) Рѣчка Кушугумъ.

(Александровскаго у., въ Великомъ Лугу).

Кушугумъ—ричка взялась зъ Московкы; вона узенька та глыбока була спрежду,—така вона и теперъ. Колысь по ній рисъ очеретъ, якъ лисъ, и водылысь бобры и видныхы

[1]) Изъ архивныхъ дѣлъ Покровскаго Собора видимъ, что въ 1781 году „вновь заселяемая за рѣчкой Сухой Московкой, надъ Днѣпромъ“, существовала „Слободка“ подъ крайне неустойчивымъ названіемъ: въ однихъ бумагахъ и росписяхъ она именовалась „Подгородней слободкой“, въ другихъ—„Слободкой Александровской“. Наконецъ по ревизской сказкѣ 1795 года она уже оффиціально названа *Вознесенкой*. Деревянная церковь, во имя названіе Вознесенія Господня, заложена 30 іюня 1823 г., а освящена 20 ноября 1827 г. *Я. Н.*

(выдры). Биля Кушугума, надъ кручамы, де теперъ нимецькый Шенвизъ (колонія), жылы колысь турки; жылы воны, кажуть, въ ямахъ, якъ собакы: накыда туды бурья-ту, т[illegible] вы, листя тай зимуе. Це давно дiялось: якъ ще гряныця турецька була по Орiль—ричку. Тамъ, де теперъ огороды и хаты Шенвиза, надъ Кушугумомъ, було турецьке и кладовыще. Запорожци, якъ зигналы турка,—поселылысь скризь по плавняхъ, де высоки гряды. У ихъ була велыка сыла коней, скоту, а де-яки диды-сыдни дуже кохалысь въ бджолахъ. И козацьке кладовыще було, кажуть, въ кинци Шенвиза, по надъ Кушугумомъ, биля турецького [1]).

Дѣдъ Вас. Ив. Нагирнiй (Москаленко), 66 л., предмѣстье г. Александровска—Карантинка, 19 декабря 1884 г.

---

24) Рѣки—Волчья и Конка [2]).

Ци ричкы булы колысь глыбоки и рыбни, не таки, якъ теперъ. По Вовчiй, кажуть, въ стари годы, булы и байракы[3]) и очерета, а по Кинци,—самый чагарь,[4]) та очеретъ. Звиру, птыци по цихъ ричкахъ, було выдымо не выдымо; було до пропасты и дыкихъ кабанивъ и козъ. Ричка Вовча прозвана видъ того, шо колысь, биля неи, въ тернахъ и въ степахъ плодылась сыла вовкивъ, а Конка,—тутъ ходылы

[1]) Слѣды кладбища и теперь замѣтны за меннонитской колоніей Шенвизе, надъ крутизной р. Кушугума. Въ подтвержденіе разсказовъ дѣда, меннониты, въ своихъ дворахъ, нерѣдко находили на глубинѣ 2—3 аршинъ турецкія и русскія монеты временъ Анны Іоанновны, Елисаветы и Екатерины II, а также мѣдные котлы, глиняные боклаги

[2]) Первая въ Александровскомъ и Павлоградскомъ уѣздахъ, вторая, имѣя истокъ въ Александровскомъ уѣздѣ, служитъ границею губерніи Екатеринославской и Таврической.

[3]) Лѣса.

[4]) Кустарники, мелкій лѣсъ.

табунамы дыки кони. Хочь я и старый чоловикъ, а на свому вику не бачивъ дикихъ коней,—звалувалы[1]), а моему батькови и дидови запорожцеви, такъ тымъ вдоволь случалось и ловыть ихъ! Воны, кажуть, невелычки, мышастои масти, за те швыдки, та дыки. Було перетнуть за десять заминтить чоловика, ей навтикы; а якъ піймають, було, запорожци,—дають сина, яке лучше, вивса,—не идить; три дни тоби не истиме, здохне, а до рукъ не прелучишь[2]). Розсказуе, було, покойный дидъ,—якъ понаходять зъ степивъ вовкы, то дыки кони и позбигаються въ табуны. Якъ тико почнуть вовкы пидходыть,—кони позганяються, зоймуть въ середыну, поставлють головамы до купы, ногамы до вовкивъ и одбываються задомъ; а якъ пичий, голодный, напусте смилость пидскочить—заразъ ему и повышибають зубы... Воно и наши кони такъ отбрикуються одъ вовкивъ: чорта зъ дна вытягнуть якого зъ табуна!

По цимъ ричкамъ, ще за Катерины, були вольни степы и жыло запорожське козацтво, а якъ пойшлы вытесни ь,—звалувалы и звиръ всякий, и птыця, и рыба перевелась... Ще на моему вику, знаю, богато разъ приходилось бачыть бобривъ въ плавняхъ, лебедивъ, огаривъ, а по степахъ бабакивъ; теперь нема цего и помину,—зосталысь тико дрохвы. Дрохвивъ скоро не выведешь,—полохливый, дыкий звирь; винъ водиться такъ:—стико въ году [illegible] мисяцивъ, сти-

1) Ушли, переселились въ другое мѣсто.

2) Не приручишь.

и др. вещи. Въ концѣ 80-хъ годовъ, когда потребовались тысячи возовъ земли при постройкѣ „Механическаго и чугунно-литейнаго завода“ Т-ва „Лепсъ и Вальманъ“, значительная часть кургана обвалена вмѣстѣ съ оставшимися гробами покойниковъ, и масса черепковъ, несомнѣнно половецкихъ, пошла на уравненіе площади, занятой этимъ грандіознымъ промышленнымъ зданіемъ. Тутъ же, въ одной изъ погребальницъ, найденъ серебряный рубль 1762 года (Екатерины II) и, по счастливой случайности, попавъ въ руки Н. Г. Лепсъ. Монета эта, какъ даръ г. *Лепса*, передана мною въ Областной Музей Поль.

Я. Н.

ко кажна пара выведе и дитей. Бабакы бильши аврахивъ и жылы на цилыныхъ степахъ: писля ихъ йдоси зосталысь маленьки могылкы, мовъ гробкы; видъ нымы булы колысь глыбоки норы бабакивъ. Колысь, було, прымичаемо: якъ на Явдокія (1 марта) свысне бабакъ, то буде рання весна.

Дѣдъ Василій Ивановичъ Нагирній, 96 л., предмѣстье г. Александровска—Карантинка, 19 декабря 1884 года.

---

25) Велыкый Лугъ.

(Разсказъ).

Спрежду въ Велыкому Лузи жыло багато запорожцивъ, а писля того, якъ зигналы ихъ видсиль,—осталысь тико стари диды. Чымало зосталось дидивъ, та все багати та хазяевыти; всего було у ихъ вдоволь: и скоту, и коней, и овець и бжилъ. Воны жылы бильше по надъ озерами, на грядахъ и по кучугурахъ, видъ того теперъ озера та урочыща и прозвища мають *запорозьки*.

Якъ почалы дилыть землю панамъ, та видъ слободы, то перше поризалы степъ по той (правый) бикъ Днипра, а потимъ и цей (ливый). На тимъ боци, видъ *Лысою горою*, жылы запорожци—Джереливськый, Кавунныкъ и Посунько. Добре було имъ тамъ жыть, а якъ почулы, шо степъ ставъ паньскый,—взялы и перебралысь въ *Велыкый Лугъ*. Тутъ воны и вику дожылы. Де—яки запорожци жылы бильше ста годъ на свити и булы мижъ нымы велыки характерныкы [1]). Джереливськый самъ кувавъ рушныци и умивъ заговорювать ихъ. Велыкый охотныкъ бувъ винъ и не боявся ни тучи, ни грому; ему дыкый жеребець вухо откусывъ и якъ бы не злизъ на дерево, то и носа не було бъ!

[1]) Знахари, колдуны.

Капканамы ловывъ всякого звиря, а то разъ якъ нализло десятка пивтора вовкивъ въ капканы,—взялы и зятяглы ихъ въ Днипро...

Жылы ще запорожци Канциберы; ихъ було тры брата. Сылачи булы велыки! Одынъ зъ ихъ жывъ съ симействомъ, мавъ велыку хату, а биля его кышла 1) було и запорозьке кладовыще 2). Теперъ того кышла и кладовыща не зосталось и слиду,—змывъ Днипро. Грошовыти люды булы Канциберы!... Було идуть въ шынокъ, а за нымы народъ такъ и хыле. Выкотять бочку горилкы и давай гулять.... Нагуляються, наспиваються вдоволь, заплатять шынкареви и гайда до дому. Жонатый Канцибера бувъ велыкый галдовныкъ 3), загалдувавъ свои гроши, и ихъ нихто не визьме.

Ще жывъ тутъ запорожець Демьянъ Гужва; въ ему було 12 пудивъ вагы и бувъ винъ превелыкый сылачъ. Зостарився дидъ и передъ смертію було все плаче.... „Чого вы, диду, плачете“—пытають люды. И почне дидъ розсказувать....

„Того я плачу, шо душа погыбша!... Я, каже, на своему вику убывъ и замучывъ чоловикъ съ пивсотни нагайцивъ.... Аджежъ и воны люды!... Було запорозькый табунъ выйде зъ Лугу въ степъ, то нагайва и займе. Мене тоди и посылають съ товарыствомъ шукать. Оце найду табунъ, одниму, а нагайцямъ головы познимаю.... Погани булы звычаи у басурменивъ, погани и у запорожцивъ. Було пійманють нашого брата и ведуть въ теренъ, розпнуть козака, попрывьязують рукы и ногы до терну, тай кынуть на погыбель.... Лежыть винъ день, лежыть два, лежыть тыждень, покы отдасть Богу душу. До жывого козака, було, и звирюка не пидступе!... Весною, покы дерево голе, гляненъ було въ теренъ,—лежать козацьки маслакы напрывьязи... За це жъ и мы не давалы бусурменамъ спуску... Не разъ я на своему вику и гайдамачывъ!... Якъ згадаю молоди лита, то ажъ морозъ позашкурою пиде: въ тій крови, шо я пролывъ,—пирнувъ бы зъ головою и утопывся... Кинь у

[1]) Пепелища. [2]) Кладбища. [3]) Колдунъ.

«не бувъ якъ змій! Було якъ иду пляхомъ, то всякъ дае дорогу. Пры сидли у мене аркань и якирець. Арканомъ, було, довлю турякивъ 1), а якирцемъ перевертаю возы.... Годи чумакы добре вшывалы возы шкурамы, то я, було, смеркомъ, розжену коня, кыну веревку зъ якирцемъ на низъ, смыкну до себе и—пишовъ низъ шкереберть.... Полягло багато душъ и видъ мого канчука.... Якъ згадаю не все, то мини и жалко, и страшно, бо прыйдеться Богу давать одвитъ"....

Було съ полудня якъ почне дидъ молыться, то молыться всю ничъ и всю ничъ гирко плаче. Плаче, було, та молыться и въ церкви. Якъ умеръ дидъ,—на горыщи зостався его канчукъ. Страшно було и глянуть: пужално 2) товсте якъ товкачъ, а на кинци вылыта куля 3). Цымъ канчукомъ якъ бы шморгнувъ разъ, то довго бъ не жывъ...

Ще жывъ запорожецъ Гайдукъ; цей бувъ характерныкъ и, за свое лукавство, мавъ багато злобытыливъ. Разъ поихавъ винъ у слободу, а гайдамашня до его бабы: „Давай, сяка,—така, гроши!..." Мучылы, пеклы ін на сковороди, ажъ поки сказала..... Годи за гроши и булы таки....

Ще жылы запорожци: Лебедь, Крывый, Балабанъ, Харько и Мусій. Теперъ осталысь ихъ озера:—Лебедево, Крыве, Балабанове, Харькове и Мусіеве. Биля Лысои горы есть ще Мусіева забора, де козакъ рыбальчывъ и стоявъ куринемъ.

Ще жывъ тутъ запорожськый коваль Меринъ. Оце було прыиде до его запорожець верхомъ, тай гука: „А ну лышень пидкуй мене, козаче!" Самъ сыдыть на кони, а Меринъ нагріе пидкову тай пидковуе коня. Запорожець высыпе жменю грошей ковалеви и скака дали.

Ще жывъ запорожець Васыль Глухый. Старый бувъ дидъ! Оце набрыдне сыдить въ хати, то винъ осидла коня и оббижыть кругомъ Кушугумивкы. Прыиде до двора, постое и опьять бижыть. Такъ до трехъ разъ. Якъ прыиде

1) Турковъ. 2) Кнутовище. 3) Пуля.

втрете, жинка визьме коня за поводы и веде въ двиръ. Дидъ тоди встане и иде въ хату, а жинка розсидлуе коня и ставе до яселъ.

Жылы ще запорожци: Учорашній,—цей чумаковавъ. Сопильныкъ,—сирома 1), биля ричкы Халуеватои,—рыбальчывъ; Дзензеха—сирома на Кущугуми,—и цей рыбальчывъ; Галя-козакъ,—де теперъ урочыще Галене. Жывъ Шовковый козакъ и багато ихъ жыло по всему Великому Лузи. Скризь озера, гряды и инчи урочыща по плавняхъ Строганивськыхъ, Канкрынивськыхъ, Попова, Матлаша, Струкова 2) и инчихъ мають запорозьки прозвища, бо скризь тутъ булы козацьки осидлыща.

Запорожци булы таки: куда батько, туда и диты! Оце поставлять мышень и стриляють въ одну дирочку. Спуску не давалы!.... Воны не боялысь ни огню, ни воды; яка-бъ не була буря, а воны на мори, або на Днипри, тико шапкы маюрять. У насъ теперъ, якъ прыстають до берега то кажуть: „пидтягны дуба“, а запорожцы казалы: „пидсушы дуба“.

Тетеря та медъ—це козацька ида була. Тетерю варылы зъ борошна и зъ пшона. Оце тисто—вчыне, шобъ прокысло, тоди варе кулишъ; якъ тикы пшоно почне роскыпать,—кыдае кисто и доварюе. Якъ готова тетеря, тоди розведе медъ въ гарячій води, вкыне туды тетери и исть, якъ кутю. Тетерю можна исты зъ медомъ холодну и гарячу. Хлиба печеного у запорожцивъ не поводылось.

Козакы ни въ чымъ не крылысь. Якъ иде куды,—куреня не запера. Війдешъ въ курынь,—казанъ высыть, пшона торба, борошно, вьяла рыба, а у инчого и ваганы меду стоять. Хочъ, —медъ ижъ, хочъ,—тетерю вары, або кулишъ. За ижу ничого не скажуть, а брать съ куреня—не беры: узнають—дадуть кыивъ.

Горилку пылы запорожци не чаркамы, якъ мы, а деревьянымы корячкамы, зъ двома ручкамы: одна—зроблена

1) Бѣднякъ, убогій.

2) Разскажчикъ перечисляетъ дачи нынѣшнихъ владѣльцевъ Великаго Луга: графини Строгановой, графа Канкрина, Попова, Миклашевскаго и Струкова.

коныкомъ, а друга—кильцемъ. У ихъ не було моды частуваться, а хто схоче,—налье корякъ зъ боклага и хыле на здоровья.... У багатыхъ була мода держать горилку въ мидныхъ казанахъ. Оце вiйшовъ въ сины,—казанъ стоить зъ горилкою, а на казани высыть корячокъ. Хто схоче, бере корячокъ и пье. До нiчого, було, якъ увиходышъ въ хату, то трубкы не несы,—оставляй въ сiняхъ: въ хати богы (иконы). Люлешнякивъ у ихъ бильше було, нижъ нюхаривъ, а такыхъ, шо не вжывалы тютюну, и совсимъ мало; ихъ гражныллы „святымы", бо воны и горилкы не пылы.

У нiчихъ за для зимы булы тепли хаты, за для лита—курени, а нiчи—лито и зиму жылы въ кureняхъ. Курени булы велыки, а щобъ тепло було, козакъ наносе лыстя, сина, простеле повсть, натягне на себе кожухъ, тай спыть. Хоть який морозъ,—сму байдуже....

У нiчихъ, шо жылы сiмействамы, булы хаты, тико жонатыхъ не багато було. Въ кureняхъ и хатахъ у кождого богы (иконы), найбильше Мыкола, або Покрова, а по стiнахъ та стеляхъ—рушныцi, пистоли, спысы 1) и жерткы ти одежею.

Катерына якъ стакувала Сiчь, то багато козакивъ пишло за Дунай въ Турецыну, а де-яки сiромы зостались. Ни до кого прыхылыть головы, то воны, було, и жывуть въ Велыкому Лузи. Сегодня до тебе прыйдуть, а завтра до мене, а тамъ до третего кого..... Найбильше йшлы до Ивана Джерелывського: той николы, було, не выпусте голоднымы. Прыйдуть до его, тай просяться: „Пусты, диду, спочыть!" „Спочывайте, люды добри!",—одвите имъ дидъ. Годуе ихъ день, годуе два, годуе и бильше, а воны все спочываютъ. Було пошле хлопця: „Бижы, хлопку, подывысь, шо бурлакы роблять". А ихъ чоловика десять, або й бильше зберуться, тай лежать соби за загонамы на сiнови. Вернеться хлопець, дидъ и пыта: „А шо"?—„Воны бьютъ!" —„Ну, ще, каже, будуть жыть".... Черезъ день, другый опыть посылае. „А шо теперъ роблять?"—„Латаються!" „Ну, теперъ, каже, скоро

1) Копья, пики.

идуть". Такъ, на его мову и выходе: облатаються, полякують и идуть зъ Богомъ.

За запорожцивъ, та ще и за моеи памяты, въ Великому Лузи и въ степу багато звиря було всякого, багато и птыци. Степъ, де ричкы Терса, Солона, Бовча, Гайчуръ и инчи,—тоди звалы *Дыкымъ степомъ*. Тамъ бабакивъ було бильше, нижъ теперъ аврахивъ. Ото шо зосталысь на пилыни густо могылкы невелычки,—то ихъ скоты 1) булы. Бабакъ завбильшкы, якъ китъ; на зиму замерзавъ, а на Явдокіи 2)—выскоче, було, зъ норы и свысне. Ото значыть на двори весна. Видъ норы бабакъ далеко не заходывъ, звирь бувъ хочь и хытрый, та смыриый,—не кусався. Якъ сталы селыться слободы въ степахъ, стало тисно и бабакамъ!.... Звалувалы 3) воны видсиль въ тридцятихъ голахъ.

Ще булы, кажуть, дыки кони и дыки свыни, та мени ихъ недовылось бачыть: не ще було за запорозцивъ. Булы ще барсукы, видныхы 4). Видныха невелычка, якъ шапча 5), жыла въ води, а иноди вылазыла на берегъ. Булы бобры— и ти скоты робылы соби въ води. Бобривъ и я бачывъ на своему вику чымало: все, було, таскають хмызъ 6) у воду. Дыки козы и теперъ есть въ плавняхъ, та мало, а була ихъ сыла! Воны люблять пастысь тамъ, де мочарь 7), та дыкый хринъ. Дыка коза обзывается безъ протягу, тико *мээ!*, а цапъ тежъ коротенько: *хавъ, хавъ, хавъ!*

Зъ дыкои птыци було багато голубивъ: водылысь по лисахъ, та по скеляхъ. Дыки гусы, лебеди, журавли. Воны есть и теперъ, та мало. Водылысь ще огари, тетервакы 8), бакланы. Теперъ тетервакивъ нема и помыну,—змандрувалы 9), а бакланы й доси есть, та ридко и то бильше на порогахъ 10). Воны чорни, сидають на каминняхъ и забо-

1) Норы. 2) Евдокія—1-го марта. 3) Ушли, сбѣжали. 4) Выдра. 5) Порода мелкихъ собакъ. 6) Хворостъ. 7) Мокрыя, тошкія, покрытыя сочной травой мѣста, близъ озеръ и рѣченокъ. 8) Тетеревъ. 9) Безвозвратно улетѣли, перекочевали въ иной край. 10) Можно видѣть ихъ на Волнигскомъ и въ особенности на Ненасытецкомъ Днѣпровскихъ порогахъ.

рахъ середъ Днипра, де мало людей. Колысь було багато черкачивъ 1), а теперъ и тымъ миста мало. Не густо теперъ и качокъ 2) стало, за вражымы стрильцямы....

Рыба яка була тоди, такъ есть и теперъ, тико ій не зосталось и сотои частыны: выловлюють, не дають вырости. Встарыну цего не водылось. Було стари люды кажуть: „Ловить, хлопци, рыбу, та не переводьте, бо грихъ“! Такъ було и робемо: наловымъ рыбы и котра велыка—беремо, котра мала,—геть ій въ воду: нехай росте. А теперъ шо? Теперъ не розбирають, чы велыка, чы мала,—налове ій повозку горою и везе продавать на корякъ... Продавъ,—добре, не продавъ—вывернувъ ій въ провалля... Оттаки теперъ люды сталы! А ще й бидкаються: „Рыбы мало“, „рыбы нема“!..

Встарыну ще й лисъ бувъ густый по плавняхъ, дубы товсти та гильчасти, осокоры, лоза непролазна, терны, груши, а по озерахъ очерета, окуга, осока. Теперъ якъ глянешъ—мовъ не той и край: все попсовано, та сплюндровано 3).

За запорожського уряду 4) багато водылось пугачивъ: булы воны по всихъ байракахъ, була ихъ сыла по скеляхъ на Днипри, а ще биль̀ше въ Великому Лузи. За годъ передъ тымъ, кажуть, якъ зруйновано Запорожжя,—пугачи крычалы день и ничъ. Воны чулы козацьку недолю, чулы и свою, бо якъ пишла земля въ роздилъ, та сталы рубать лисъ, то пугачамъ миста не стало. Про це есть козацька писня, дуже жалибна на голосъ.

Ой не пугай, пугаченьку,
Въ зеленому байраченьку!
—Ой якъ мини не пугаты,
Шо хотять байракъ вырубаты,
А мини нигде та прожыты,
Нигде мини гнизда звыты,
Малыхъ дитокъ выглядиты...
Тай запугавъ пугаченько,
Въ зеленому байраченьку...

1) Коростель. 2) Утки. 3) Вырублено, уничтожено. 4) Порядка.

Писля запорожцевъ, Великий Лугъ и степь достались графыни Шкавронській, Балабыну, Попову и иччимъ панамъ. Де жывемо мы,—ци плавня и степъ булы Шкавроньскои. 1) Степу було стико, що за литній день конемъ не объѣдешъ. И степъ все цилинный: одна тырса сывила якъ дымъ, та ще де-не-де кущи терну. Сказано—*Дыкый степъ*: Добра була графыня Шкавроньска! Въ Великому Лузи при ній дожыкалы вику запорожци вольно. Оце зайве казакъ яке схоче озеро, стико схоче лису, синокосу и владіе: —це его подилокъ 2). За подилкы тоди платылы пусти гроши. Подилкы ще и теперъ прозывыша мають запорозьки: де якый живъ,—того и урочыще. Дити запорожцивъ не мынулы нищыны: За Шкавроньскои и нищына була не страшна: робылы ій, робылы соби и булы багати 3). Шкавроньска выйшла замижъ за графа Лыта 4): вона була якась ролычка Потемци. Оце, було, якъ идуть ій пидводы черезъ

---

1) Послѣ 1781 г., племянница Потемкина, статсъ-дама Двора Ея Величества, графиня Екатерина Васильевна Скавронская (рожд. Энгельгардъ) получила въ даръ 35000 д. земли въ Александровскомъ у. Екатер. губ., съ населеніемъ „государевыми слободами" Конеководовкою (оффиціально—Ново-Григорьевка, осн. Потемкинымъ), Краснокутовкою (Мало-Екатериновка), Кушугумовкою (Больше-Екатериновка). Мужское населеніе этихъ 3-хъ слободъ состояло изъ 710 душъ. Вѣроятно не менѣе получила она земли и въ смежной, черезъ рѣку Конку, Гавриловск. губ., гдѣ ей принадлежали деревни—Царицынъ-Кутъ, (Подстепное), Веселая и Хитровка (Арх. Покров. Собора и Алекс. Предв. Д-ва).

2) Участокъ, выдѣленный въ вѣчное пользованіе.

3) Изъ дѣла о бывшихъ у помѣщицы крестьянъ за 1824 г. видно, что крѣпостные графини, вмѣсто барщины, платили оброкъ по 10 р. ассигнаціями въ годъ съ рабочей мужской души (2 р. 85 к. на серебро); затѣмъ въ 1824 г., по собственному желанію, согласились замѣнить оброкъ барщиной (Арх. Александровск. Пред. Д-ва).

4) Литта, графъ Юлій Помпеевичъ, былъ Императорскимъ и Царскимъ орденовъ кавалеръ, въ чинѣ камергера Двора Его Величества (Тамъ же за 1835 годъ).

Кичкасъ [1]), то лоцманы и крычать: „царьски пидводы, царьски пидводы! Давайте скорише пороны!“ Ци пидводы узнавалы по возахъ, та по волахъ: сири, здорови та круторогі....

У графа Лыта дитей не було, а якъ умерла графыня (1829), а потимъ и винъ, то людямъ доводылось буть вольнымы [2]): колы це десь въ Вентеліи [3]) чы що найшовся наслидныкъ. Воны почалы бунтоваться, почалы переходыть съ сымействамы въ Комышоваху и инчи вольни слободы, а де-якы посылалы полномочныхъ до кошового Гладкого, шобъ прыйнявъ въ запорозьки козакы. Гладкый отказавъ [4]). Управытелемъ бувъ тоди панъ Лыстовськый. Давай винъ пысать у Петенбурхъ, шо люды бунтуються, шо не вирують у Бога и не мають иконъ... Якъ понаизжало судьивъ, якъ почалы перебирать.... Досталось тоди выноватому и правому, досталось и лози [5])... Потимъ съ Петенбурха якъ понасылалы тихъ иконъ, такъ незналы де ихъ и чеплять...

Оттаке то, чуете, було колысь! Де що мини росказувала покійна маты, —вона була запорозького роду,—де що я бачывъ и самъ на своему вику.

Дѣдъ Никита Джигиръ, 88 лѣтъ, д. Кушумовка, Александровск. у., Екат. губ., 5 декабря 1887 года.

[1]) Паромная переправа на Днѣпрѣ при древнемъ урочищѣ Кичкассъ (нынѣ меноннтская колонія Екатеринослъ. уѣзда).

[2]) Графъ Литто умеръ 24 Гяваря 1839 г., оставивъ 23942 дес. земли и 1436 душъ крестьянъ мужского пола (Арх. Алек. Предв. Д-ва за 1839 годъ).

[3]) Въ Италіи.

[4]) Вѣроятность этого разсказа подтверждаетъ „Дѣло за 1840-й годъ о неповиновеніи крестьянъ умершаго графа Литто законной власти“. Въ качествѣ уполномоченнаго съ ходатайствомъ къ Наказному Атаману бывшаго въ то время Азовскаго Казачьяго Войска (Запорожцы, выведенные изъ Турціи въ 1828 г.) Осипу Михайловичу Гладкому, былъ посланъ крестьянинъ дер. Кушугумовки Афанасій Грецай (Арх. того же предвод. Д-ва)

[5]) Лозы много истреблено на розги.

Я. П.

26) Городище въ Великомъ Лугу.

Находки древностей.—Воспоминаніе о бѣглыхъ.

За запорожцивъ плавню звалы *Велыкымъ Лугомъ*, а якъ пишла земля въ подилъ, про Велыкый Лугъ и забулы,—згадають тико стари люды.

Въ плавняхъ Попова есть городыще, котре мы звемо *велыке*, а на пьять верстъ дали, въ плавняхъ Бродского 1),—*мале*. На обохъ городыщахъ жылы колысь туркы, а потимъ запорожци, бо йдоси въ земли находять багато людськыхъ головъ и трупу 2). До велыкои воды въ сорокъ пьятому годи (1845), велыке городыще було довге и шыроке, а теперъ его и четвертои часты нема,—знесло водою. Що году, якъ прыбувае вода весною,—воно стоить мовъ остривъ. Тутъ люды находылы черепкы посуды, маленьки горщечкы, а годъ двадцять тому назадъ, чоловикъ выкопавъ невелычку мидну вазу. Выкопавъ, тай продавъ шынкареви. Находылы тутъ и гроши срибни, тоненьки та довги. За старыхъ годивъ найшовъ и я разъ шагивъ зо тры, мидныхъ, а мижъ нымы одынъ съ хрестомъ по середыни.

Въ трыдцятыхъ годахъ, коло велыкого городыща и въ плавняхъ Матлаша (Миклашевскаго) жыло багато паньскыхъ утикачивъ 3). Тоди люды тикалы отъ лютыхъ панивъ, а найбильше отъ лютыхъ прыказчыкивъ 4), котри знущалысь надъ нымы. Тикалы по одному, тикалы и симействамы. Тутъ булы лозы, очерета, терны несходыми, а въ такыхъ пущахъ булы ихъ курени и землянкы. Утикачи и всяка бурлашня, жылы тутъ лито и зиму. Якъ выпаде, було, холодна зима, то бабы зъ дитьмы и просяться до людей въ слободу, а мужыкы такъ и пропадалы на двори. Розведуть, було, огонь биля куреня, тай гриються день и ничъ. Тутъ

---

1) Городище это на дачѣ удѣльнаго вѣдомства, бывш. Бродскаго.

2) Человѣч. костей.

3) Бѣглыхъ.

4) Управляющихъ.

утикачи жылы, тутъ диты родылысь и женылысь. Въ слободу не показувалысь: боялысь. Бувъ у ихъ и свій пипъ, изъ утикачивъ. Було якъ жене ничій сына, або дае замижъ дочку, то й клычуть того попа. Винъ обведе молодыхъ кругомъ дуба трычи, проспива „отче нашъ",—отъ и все винчання... Промижъ утикачамы багато було шевцивъ, пряхъ. Изъ слобидъ носылы шыть кожухы, свыткы, чоботы. Шылы добре и дешево. Добри булы и косари, молотныкы зъ ихъ. Инчи утикачи тутъ и викъ свій зжылы. Воны люды булы таки жъ, якъ и мы, жылы тыхенько и шкоды, або разбою не робылы. Жылы убого, хлибъ бралы у людей на одробитокъ, або минялы за рыбу.

Оттакъ, чуете, жылы люды до воли...

Дѣдъ Макаръ Евдокимовичъ Пазюкъ, 76 л.,
с. Бѣленькое, Екатерин. у., 12 іюля 1887 г.

Большое городище расположено на низменной равнинѣ Великаго Луга, поросшей вербою, лознякомъ, камышемъ и бурьянами. Съ юга, въ нѣсколькихъ шагахъ,—рѣчка *Лопушка* или *Лопуховата*, а затѣмъ, вблизи, почти со всѣхъ сторонъ, много озеръ и болотъ. Отъ Днѣпра отстоитъ въ 3-хъ верстахъ, отъ материка—въ 15-ти. Ближайшее къ нему село, черезъ Днѣпръ справа,—Бѣленькое,—въ 7-ми верстахъ; слѣва с.с. Скелькн—въ 15-ти,—Маячка—въ 18-ти и Васильевка—въ 25-ти. По изслѣдованіи нами городища 15 августа 1901 г., оно имѣло въ длину 340 шаговъ, въ ширину 120, въ окружности 760. Положеніе—съ востока на западъ, при чемъ съ восточнаго конца нѣсколько шире. Грунтъ—глинистый. Южный склонъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ обрывистый и изрытъ кладоискателями. Тутъ попадаются человѣческія кости и фрагменты грубыхъ керамичныхъ издѣлій. На городищѣ двѣ экономическія хаты и па-

сѣка. По строенію грунта городище это, надо полагать, въ отдаленную эпоху прымыкало къ материку.

Говоря о рѣчкѣ Лопушкѣ, старожилы вспоминаютъ, что еще въ 1850-хъ годахъ она была судоходна и въ весеннее время служила кратчайшимъ сообщеніемъ р. Конки съ Днѣпромъ. По ней, говорятъ, всегда проходили плоты, слѣдовавшіе на лѣсныя пристани у селъ Васильевки и Скелыки (Попова), на р. Конкѣ.

М. П.

---

27) Шпыль-гора надъ Великимъ Лугомъ.

Потемкинъ объявляетъ запорожцамъ черезъ уполномоченнаго генерала о выселеніи на Днѣстръ.

(Преданіе).

Одъ слободы Кущугумивки ажъ до *Сухои* балки потяглась *Шпыль-гора*. Розсказувалы стари люды, що якъ надумавъ Потемка зигнать запорожцивъ, выслать генерала съ війскомъ на Шпыль-гору и давай подыхать съ холостыхъ пушокъ въ *Кущугуры* [1]). Тамъ, кажуть, ихъ бувъ станъ. Запорожци посидлалы коней и вси сорокъ тысячъ выскочылы зъ *Великого Лугу*. Кожда тысяча стала особо, а попереду ватагы такъ и загралы киньмы. Генералъ обвивъ війско очыма и каже: „Ну, братци, збирайте свое добро та выходьте на Днистрови лыманы, бо тутъ будутъ селыться слободы". Повисылы запорожци головы тай подалыся до куренивъ... „Бодай, кажуть, Потемко, твои дити стико заслужылы, якъ мы у тебе!"

Запорожци, кажуть, якъ выходылы зъ Великого Лугу, то прощалысь: „Прощай, батьку, Великый Луже! не звелы мы тебе,—не зведе нихто, поки свитъ сонця!"

[1]) Песчанные бугры въ Великомъ Лугу, верстахъ въ 20-ти отъ Шпыль-горы.

Такъ думалы запорожци, та не по ихнему вышло: земля пишла въ подилъ, и за старыхъ панывъ лисъ держався, а якъ насталы молоди—все вырубалы, все пишло дымомъ. У нычихъ панськыхъ плавняхъ по десять годъ и бильше рындувалы лисъ явреи и палылы на вугалля, а теперъ одъ того лису и слиду не осталось: все поносовано, та сплюндровано [1]).

Дѣдъ Авксентій Федор. Орелъ, Кушугумовка, Алекс. у., 28 декабря 1885 г.

---

28) Бытый запорожскій шляхъ и Баштовые дубы въ Великомъ Лугу.

А.

Въ нашыхъ плавняхъ есть два озера—Лебедево и Балабанове [2]), а промижъ нымы колысь лежавъ *Бытый шляхъ* черезъ Велыкый Лугъ; надъ шляхомъ, по праву и по ливу руку стоялы два *Баштовыхъ дуба* Якъ зруйновалы Запорожжя, дубы ще довго стоялы, а шляхъ зарисъ травою и лисомъ. Говсти булы дубы! Покійный дидъ було розказуе, шо якъ не чотыри чоловика, то и не обхватять дуба. А гильчасти яки! Одъ дощу можно було сховать цилу чуманьку валку!.. Чого воны прозвани Баштовымы—Богъ его зна, а гыко казавъ покійный дидъ, шо пидъ нымы було, збирается запорожци на сходку зо всего Великого Лугу. Отъ тыхъ дубивъ шляхъ, кажуть, пишовъ плавнемъ скризь

1) Вырублено, уничтожено.

2) Оба озера въ плавняхъ графа Канкрина.

до Кучугуръ 1) и лали, де тико жыло запорызьке вiйсько, ажъ до Мыкытыного (Ныкопольского) перевозу.

Дѣдъ Петръ Стогнiй, 70 л., д. Краснокутовка, Александров. у., 17 января 1888 г.

29) „Баштови" дубы и могилы.

Б.

Баштови дубы булы биля озера Лебедевого, а потимъ дали верстовъ на шисть—на Великiй гряди, шо видъ межи пана Попова, биля *Кучугуръ*. На цихъ дубахъ, кажуть, запорожци становылы якись высоки *башты*, а на ихъ выкыдалы огонь 2), шобъ склыкать козакивъ ночнои добы. Биля дубивъ, кажуть, жыла цила бурса 3) козакивъ. Оце якъ прыйде звистка яка видъ кошового, або повертаються козакы зъ розъизду, то и склыкають товарыство, шобъ розсказать, шо бачылы и чулы. Побиля дубивъ, кажуть лежавъ бытый шляхъ черезъ увесь Великый Лугъ. Тамъ, де слобода Янчакракъ, черезъ Кынку, бувъ татарськый мистъ, одбытый козакамы.

Запорожци жылы и по степахъ. Оце якъ блысне огонь, въ Лузи на дубахъ,—то заразъ и свитять на могылахъ: *Безсчастний* 4), *Градысци* 5), *Юркивськiй* 6), *Караванчыний* 7) и инчихъ,—бо и могылы булы *баштови*. Такъ, було, и заклопотять запорожци киньмы туды, видкиль вперве зоглядять огонь.

Дѣдъ Арсенiй Черноволъ, 97 л., д. Кушугумовка, Александр. у., 5 сентября 1888 г.

---

1) Кучугурами разсказчикъ называетъ высокiе бугры, разбросанные на огромномъ протяженiи Великаго Луга, начиная съ плавень Попова.

2) Несомнѣнно, рѣчь идетъ о запорожскихъ *фигурахъ*, служивших сигнальными знаками.

3) Ватага, отрядъ.

4) и 5)—Обѣ близъ с. Григорьевки на р. Конкѣ, съ правой стороны.

6) Съ лѣвой стороны р. Конки, въ Мелит. уѣз., Таврич. губ.

7) На степи Н. А. Капустина, Александр. у., верстахъ въ 30-ти отъ Великаго Луга.

30) Протоки, озера, гряды въ Великомъ Лугу.

Дача с. Петровскаго-Балабина, графини Ан. Дм. Строгановой.

Балабынова яма (озеро),—тутъ Балабынъ (первый владѣлецъ) купався.

Закитне Мале и Закитне Велыке—це озера.

Орихове озеро—орихы ростуть въ води; воны угласти; исты можна и добри, тико треба варыть.

Перевалъ озеро—вода перевалюеться зъ Днипра весною черезъ писчану гряду.

Лукноватэ озеро—лукно, куширъ, то-що (водоросли).

Цымбалеве озеро—жывъ запорожецъ Цымбалъ; тутъ его бувъ подилокъ (угодье, взятое у владѣльца въ продолжительное арендное пользованіе).

Шаваренс озеро—подилокъ запорожця Шавары.

Трыгубивське озеро—запорожця Трегуба.

Сухыныне озеро—тамъ жывъ Сухына запорожець.

Перелетне озеро—запорожця Перелета.

Колядчене озеро—Колядкы запорожця.

Тарасивське озеро—Тарасыка запорожця.

Бережнивське озеро—Бережного запорожця.

Шкварцивське озеро—Шкварця запорожця.

Кононове озеро—жывъ запорожець Кононъ.

Домаха озеро—не докажу видъ чого прозвано. Тутъ жывъ запорожець Ткачъ.

Брылыкъ озеро—по запорожцю Брылю.

Бандурыне урочыще—жывъ запорожець Бандура. Було велыке озеро, а теперъ пискомъ засыпано, осталось плесо.

Самсычене озеро—жывъ запорожець Самсыка.

Левковс озеро—жывъ запорожець Левко.

Ричыще,—вода заходе зъ Днипра.

Воронцивъ кутокъ — урочыще, де жывъ запорожець Воронець.

Петляне озеро—жывъ Петляный козакъ. Литъ 50 це озеро засунулось пискомъ, а було глыбоке и рыбне.

Виноградна балка—витяглась въ степу въ плавни; тутъ рисъ дыкый виноградъ, а запорожци сидилы хуторами и розводылы сады. Тутъ бузы и терны густи, де стоялы козацьки пасики. Въ тимъ годи, якъ межувалы землю панамъ, въ Крутэнку (лѣсъ при устьѣ балки Виноградной) знавъ запорожець. Якъ почувъ винъ, що земли панськи,—оставивъ свою хату, пасику и подавсь за Дунай пидъ турки.

Диды: Иванъ и Оныцько Петренки, Степанъ Крохмаль и Иванъ Пелехъ, с. Петровское-Балацкина, Александр. у., 25 февраля 1885 г.

---

31) Тоже.

(Продолженіе).

Дачи дер. Кушугумовки, Краснокутовки и с. Царицына-Кута графа Канкрина.

Мырошныкъ ричка, верстовъ на двѣ нызче (по теченію Днѣпра) Бандурного; вона выходе зъ Днипра и впадае въ ричку Кушугумъ.—Живъ козакъ Мырошныкъ.

Быстрыкъ, а нызче *Жбурыкъ*—рички; тутъ живъ козакъ Жбура.

Крыве озеро, на пивверсты отъ Быстрыка; прозвано того такъ, що покручене (извилистое).

Ковалеве або *Ковальчыке* урочыще,—тамъ живъ запорожецъ Коваль. Було колысь озеро та висохло.

Лебедеви озера—ихъ трое: двое круглыхъ, а одно довге. Биля ихъ живъ и рыбальчивъ козакъ Лебедь.

Шыйчене озеро—живъ козакъ Шыйка.

Печыще—урочыще, або кышло, де жыло багато запорожцивъ. Ямы, де булы хаты, идоси осталысь.

Цезизещене озеро,—биля его жывъ запорожець Цезизеха.

Мусіево озеро,—жывъ козакъ Мусій. Воно биля Днипра, супротивъ острывка. Биля цего озера бувъ шынокъ запорозькый. Якъ выйшлы запорожци видсиль въ Чорноморію, хаты довго оставалысь и тамъ кошыкувала (имѣла приваль) прохожа бурлашня, та спромашня (голь). Спромы найбильше йшлы Великымъ Лугомъ: тамъ легше було прохарчыться и нихто не пытавъ видкиля и хто. Пашпортивъ у ихъ чортмало... Де булы запорозьки хаты,—печыща (попелища) и теперъ знать.

Джерелевське урочыще—жывъ хуторомъ козакъ Джерелывськый. Бувъ первый стрилець и заговарювавъ ружжя; знавъ слидъ всякого звиря и не лававъ спуску вовкамъ; ловывъ винъ ихъ и капканамы.

Чорна яма, або *Чорне* озеро—биля его жывъ козакъ Чорныї.

Харькове озеро и *Харькове* урочыще—жывъ Харько козакъ.

Канцибервське озеро и урочыще *Канцибервщына* (гряда)—жывъ характерныкъ Канцибера. Тамъ теперъ людей лякають чорты... Колысь тамъ така пуща була (пустыня), така росла полома (трава), шо и не просунешся. Тамъ, кажуть, колысь крычало, реготало (хохотало) и выло на всю плавню...

Феськова яма—кругле, глыбоке озеро. Тутъ жывъ запорожець Фесько; его ще звалы Швець.

Полового гряда, вона нызче Канцибервщыны,—жывъ козакъ Половый.

Кругла гряда и *Кругле* озеро,—того, шо кругли (по формѣ).

Верецакова гряда,—жывъ запорожець Верецакъ; его потомство и теперъ есть въ слободи Пидстепнїй (Царицынъ-Кутъ).

Бабыне озеро,—багато туда злиталось колысь довгоногои птыци, що звемо *Бабамы*. Ця птыця зъ довгымъ носомъ, въ води стоить, мовъ вкопана (неподвижно), и хвата мулявку (мелкую рыбу).

Савене озеро—въ Матлашевскій плавни (помѣщ. Миклашевскаго). Тутъ, кажуть, жывъ той Сава, що про его писня есть:

„Ой бувъ въ Сичи старый, сидый на прозвище Чалый,
Выгодувавъ сына Саву ляшенькамъ на славу".

Багато озеръ и урочищъ есть по плавняхъ Попова, Матлашевського, Стрюкова и инчыхъ, де жылы запорожци, та про те вже не докажу вамъ: ихъ знають стари рыбалкы въ Скелькахъ, Васылевци (с.с. Попова, Мелитоп. уѣзда), Биленькій (с. Бѣленькое, Миклашевскаго, Екатериносл. у.) и Тарасивци (Струкова—тамъ же).

Рыбакъ Авксентій Федоровичъ Орелъ, 60 л., д. Кушугумовка, Алекс. у., 6 ноября 1885 г.

---

32) Кучугуры.

(Песчанные холмы, бугры въ Великомъ Лугу).

Слѣды древняго поселенія.—Находки.

Въ Велыкому Лузи, насупротивъ слободы Васылевкы, есть *Кучугуры*, а про межъ нымы—глыбоки ямы. Ци кучугуры таки высоки та крути, що не всякый на ихъ и зійде; а ямы глыбоки, зарослы березою, кущамы та хмелемъ, що не выдно и дна. Страшно тамъ: звиръ жыве всякый и выховуються злодіи та душогубы. Якъ жылы запорожци въ Велыкому Лузи, то тутъ було ихъ и кышло. Въ цему мисти ни яка-бъ сыла не звоювала війська! Кучугуры есть и

блызьче,—биля слободы Пидстепнеи, де кинчаються плавни пана Попова и почынаються Канкрыньски [1]). И тутъ невылазни урочыща, и тутъ жылы запорожци. Биля цихъ кучугуръ, на Канкрыньскій земли, бувъ якыйсь турецькый городъ, бо багато найдено цеглы (жженый кирпичъ) и каменя съ хундамента. Цегла мицна, якъ камень. Шобъ не затопляла весняна вода, туркы насыпалы высоки могылы по плавняхъ и ставылы на ихъ цеглови дворци. Срибни гроши, мовъ рыбьяча луска (чешуя) и невелычки мидни, люды находять и теперъ. Ще недавно въ цихъ могылахъ люды выкопувалы чавунни турецьки казаны и якись мидни трубы [2]). Казаны и теперъ есть у пидстепьянськыхъ людей:—воны шыроки и милки, такъ шо зъ кожного можно нагодувать чоловика десять-пьятнадцять.

Дѣдъ Василій Ивановичъ Джереливскій,
84 л., с. Подстепное (Царицынъ-Кутъ),
Мелитоп. у., Таврич. г., 10 января 1885 г.

---

33) Кобыльная балка и Кобыльная рѣчка.

По цій бальци тече ричка и зветься такъ, якъ и балка,—*Кобыльною* [3]). Въ старыну, якъ ще степъ бувъ запорозькый, по бальци водылось багато дыкыхъ коней: такъ табунамы и паслысь. Литъ 80, або 90 грекы часто ловылы ихъ арканамы. Разъ грекъ піймавъ дыкого жеребця и повивъ его въ Катерославъ до архырея. „На тоби, каже, цего жеребця, та зробы мого сына попомъ: винъ грамотный! „Архырей жеребця взявъ, а сына пострыгъ въ попы.

[1]) Дача графа И. В. Канкрина.

[2]) Обрѣзокъ мѣдной трубы, длиною 14 сантим. и въ діаметрѣ 10 сантим. переданъ намъ графомъ Ив. Виктор. Канкринымъ и поступилъ въ Областной Музей имени Поля въ Екатеринославѣ. *Я. Н.*

[3]) Р. Кобыльная—притокъ Мокрыхъ Яловъ слѣва; она разграничиваетъ уѣзды Александровскій и Маріупольскій съ восточн. стороны.

Тому архырею було поведуть грекы дыку козу, то винъ дякуе та плате гроши... Ижжыбогу правда!... Забувъ тико, якъ звалы того архырея:—пытайте старыхъ грецькыхъ попивъ... Дыки кони було часто выбигають на Туркову могылу 1), а потимъ и подадуться або на Гайчуръ 2), або на Янчуръ 3) пастысь.

Дѣдъ Иванъ Григорьевичъ Гречишенко (Даниленко), 98 л., с. Цареконстантиновка, Алекс. у., 22 января 1879 г.

Примѣчаніе. По свидѣтельству одного старѣйшаго греческаго священника, Преосвященный Іовъ Потемкинъ (родствен. Свѣтл. кн. Таврич.) особенно интересовался животными, представлявшими въ то время зоологич. рѣдкость. Іовъ управлялъ епархіею Екатеринославскою, Херсонскою и Таврическою съ 1812 по 1823 годъ.

Я. Н.

---

34) Могилы: Бѣльмакъ. Токмакъ и Каменныя 4).

Слѣды Муравскаго шляха.—Рѣки: Бѣльманка, Бѣльмакъ, Берды, Конка, Горецъ, Осыкова, Ялы.—Гостепріимство калмыковъ и нагайцевъ въ старину.—О каменныхъ бабахъ.

Могыла *Бильмакъ*—недалеко отъ слободы Вильманкы 5), на казенному участку. По могыли прозвана слобода и ричкы—*Бильманка и Бильмакъ*, бо воны взялыся на кряжи съ пидъ могылы. Бильманка тече зъ запада, а Бильмакъ съ пивночы. Бильманка тече верстовъ 10, Бильмакъ—верстовъ 7; обыдви зійшлыся въ слободи Бильманци и впалы въ ричку *Берды* 6). Берда выйшла съ кряжа биля *Токмакъ*

1) На степи с. Туркеновки, Александр. у., основанномъ первымъ поселенцомъ *Суркомъ* въ 1800 г.

2) и 3) Гайчулъ и Янчуль—рѣки Александров. у., обѣ соединившись у дер. Даниловки (Гнѣдина), вливаются въ р. Волчью

4) Первая въ Александровскомъ, вторая въ Бердянскомъ и послѣдняя въ Маріупольскомъ уѣздахъ.

5) Село Александровскаго уѣзда.

6) Берды р., составл. границу между Александровск. и Бердянск. уѣздами.

могилы; тече перше на схидъ сонця, потимъ на полудень и впада въ Азовське море нызче Бердянкы (г. Бердянскъ). Недалеко видъ Бильмакъ могылы—ричка *Кинка* [1]); вона пишла степомъ до Днипра. По ливу руку Бильмакъ могылы лежавъ колысь старый *Крымськый* шляхъ; видсиль винъ повертавъ на Токмакъ могылу, йшовъ повзъ неи ступнивъ на 100 по праву руку и дали тягся на *Перекипъ* [2]) ажъ у Крымъ. Взявся винъ десь изъ за *Озюма* [3]), та зъ за *Сумивъ*, потимъ повернувъ на ричкы *Торецъ* [4]) и Осыкову [5]), на слободу Марьевку [6]), на ричкы Сухи и Мокри Ялы [7]), на Богоявленськи могылы [8]); дали степомъ, по мижъ Павливкою и Прычистивкою,—на Кременчукъ [9]), на Апухтину[10]) и сюда, якъ я сказавъ, на Бильмакъ могылу и дали.

Бильмакъ и *Токмакъ*—це высоки могылы, далеко зъ ихъ выдно вси округы [11]). Передъ заходомъ сонця, якъ выйдешъ на Бильмакъ могылу, то выдно г. Ориховъ, с. Жеребець, с. Токмакъ, Каменни могылы пидъ Темрыкомъ [12]) и багато инчихъ могылъ и слобидъ.

Писля запорожцивъ, биля Бильмакъ могылы стоялы ордою кимлыкы (калмыкы) и нагайци. Тутъ воны паслы овець, скотъ. Було произдомъ чумакы якъ нидвернуть до ихнего коша ночувать, то воны ихъ прыймають за гостей годують, а якъ мынуть и стануть въ степу, то ихъ посчытають за непрыятеливъ и грабують [13]).

Колысь на велыкыхъ могылахъ стоялы *мамаи* (бабы), лыцемъ на востокъ. Ихъ, ставлялы татары, бо воны и облыччямъ похожи на ихъ и шапкы ихни.

---

[1]) Р. Конка служитъ продолженіемъ границы Алексан. и Мел. уѣзда.

[2]) Перекопъ,—Таврич. губ.

[3]) Изюмъ, Харьков. губ.

[4]) Бахмутскаго уѣзда.

[5]), [6]), [7]), [8])—Маріуп. уѣзда.

[9]) Всѣ три села Маріуп. у., при чемъ послѣднее греч.—Кременчикъ

[10]) Дер. Александр. уѣзда.

[11]) Окрестности.

[12]) С Маріупольск. уѣзда.

[13]) Судя по архивн. даннымъ, еще въ началѣ 1800 годовъ въ обширныхъ, малонаселенныхъ степяхъ Александровскаго уѣзда кочевало много нагайскихъ и калмыцкихъ ордъ, принявшихъ подданство Россіи.

Высоки могылы *Каменни* пидъ Темрюкомъ! До цихъ могылъ, було часто пидверта архырей *Гавріилъ* въ трыдцятыхъ годахъ. Биля могылъ, кажуть, бувъ колысь татарськый городъ, та запорожци зруйновалы. Ямы та бугры, де булы татарськи мечети, и теперъ знать.

Дѣдъ Иванъ Григовьев. Гречешенко,
98 л., с. Цареконстантиновка, Алекс. у.,
22 января 1879 года.

ОТДѢЛЪ II-й.

Историческія лица.

35) Кошевой Сирко.

(Преданіе).

Варіантъ А.

Якъ померавъ кошевый Сирко, то казавъ запорожцямъ: „Хто зъ васъ, хлопци, мою могылу полыватыме водою до схидъ сонця, той буде знать стилько, якъ и я... А якъ буде велыка потуга на билого Царя, то нехай хоть руку мою откопають та понесуть впередъ вийська: непрыятель самъ себе поруба".

У двадцятому году (1812) хранцузъ завоювавъ Москву. Стилько наше вийско не палыло зъ пушокъ,—ничого не помогло. Тоди одынъ Чорноморець и каже: „Стойте, братци: не буде дила, поки не достанемо рукы Сирка!"... Поихалы въ Капуливку, [1]) откопалы руку и гайда назадъ. Якъ оббиглы кругомъ Москвы съ тією рукою,—такъ хранцузьке вийсько и сунуло видтиль. Тоди хранцузы такъ скоро тикалы шо й черевыкы погубылы...

Туркы и ляхы дуже боялысь Сирка и звалы его *шайтаномъ* (чортомъ).

Кажуть, багато було охотныкивъ полывать могылу Сирка, шобъ знать стилько, скилько знавъ винъ, та ничого не помогло: треба було воду носыть ротомъ зъ ричкы, а ричка не такъ блызько, шобъ до третихъ пивнивъ полыть таку могылу, якъ у его.

М. Никополь, Екатеринослав. уѣзда, 11 іюня 1894 г., запис. отъ 78-ми лѣтняго дѣда Дмитра Степанов. *Быковскаго.*

[1]) С. Екатериносл. у., на мѣстѣ Чертомлыцкой Сѣчи. Здѣсь же и могила Сирка.

36) Варіантъ Б.

Кошовый Сирко бувъ превелыкый характерныкъ! Було хто-бъ не задумавъ воювать зъ нымъ,—винъ уже й зна заразъ и військо збыра, и спысы точе и ратыща готове. Не даромъ его туркы прозвалы *шайтаномъ*.

Запорожци, покы орудувавъ нымы Сирко, никого не боялысь, бо его ніяка сыла не могла побидыть.

До Сирка, кажуть, наши люды платылы ляхамъ подать:—третя гуска, третій вилъ, третій кинь, хлибъ:—всего третя частына. Якъ ставъ Сирко кошовымъ,—заразъ же и зладнався съ королемъ польскымъ. „Ну, каже, ваше велычество: хочъ быться, хочъ мырыться, а третеи частыны панамъ давать не будемо!"—„Якъ знаешъ,—каже король:—то діеться не по моему прыказу"...

Зибравъ Сирко запорожцивъ, зибравъ пьятнадцять тысячъ и турокъ и погнавъ ляхивъ зъ Украины. Догнавъ до Случи и каже: „Отсе, ляше, по Случь твое, а це наше"... Ти ляхы піймалы свого короля и заслалы на морськый остривъ. „Отсе тоби, кажуть, за те, шобъ не якшався съ Сиркомъ".

Лапинка, предмѣстье Никополя, Екатерин. уѣз., 13 іюня 1894 г., записан. отъ 72-хъ лѣтн. дѣда Федора Иван. Потурая.

37) Варіантъ В.

Якъ бувъ кошовымъ Сирко, то татарва жахалась его, якъ те гайвориння... Було тикають, кляти, и кони погублять... А запорожцямъ того и треба: займуть табунъ, тай гайда черезъ Днипро...

Писля смерты Сирка, запорожцивъ, кажуть довго боялысь ляхы и бусурмены. Бьються, було, козакы и праву руку его попередъ війська везуть: де рука,—тамъ и удача.

Кажуть у Сирка на хрести бувъ пидпысъ: „Хто буде симъ годъ протывъ Велыкодня, выносыть по тры заполы

земли на мою могылу, той буде маты таку сылу, якъ я, и буде знаты стико, якъ и я".

Покійный дидъ Мыхайло Нелипа розсказувавъ, шо якъ носывъ землю протывъ Великодня, то ему вперве показалось—мовъ шось гуде; вдруге—зибралось стилько вийська запорозького, шо ажъ земля стогне; втрете—барабаны бьють, зъ гарматъ палять, козацьки шапкы червоніють якъ макъ... Винъ злякався,—кынувъ носыть землю и подався въ хату.

Носывъ землю протывъ Великодня и старый капуливськый дидъ Матрапасъ (Дымныченко), такъ и той казавъ, шо страшно: „Шо стану, каже, пьястысь на могылу, то воно тебе такъ и штовхае назадъ... Разъ, каже, упавъ навзничъ, тай языка прыкусывъ... Съ того часу и зарикся ходыть на могылу".

С. Покровское, на р. Пидпильной, Екатерин. уѣз., (мѣсто послѣдней Сѣчи), 10 сентября 1896 г. записан. отъ 76-ти лѣтняго дѣда Назара Федоров. Бутузя.

---

38) Кн. Долгорукій и Сирко.

Якъ бувъ Перекопъ турецькымъ городомъ, то наши чумакы ходылы туды по силь. У турка скризь стоялы гардоны, пропускъ бувъ тисный, а здырство було велыке... Тоди, кажуть, въ недилю разъ тилько солылы борщъ.

Прочувъ це Довгорукъ, звеливъ Сиркови зибрать запорожцивъ и сунувся на турка... Багато кажуть, его поляглo, поки пробылы дорогу до Перекопа, багато забрато и въ полонъ. Тоди, кажуть, запорожци отбылы у турка казну, вси заряды и несчыслымо стико скоту и коней. Ти туркы, шо въ полонъ забрати,—ти жъ и скотъ прыгналы въ Сичь. Стало легче чумакамъ, та не на довго: якъ вернулысь запорожци до дому,—турокъ застукавъ чумакивъ въ

Перекоши и выризавъ до едынои головы. Чумацьки волы, возы, гроши и все добро досталось басурменамъ.

Про це есть писня:

Казавъ, казавъ Довгорукъ,
Що не здійме Орда рукъ...
Орда руки изняла,
Всихъ чумакивъ забрала...

Сирко и Довгорукъ—це давни люды! Це ще було тоди, якъ гриныця турецька була по Кинку, шо выйшла зъ степу въ Велыкый Лугъ.

Никополь, Екатерин. уѣз., 12 ноября 1895 г., запис. отъ 79-ти лѣтн. дѣда Дмитра Быковскаго.

---

39) Хмельницкій и его плавня.—Долгорукій и Сирко—Чалый.

(Преданіе.)

Якъ гетьманувавъ надъ козакамы Хмельныцькый, то выше урочища *Карай-Дубыны*, съ него (правого) боку, була и его плавня. Ця плавня, противъ Капуливкы, йдоси зветься *Хмельныцькою*. Биля Карай-Дубыны бувъ перевозъ, булы и броды козацьки, де съ турецького берега, переганялы коней цилымы табунамы. Въ Хмельныцькій плавни, кажуть, паслась така сыла коней, шо нихто имъ и щоту не знавъ. Сюды ихъ гналы пасты съ Турищыны, съ Польши и зо всего Запорожжя. Якъ пидъ добру ласку, то козакы не бралы за це грошей съ татаръ и ногайцивъ, бо и самы паслы коней на ихъ сумижній земли.

Въ Таврiи, биля урочыща *Мамай-Суркы*, жывъ турецькый ханъ *Мамай*. Дуже лютый бувъ, собака, и таке, кляте, буяо и его вiйсько. Було спуску не дае ни запорожцямъ, ни чумакамъ: де пiйма,—тамъ имъ и аминь...

Писля Хмельныцького, на Украини, правывъ Довгорукъ, а въ Сичи кошовымъ бувъ Сирко. Давай той Мамай загравать съ Сиркомъ... Разъ пиймавъ запорожця, знявъ зъ головы волосся зъ шкурою и пустывъ. „Иды, каже, до свого Сирка, та скажы, що я ему хвиста увирву“... Кошовый Сирко якъ узнавъ це, такъ и вскыпивъ... Сивъ на коня, та якъ свысонувъ, якъ свысонувъ!... Збиглысь запорожци. „А нуте, каже, хлопци, сидлайте коней, та махнемъ до Мамая въ гости“... Посидалы козаки на коней и подалысь... Мамай зибравъ вийско и выскочывъ на зустричъ. Сирко до его: „Ну, каже,—попробуемъ, хто кому хвоста увирве“—и давай колошматыть... Побылы Мамая, побылы его вийсько, забралы добро и булы таки...

Биля Карай-Дубыны, часто паслысь татарськи табуны, и якъ тико, було, козацькый кинь переплеве туды, то уже назадъ не вернеться... То отсе, було, Сирко пойде съ козакамы, наведе соцъ на табунщыкивъ, а коней займе и гайда черезъ Днипро въ Хмельныцьку плавню. „Отсе имъ, каже, скурвымъ сынамъ, щобъ не робылы запорожцямъ шкоды“.

Сирко якъ умиравъ, то казавъ: „Якъ откопаете мою руку, то будете симъ годъ воювать такъ, якъ и зо мною“. Такъ воно и случылось: якъ прыйшлось козакамъ до крута,—откопалы воны ту руку и цилыхъ симъ годъ нихто ихъ не змигъ подужать.

Якъ ховалы Сирка, то пидъ головы положылы и его гроши, а тощакову срибну чарку отдалы въ церкву. Та чарка, кажуть, и теперъ есть въ Никыпольскій Покрови (Соборъ). Гроши, кажуть, пробувалы взять капуливци, та не далысь...

У Сирка жывъ молодый козакъ, Чалый; винъ правывъ у его за джуру. Писля Сирка выбралы Чалого кошовымъ, а у его бувъ годованыкъ Савка. Про цего Саву есть и пис-

ня, що винъ продався ляхамъ, грабувавъ церквы и за те запорожци его згубылы.

С. Покровское, на р. Пидпильной, Екатерин. уѣз., 17 августа 1901 г. запис. отъ дѣда Федора Елисѣева Жмудя, 98 лѣтъ.

Историч. литература о Сиркѣ: *Эварницкій*—Ив. Дм. Сирко Спб. 1894 г.; *Костомаровъ*—Руина; *Ригельманъ*—Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи, 1847 г., II, и много др. источниковъ.

---

40) Семенъ Палій.

(Преданіе).

Семенъ Палій бувъ лыцарь велыкый. Про его, було, багато де чого розсказують запорожци нашимъ дидамъ и батькамъ.

Цесь то кажуть, жылы козакы, а мижъ нымы бувъ молодый козакъ Семенъ. Разъ кошовый зибравъ військо и махнувъ воювать Орду, а Семенъ зостався глядить добра. Тоди ще хатъ було не дуже товсто, бильшъ жылы куренямы. Отъ дохазяйнувався той Семенъ, поки спалывъ куринь кошового. „Шо его робыть?“ дума винъ: „Прыидуть,—достанеться мени!“ Взявъ рушныцю и подався. Довго ишовъ винъ байракамы и зайшовъ въ таки пущи, въ таки пущи, шо тико небо и выдно. Сивъ винъ спочыть. Ось насунула хмара, ставъ крапать дощь, потимъ гримъ, блыскавка... Дывыться винъ на скели,—колы выскакуе лукавый. Якъ загремыть гримъ,—винъ пидъ скелю, якъ затыхне,—винъ на скелю п.....! п.....! п....! и... гнивыть Господа! Семенъ и дума: „Що робыть? або ему смерть, або мени“... Тико выскочывъ той на скелю,—Семенъ прыцилывся и убывъ. „Ой, быйще разъ! бый!“—просе лукавый. „Буде съ тебе и разу“.. Винъ

знавъ, шо якъ выпале вдруге, нечыстый побижыть... Зарядывъ Семенъ рушныцю и посунувъ очеретамы въ пущу. Иде, винъ, тай иде, иде тай иде, а очеретъ густый, густый та высокый и свита не выдно. Чуе винъ,—гриицыть очеретъ—шось суне прямо до его. „Шо Богъ дасть“ каже,—та туды!... Колы ось показався сывый дидъ.

— Здоровъ сыну!

— Здоровъ диду.

— Куды Богъ несе?

— Доли шукаю: або звирюка зъисть, або дійду до Великого Лугу, въ запорожжя...

И почавъ ему Семенъ розсказувать. Такъ и такъ,—каже,—спалывъ куринь и боюся гнива козацького: або кіямы забьють або на шыбеныцю... Дидъ и каже: „Теперъ за тобою погоня—сорокъ чоловикъ; тико ты не бійся; пиды до кошового,—винъ простыть“. Дали дидъ показуе свою рушныцю и каже: „Тутъ хоть якому звиру, спуску не дае!“—„Добра,—каже Семенъ, рушныця, а моя ще краща: сегодня не такого звира убывъ“... „Ну,—каже дидъ,—за те, шо убывъ сатану, дарую тоби свою рушныцю, тико шануй... Будешъ ты великый лыцарь и побыватымешъ непрыятеля; будешъ миняться, якъ мисяць: зостаріеться мисяць,—зостаріешся и ты; народыться молодыкъ,—будешъ молодымъ и ты... Вертайся-жъ, сыну, до кошового“.

Сказавъ оце дидъ и Богъ его зна де дився, бо не простый чоловикъ винъ бувъ, а святый апостолъ. Помолывся Семенъ и пишовъ до кошового. Прыйшовъ та прямо въ куринь. А кошовый тико шо умывся, втераеться и молытву творе. Семенъ навколишкы.—„А шо, каже, еретычый сыну, прыйшовъ?!“—„Не клады, каже, тату, великого гнива: то я спалывъ куринь“...—„Щастя жъ твое, шо не піймала погоня,—заколола-бъ“... Дали кошовый и каже: „За те, шо спалывъ куринь,—будь же ты, еретычый сыну, *Палієнъ*“...

Ставъ винъ козакувать, ставъ такый сылачъ, шо нихто его не подужа. Було якъ воюють козакы, то де Палій,

тамъ и удача.—Выбралы его кошовымъ. Отъ прыихавъ шведськый король, до проклятого Мазепы и давай воны пыть. Пылы, пылы, а потимъ и клыкнулы до себе Семена Палія. Король и каже: „Погуляймо, братци, та визьмемось рубаты въ пень москаля". „Ни, недиждешъ!„ -каже Семенъ Палій... Якъ схопыться король, якъ схопыться проклятый Мазепа,—та до Семена Палія... „Берить, вьяжить, слуги, сякого-такого!"... Взялы Семена Палія, закувалы руки и ногы въ зализо и замуровалы въ темныцю. Не багато-жъ винъ тамъ сыдивъ не пывшы и не ившы—двадцять годъ... Черезъ двадцять годъ пишовъ шведъ войною на царя Петра, пишовъ зъ нымъ и проклятый Мазепа. Сталы пидъ Полтавою. У царя—сыла вийська, а у Шведа и проклятого Мазепы щэ бильше. Ставъ Шведъ побывать Москаля, Петро и каже: „Дай мени, Шведе, хоть трохы спочыты!" Той давъ. Петро пишовъ у свій станъ и пыта: „Чы нема, братци, мижъ вамы багатыря, або характерныка?" Вызвався хлопець, 16-ты литъ, и каже: „Я-бъ помигъ, та ще лита не выйшлы, а есть, каже, замурованный въ темныци, Семенъ Палій,—той побье Шведа". Послявъ Царь за Паліемъ.—Одмуровалы его, глянулы,—ажъ у его борода и косы по колина, вусы по поясъ... Сорочка, штаны на ему опалы,—страшно и глянуть. Надилы одежу, пидвелы коня. Шо стане Семенъ Палій сидать,—кинь такъ и вгрузне по колина. Стико не пидводылы,—ны одынъ кинь не здержавъ. Тоди прывелы царського коня. Винъ сивъ и поихавъ. Прыизжае до царя. Царь посадывъ его за дубовый стилъ,—угощае и правды пытае. „Шо каже, Семене Палію,—чы звоюемо Шведа?"—„Звоюемо, каже,—тико дай тры дни хлиба святого поисты, та спочыть". У Шведа була баба хымородныця. Отъ глянула вона на Петрове вийсько и каже: „Ой, шось за напасть велыка буде на насъ... Велы, каже, королю, кувать коней назадъ гакамы, та нумо тикать"... Поки Шведъ покувавъ коней,—ось уже и Семенъ Палій спочывъ. Надивъ винъ дорогу одежу, сивъ на коня и сунувсь зъ вийськомъ на Шведа. Чы довго винъ тамъ бывся, чы ни,—выбигъ на могылу и пыта

Царя: „Бачышъ Шведа?“—„Бачу, каже: подався черезъ гору“. Выбигъ тоди Палій на кряжъ и пыта опьять: „А теперъ бачышъ“?—„Бачу, каже: одынъ другого черкае шаблямы“...— „А короля бачышъ?“—„Побигъ, каже, король степомъ, а за нымъ слидкомъ и проклятый Мазепа, ажъ курява знялась“... Якъ звоювавъ Палій Шведа, Петро и каже: „Ну, Семене Палію,—теперъ я дамъ тоби грошей, стико схочешъ, дамъ я тоби и панськи области“.—„Ни,—каже Палій,—не треба мени ни грошей, ни панськыхъ областивъ: дай мени мылу Украину, за котру я двадцять литъ страждавъ,—больше я у тебе не прошу ничего“. Давъ Петро Паліеви Украину и ставъ винъ выжывать ворогивъ. Якъ вывивъ всихъ, тоди и самъ Богъ зна де дився. Винъ, кажуть и теперъ десь жывый и, якъ ему Господь веливъ, миняється якъ мисяць: старіе и молодіе.

Дѣдъ Евдокимъ Каплій, 70 л., дер. Краснокутовка, Александров. уѣзда, Екатериносл. губ., 17 января 1888 года.

Литература о Палiѣ: *Ригельманъ*—Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи 1847. III. *Костомаровъ*—Мазепа и мазепинцы 1885 г. и мн. др.

---

41) Сава Чалый.

(Гайдамацкій ватажокъ.)

Разсказъ 1-й.

Про Саву есть писня, тико я ii гараздъ не складу, а покійный дидъ, було, часто спива и розсказуе про его. Колысь, кажуть, жывъ въ Сичи старый козакъ Чалый, зъ роду не жонатый. Разъ ихавъ винъ и найшовъ хлопья: воно блудыло по степу. Оце и буде той самый Сава. Чалый

взявъ его за сына. Другый разъ, саме въ жнива, Чалый найшовъ другого хлопчыка, голого, якъ маты народыла; звалы его Гнаткомъ. Сава, кажуть, бувъ задеркуватый, а Гнатко смырный и покирный. Якъ повыросталы хлопци, то сталы обыдва козакувать въ Запорожьи. Отъ Савка чы довго козакувавъ, чы ни, а тико взявъ и передався ляхамъ. Тамъ винъ оженывся и зробывъ соби хату въ такыхъ пущахъ, шо мало хто и знавъ. Набравъ винъ соби шайку ляхивъ и давай издыть въ Запорожже грабувать церквы. Зъ запорожцямы воны тежъ обходылысь не гараздъ: оце пійматъ стико тамъ козакивъ и давай зъ жывыхъ шкуры драть. Кошовый тоди клыкнувъ Гнатка Голого (це его въ Сичи прозвалы) и каже: „ну, Голенькый, знаешъ ты норовы Савы; пійматай его, разсякого-такого сына, та прывезы въ Сичъ". „Чи пійматъ, той пійматъ, еретычого сына, а тико дай мени, характерныкивъ"—одвича Голый кошовому. Той давъ. До схидъ сонця понасыпалы воны своеи земли въ чоботы, повтыкалы за сидла терну и поихалы.

Ой бувъ Сава въ Немырови въ ляха на обиди,
Та не знавъ винъ и не видавъ объ своій гирькій биди.

Прыихавъ до дому, а у его була молода жинка Машка и баба-ворожка, на прозвище Наталочка-Куховарочка. Сава до ворожкы и каже: „а ну кынь на карты: шось мени сны погани сняться". Та кынула и каже: „сподивайся гайдамакивъ".—„А дежъ воны теперъ"?—„Ще въ своій земли". „Ничого, каже, не боюся я ихъ". Кынувся лысты пысать въ Немыровъ, шобъ збыралось військо, а Наталочка-Куховарочка сила колыхать дытыну и спива:

Ой ну люли, ой ну люли, ой ну люли спаты,
Бо наидуть гайдамакы до нашои хаты;
Ой ну люли, ой ну люли, засны, малый блазне,
Черезъ тебе, малый блазне, вся худоба брязне.

—Шо ты, бабусю, кажешъ! пыта Сава.—Та це, каже, прыспивую, шобъ спало. Винъ упьяты: „кынь, бабусю, ще на карты, бо мени наче сумно". Кынула вона вдруге. Би-

жать каже, гайдамакы ше й доси въ своій земли, та за лисамы". Тико шо це сказала, ажъ ось Гнатко съ козакамы въ двери.

—Здоровъ, здоровъ, пане Саве, здоровъ тоби въ хату.
Здалека ты гостей маешъ—чымъ будешъ витаты.
— А чымъ же васъ, мыли, братци, буду я витаты.
Ой давъ мени Господь сына,—буду въ кумы браты,
— Та було-бъ тоби, пане Саво, тоди въ кумы браты,
А якъ ходывъ ты до Гарду церквы руйнуваты.
Якъ пиднялы пана Саву на тры спысы вгору,
Та вдарылы объ помистъ, —облывся винъ кровью.

Прывьязалы тоди пана Саву коневи на спыну и повезлы до кошового.

Андрей Халепа, 60 лѣтъ, с. Андеевка, Алексан. у., 14 января 1885 г.

42) *Разёказъ 2-й.*

Въ писни спиваютъ:

Ой бувъ въ Сичи старый козакъ на прозвыще Чалый
Выгодувавъ сына Саву ляшенькамъ на славу.

Сава не мавъ соби роду и змалку выгодувавъ его запорожець Чалый. Якъ уже вырисъ Сава, ставъ козакомъ на всю Сичъ. Отъ прыйшовъ часъ помераты Чалому, винъ клыкнувъ Саву и каже:

Оце тоби кинь вороный, вся на его зброя,
Та служы, сыну, запорожцямъ по моему слову.

Не послухавъ Сава дида: якъ тико той померъ, винъ продався ляхамъ и ставъ ватажкомъ. Давай тоди розбой водыть на запорожцивъ, давай обкрадать церквы. Въ Запорожьи бувъ превелыкый знахуръ и характернык Гнатко-братко. „Стій-же, каже, Саво, я тебе піймаю". Змовывся винъ съ Кравчыною и Булатомъ ихать.

Ой ше не свитъ, ой ще не свитае,
А вже Гнатко съ Кравчыною кони посидлалы.

Посидлалы тай гайда. Сава тоди саме прыихавъ зъ гостей до дому, тай пыта: чы „все гараздъ дома?“ Баба ворожка ему и каже:

За все гараздъ, за все гараздъ,—тилко за одно страшно,
Вылитають изъ-за горы чорни крюкы часто.

„А ну, каже, бабусенько, кынь на карты“. Вона кынула и каже: „це шось не добре выпада: якыхсь зъ далека гостей сподивайся“.—„А скоро“?—Та якъ тоби и сказать: выпада наче ще въ своій земли, за густымъ лисомъ и наче блызько“. А Гнатко-братко, Булатъ и Кравчына якъ одъизжалы изъ Запорожья, то понасыпалы въ саньяны своей земли, понабывалы коням пидъ копыта и пообтыкалысь терномъ. Отъ воно и одводе очи: мовъ воны за лисамы, въ своій земли.

Догадався Сава зъ якого краю гости и послявъ за військомъ. На той часъ у Савы булы родыны, треба було людей прыгостыть, и послявъ хлопця за пывомъ и горилкою:

Ой пиды, хлопку, до выныцы та вточы горилкы,
Та выпьемо за здоровье Савынои жинкы;
Ой пиды, хлопку, до пытныцы тай уточы пыва,
Та выпьемо за здоровье Савыного сына.
Ой ще хлопка, ой ще малый, не дійшовъ до выныцы,
А вже Гнатко съ Кравчыною въ Савыній свитлыци.
— Здоровъ, здоровъ, брате Саво, думаешъ-гадаешъ,
Ты зъ далека гостей маешъ, чымъ ихъ прывитаешъ?
— Ой чымъ же васъ, мыли братци, я буду витаты?
Жинка сына спородыла,—буду въ кумы браты.
Ой уже-жъ тоби, брате Саво, зъ намы не куматься,
Просы Саво, а шобъ далы зъ жинкою прощаться.
Годи тоби, брате Саво, ляшкамъ угождаты,
Пора тоби, скурвый сыну, за все одвичаты.
Якъ пиднялы пана Саву на тры спысы вгору,
Та вдарылы пана Саву объ пень головою.

Управылысь съ Савою и посидалы горилку пыть. Колы ось и ляхы бижать...

Ой ударылы два ляшенькы навхрестъ шабелькамы,—
Утикайте гайдамакы, промижъ рученькамы.

Ляхивъ набигло превелыка сыла, а запорожцивъ мало. Давай воны на кони, та тикать.

На тимъ боци на толоци—будто орелъ кряче,
Колы глянувъ Гнатко-братко, ажъ Кравчына плаче.

Нагналы ляхы Кравчыну и хотилы зарубать, а Гнатко-братко обернувъ коня, махнувъ шаблею—воны самы себе и порубалы. Тоди Кравчына нагнавъ Гнатка-братка и подалыся въ Сичъ.

Наумъ Григорьевичъ Бабецъ, 62 л., Махайловка (Лукашево), Алек. у., Екат. губ., 27 октября 1887 года.

---

43) Кошевой Калнышевскій.

Разсказъ 1-й.

Разореніе Сѣчи.—Бѣгство Запорожцевъ въ Турцію.

(Преданіе).

Запорожци просылы кошового Калныша: „Поидь, пане отамане, до царыци,—хай змылуеться,—бо чутка ходе, шо згонять насъ видсиль“. „Ни, каже,—лучше поиду въ Кывъ та помолюсь Пречыстій: вона скорише змылуеться“. Поихавъ, помолывсь и вернувся. Ось незабаромъ и московське військо опынылось биля Сичи. Кошовый пишовъ въ церкву, а за нымъ увьязалась собачка, тай соби туды... Побачылы козаки и кажуть: „Э, братци,—це не передъ добромъ: зрада!“... „Давайте убьемо кошового!“. Почувъ джу-

ра, та до кошового: „Такъ и такъ, пане кошовый: тикай, бо буде бида". Повьязавъ винъ голову кошовому платкомъ, веде въ бокови двери и просе: „Пропустить, каже, люды добри: у чоловика зъ носа кровъ пишла"... Пропустылы. Джура одвивъ его геть-геть и каже: „Иды, пане кошовый, у ту онъ хату, шо биля Пидпильнои: тамъ сховають". Кошовый въ хату, та на горыще,—и прыкрылы его нехворощею... Сталы выходыть зъ церквы, сталы шукать: и сюды, и туды,—нема кошового... Баче Калнышъ кошовый, шо бида, дождавъ ночи, тай махнувъ въ московськый станъ.... Махнувъ, кажуть, та уже бильше и не вертався: его закувалы въ зализо...

Обступывъ Москаль Сичъ и объявывъ: „Здавайтесь, хлопци, добромъ, бо буде бида!" Стари запорожци тобъ-то и здаться, такъ молоди не те... Спалылы мистъ на Пидпильній, забралы пушкы, ружжя въ плавню и ждуть, покы Москаль начне палыть... У Сичи бувъ протопопъ Ладымырь. Узнавъ винъ ихъ думку и почавъ совитувать: „Повыниться каже, братци, не гнивить царыци! сыла, каже, не ривна: васъ багато, а москаля ще бильше; за не мылосты вамъ не буде; лучше, каже, идить въ церкву помолымось: шо Богъ дасть, те и буде"... Послухалы де-яки попа, та на свою биду: не вспилы вийты въ церкву,—тутъ ихъ и закувалы въ зализо... Якъ почулы козакы, шо кошовый и отаманы въ зализахъ,—давай переганять дубы та байдакы съ Пидпильнои въ Павлюкъ, давай каптаны драть та конопатыть ихъ, давай складувать пушкы, ружжя... Управылысь, помолылысь, понасыпалы въ чоботы земли и нумъ сидать.... Козакивъ сыла, а дубивъ мало: шо сядуть,- воны и тонуть... Шо-жъ его робыть? Давай тоди скыдать лышнихъ людей, давай рушать... Тоди Павлюкомъ якъ подалысь, якъ подалысь... Выихалы въ Днипро, якъ понапыналы паруса, та уже въ Турещыни зняты... Багато козакивъ подалось водою, багато и пишкы... Пиши спромы чвалалы по надъ Днипромъ, а де зобачать, було, каюкъ,—то той и ихъ... Тоди, кажуть, отъ

Сичи до Лымана, у кого булы каюкы та байдакы, у кого булы водяни млыны,—и ти позаганялы въ Турецыну...

Жывуть, кажуть, и теперъ козакы въ Турецыни, жывуть и хлибъ идять не по нашому,—въ прыволи...

Дѣдъ Денисъ Грошовый, 70 лѣтъ, село Покровское (Сичъ) на Подпольной, Екатер. уѣзда, 13 іюня 1894 года.

44) *Разсказъ 2-й.*

Кошевой Калнышъ.—Дурное предчувствіе запорожцевъ.—Аттака Сѣчи. Бѣгство въ Турцію.—Воспоминаніе объ оставшихся послѣ разоренія Сѣчи запорожцахъ.—Козацкія урочища.

Передъ руйнованнямъ Сичи, кошовой Калнышъ збырався на богомилья въ Кыивъ, а передъ тымъ въ Сичи сталы выть собакы; выють тай выють! выють тай выють, що ночи! А дали якъ пидняли пугачи: пугу тай пугу! пугу тай пугу! Пугукалы воны и въ капуливськыхъ плавняхъ, и въ Велыкому Лузи... Сумно стало козакамъ...

Разъ, въ недилю, пишовъ Калнышъ въ церкву, а за нымъ слидкомъ невелычке шашъ. „Ой, не передъ добромъ братци, собака въ церкву вскочыла,"—обизвалысь козакы... Сталы выганять собачку,—ничого не зроблять: куды кошовый, туда и вона. Не выстоявъ кошовый обидни, пишовъ до дому. Черезъ стико тамъ днивъ—де не взялось мѳсковське вийсько! Така сыла, така сыла, шо и окомъ не скынешъ!... Въ плавняхъ, на гряди, жывъ козакъ Васюра. Отъ зибравъ винъ запорожцивъ и каже: „Не сумуйте, братци, и не шкодійте пороху!"... Сказавшы це, осидлавъ коня и подався до кошового. Прыбигъ, вскочывъ на поригъ и спива:

Дозволь батьку, отамане,
Намъ на башти статы:
Москаль стане изъ мечамы,

А мы зъ палашамы,
Не выбьемо палашамы,—
Выбьемъ кулакамы,
Нехай слава не поляже
Промижъ козакамы!...

Калнышъ ему одспивуе:

Не дозволю, мыли братци,
Вамъ на башти статы,
Бо една кровъ хрыстіянська,
Грихъ намъ проливаты...

Васюра опьять на коня тай до куреня... Настала ничъ. Зибралысь запорожци и давай збырать дубы та каюкы, давай переганять ихъ съ Пидпильнои въ Павлюкъ и ховать въ очерета. Управылысь зъ дубамы, а потимъ взялы и запалылы мистъ на Пидпильній...

Це дiялось протывъ недили. Стало свитать,—прыихавъ до ихъ пишъ, тай каже: „Не змагайтесь, хлопци, зъ москалемъ, бо его не звоюете, а тилько роздратуете!... Збырайтесь лучше до церквы, та помолымось видъ напасты святій Покрови". Хто послухавъ,—пишовъ, а бильше осталось въ плавняхъ конопатыть дубы.

Не довго и молылысь козакы,—вернулысь.

— А шо, кажуть братци,—знаете, де коповый?

— А де?

— У Москаля въ зализахъ!...

— А писари, судци?

— И ти тамъ... На Сичу нашу уже понаводывъ Москаль горлати пушкы...

Запорожци тоди посидалы на дубы и махнулы Днипромъ пидъ Турка... Не довго думавъ и Москаль: пооббыравъ церквы, забравъ все, шо було, и давай зганять видсиль козакивъ, давай межувать землю вельможамъ...

Писля того, якъ скасовано Сичъ, въ капуливськыхъ плавняхъ оставалысь запорожськи диды—Усатый и харакирникъ Занудько. Усатый жывъ въ урочыщи *Паныдино*, у его

бувъ одынъ тико довгый усъ, и коня кувавъ назадъ пидковамы. Запудько жывъ на ричци *Темній* и плодывъ бджолу. Довго ци и ничи жылы тутъ диды, а одъ ихъ повелысь и козацьки писни и балачка про запорожськый урядъ.

Запорожци жылы не такъ, якъ мы: хлиба у ихъ не повòдылось, а варылы саламаху зъ борошна и илы зъ медомъ, або зъ саломъ. Въ пистъ не погыбалы: рыба и тузлукъ у кождаго булы невыводно.

Багато ще, кажуть, жыло запорожцивъ на *Нетригузи* — ричци, на *Шахивци, Темныхъ Водахъ* и скризь на грядахъ, тико забувъ имъ прозвища.

Въ Капуливци, на *Скарбній*, стоялы, кажуть, запорожськи корабли. Якъ тикалы запорожци пидъ Турка, то багато, кажуть, сховалы казны и пушокъ въ Скарбній. Гроши, кажуть, замулылы въ ричку, въ мидныхъ казанахъ, и будуть воны лежать поки свитъ сонця.

Дѣдъ Кондратъ Матрапасъ, 73-хъ лѣтъ, с. Капуловка, Екатериносл. уѣзда, 10 сентября 1896 г.

Литература: *Русская Старина* 1875 г. Ноябрь, ст. *П. Ефименко*, „Калнышевскій, послѣдній кошевой Запорожской Сѣчи (1691—1803) *Эварницкій*—Послѣдній кошевой атаманъ П. И. Калнышевскій; *Его же*—Исторія Запорожскихъ казаковъ 1900 г. I; *Скальковскій*—Исторія Новой Сѣчи 1885—86.

---

45) Переселеніе Задунайскихъ запорожцевъ въ Россію.—Кошевой атаманъ Осипъ Гладкій.

Разсказъ 86-тилѣтняго полкового эсаула бывшаго Азовскаго козачьяго войска Андрея Ивановича Матвѣенко.

Я родился за Дунаемъ 4 іюля 1819 года и вышелъ въ Россію съ отцомъ и матеряю въ 1828 году, передъ Пасхой. Хотя мнѣ было тогда 9 лѣтъ, но въ памяти хорошо запечатлѣлось задунайское приволье, гдѣ такъ много лѣсныхъ угодій, озеръ, рѣкъ и лимановъ. Почти каждый казакъ былъ

охотникъ и рыбакъ вмѣстѣ, но рыбная ловля составляла главный промыселъ тогдашняго населенія. Станицы козацкія называлы *куренями* и въ каждой жилъ атаманъ. Всѣ курени носили названія по урочищамъ, по звѣрю, по птицѣ. Я родился въ станицѣ *Куликово поле*, гдѣ отецъ мой записанъ былъ козакомъ. Немало за Дунаемъ жило козаковъ, немало и бѣглыхъ людей. По разсказамъ отца, черезъ Дунай устроенъ былъ перевозъ и при этомъ-же перевозѣ, съ турецкой стороны, стояло три большія хаты для бѣглыхъ. Сначала тутъ ихъ довольствовали, а потомъ кошевой распредѣлялъ по куренямъ и станицамъ. Въ каждомъ куренѣ также было по одной большой хатѣ для бѣглыхъ, гдѣ они оставались до пріисканія заработковъ или постояннаго пристанища. Изъ-за Дуная вывелъ насъ кошевой атаманъ *Осипъ Гладкій*, во время войны съ Турціей. Вотъ какъ объ этомъ разсказывалъ покойный отецъ. Когда пронесся слухъ, что Россія объявила войну, Турки потребовали на корабли 1000 отборныхъ казаковъ и велѣли быть наготовѣ противъ русскихъ. Въ это время изъ Измаилова пріѣхалъ въ Кошъ адъютантъ *Писаренко* и тайно началъ уговаривать кошевого, чтобы перешелъ на сторону русскаго Царя; при этомъ Писаренко прочиталъ какую то бумагу, гдѣ обѣщаны такія же вольности въ Россіи, какъ и за Дунаемъ. Кошевой *порадился* съ атаманами и сказалъ: „Нѣтъ, мы на такія условія не согласны: у насъ половина населенія—бѣглецы изъ Россіи и если намъ передаться русскому Царю, то за нами должны послѣдовать и всѣ бѣглые. А какая шана (участь) ихъ ожидаетъ въ Россіи? Если останутся,—турокъ всѣхъ ихъ перерѣжетъ“... Атаманы *загомонилы*: „Правду говоритъ кошевой: отвѣтъ мы должны дать передъ Богомъ. Тогда на чьей душѣ грѣхъ?“ Писаренко возвратился въ Измаилъ и вскорѣ привезъ другую бумагу. Въ этой бумагѣ уже было сказано, что и бѣглымъ дана будетъ воля и одинаковыя съ козаками права. Кошевой согласился, а съ нимъ атаманы и старики. Слышно стало, что Царь Николай прибылъ съ войскомъ въ Измаиловъ. Поднялась страшная суматоха... Ко-

заки стали собираться въ Измаиловъ, а остальное населеніе бросило хаты и повалило къ перевозамъ черезъ Дунай. Кошевой Гладкій по всѣмъ станицамъ разослалъ вѣстцовъ и издалъ приказъ, чтобы къ дунайскому перевозу со всѣхъ концовъ собирали паромы, байдаки, дубы и перевозили день и ночь. Иные успѣли забрать хозяйское добро и даже скотъ, другіе захватили только дѣтей да святыхъ (иконы), а было много и такихъ, которые вырвались съ душою... Не всѣ, однако, успѣли уйти отъ Турка! Тѣ, что жили въ горахъ, далеко отъ Дуная, узнали объ этомъ не скоро, другіе пожелали остаться въ насиженныхъ мѣстахъ.

Черезъ два-три дня послѣ того, какъ запорожцы присягнули Николаю I, узналъ Турокъ, но пріротановить переселеніе запорожцевъ не могъ, такъ какъ у него не было лишняго войска. Тогда турецкіе паши отобрали оружіе отъ тѣхъ запорожцевъ, что были на корабляхъ, и отправили куда-то далеко разбирать старыя судна, а станицы велѣли пустить дымомъ (сжечь)... Много жестокостей проявили тогда турки къ оставшемуся русскому населенію, но зато много лѣтъ не переставали рýсскіе уходить оттуда и селиться въ станицахъ, основанныхъ Гладкимъ. Когда велась война съ Турціей, мой отецъ участвовалъ съ козаками въ битвѣ подъ командою Гладкаго, а по окончаніи войны Гладкій пожалованъ былъ генеральскимъ чиномъ и назначенъ наказнымъ атаманомъ казачьяго войска. Первый годъ, по переселеніи, казаки стояли по квартирахъ въ слободахъ, а потомъ, по выбору Гладкаго, имъ дана была земля вблизи Азовскаго моря и войско названо *Азовскимъ*. Гладкій основалъ тамъ станицы: Никольскую (Кальчикъ по рѣчкѣ), Стародубовку, Покровскую, Новоспасовскую и Петровскую, гдѣ, по началу, устроены были землянки, а потомъ уже хаты. Всѣмъ заслуженнымъ козакамъ дарована была земля: генералу Гладкому 1600 дес., полковникамъ и войсковымъ старшинамъ по 400 дес., войсковымъ эсауламъ, хорунжимъ и сотникамъ по 200 д. Всѣ эти чины завели свои хутора и усадьбы вблизи станицъ.

Императоръ Николай Павловичъ любилъ Гладкаго и ни въ чемъ не отказывалъ на войсковыя нужды. Въ станицахъ вскорѣ построены были церкви, школа и войсковое управленіе въ ст. Кальчикѣ (Никольскомъ). Первая церковь была вывезена изъ-за Дуная и поставлена въ Кальчикѣ; оттуда же выведенъ и священникъ. Генералъ Гладкій жилъ въ Кальчикѣ 9 лѣтъ, но не спокойно жилось ему по началу. Первые три года выпали неурожайные, всюду былъ голодъ, падежи и наконецъ холера. Въ довершеніе бѣдъ, саранча пожирала все до черной земли .. Казаки обѣдиѣли и начали роптать на Гладкаго, что выбралъ голую степь, гдѣ ни лѣса, ни рыбныхъ угодій, которыми такъ обиловали задунайскія вольности. Однако настали урожайные годы, все было забыто и войсковыя станицы оправились, забогатѣли. По истеченіи 9 лѣтъ, Гладкій перевелъ войсковую канцелярію (Управленіе) въ Петровскую крѣпость.

Генералъ Гладкій роста былъ средняго, коренастый и волосы носилъ, какъ всѣ малороссы, „стожкомъ“. Жилъ скромно, велъ хозяйство, но, по службѣ, всегда имѣлъ при себѣ 5 вѣстовыхъ казаковъ изъ разныхъ станицъ. Гладкій дожилъ до глубокій старости и умеръ въ г. Александровскѣ въ 1866 году, гдѣ ему поставленъ и памятникъ внуками.

Азовское казачье войско упразднено при Александрѣ II въ 1865 году и казаки въ теченіе 3-хъ лѣтъ переселялись на Кубань; въ 1867 году туда же перевелена и ихняя войсковая канцелярія. Это все, что могу сказать о бывшемъ Азовскомъ казачьемъ войскѣ и кошевомъ атаманѣ Гладкомъ.

Могу еще добавить, по разсказамъ отца, что Осипъ Гладкій былъ кошевымъ за Дунаемъ три года, а передъ нимъ атаманувалъ старый казакъ *Гайкуша*. За Дунаемъ налоги платили туркамъ, при чемъ за сборомъ денегъ являлись одинъ разъ въ годъ турецкіе чиновники и проживали у казаковъ по цѣлымъ мѣсяцамъ. За голоту платило общество, по счету этой голи ни кошевой, ни турки не знали.

Да и трудно было знать: сегодня десять пришло, а завтра двадцать ушло, и шукай вѣтра въ полѣ...

С. Андреевка, Александров. уѣзда. 11 и 12 мая 1905 года.

---

46) *Разсказъ 2-й*

Ще за Катерыны, якъ пишлы Запорожци пидъ турка, давъ винъ имъ землю на Дунаи. Тамъ, кажуть росла лоза, лисъ. Поодбиравъ турокъ шабли, ружжя, пушкы. „Ловить, каже, хлопци, рыбу, а въ море не кыдайтесь, шобъ розбою не було".

Спочатку скудно жылось: сіяды хлибъ, плодылы скотъ, бжолы, ловылы рыбу, а въ козацьке дило не вкыдалысь.... Литъ черезъ пьятнадцять, кажуть, стало вольнише.—Сталы опьять козакувать.

Бувъ у запорожцивъ кошовый, захожый зъ Самари [1]). Отъ зостарився винъ и каже: „Ну, хлопци, я вже не здужаю: выбирайте другого батька!" А козакы дуже любылы старого кошового. Сталы воны раду збыраты, сталы выбирать. Кого выберуть,—той отказуеться; хто самъ намагаеться,—того люды не хотять... Зибралысь воны вдруге, втрете,—никого не выбралы... Тоди до старого кошового: „Що хочъ, тату: або пануй самъ, або нарай ничого, кого знаешъ"... Покачавъ старый головою и каже: „Мижъ вамы, хлопци, есть люды,—ось хоть бы и Йосыпъ *Гладкый*,—чымъ не козакъ!?" Пидхватылы воны въ одынъ голосъ:„ Гладкый, Гладкый"... Найшлы того Йосыпа и потяглы до громады. Съ того часу и ставъ у Сичи отаманувать Гладкый [2]).

Черезъ мале времня старый кошовый ставъ померать и поклыкавъ Гладкого. „Ну, каже, Йосыпе, послухай мого

---

[1]) Изъ г. Новомосковска, Екатерин. губ., на р. Самари.

[2]) По улычному его звалы *Бондарь*.

Разсказчикъ.

совиту. Якъ хочешъ панувать, то не продавай Хреста бусурманамъ! Туркамъ, каже, корысь, а на Украину дывысь: то наша ненька, не це!"

Не успилы поховать старого кошового, ажъ ось чутка пишла, шо турокъ объявывъ нашому цареви вийну... Понабигалы въ Сичь турецьки башы, понавозылы шабель, рушныць, пушокъ и давай муштровать... Дали почулы, шо нашъ Царь зъ вийськомъ уже на Дунаи и шо турокъ велыть козакамъ рукы здиймать противъ своихъ. Гладкый зибравъ 40 тысячъ вийська, посадывъ на дубы и махнувъ въ Змаиловъ до Царя... Прыихалы козакы, высадылысь на берегъ и впалы передъ Царемъ навколишкы. „Просты насъ, батьку, билый Царь,—сказавъ Гладкый—и прыймы видъ свою руку"... Глянувъ Царь Мыколай на таку силу вийська и заплакавъ... „Прощаю васъ, запорожци, я, прощае и вотчына моя! Идить, каже, и служить вирно"...

Познавсь турокъ, шо козакы зрадылы и метнувся до коша... Все, шо зосталось,—порубавъ, попсувавъ, сплюндровавъ, пустывъ дымомъ...

Инчи зъ людей перекынулысь черезъ Дунай и подалысь на Украину, а инчи выховалысь по лисамъ, та очеретамъ, осталысь жыть тамъ. Лыбонь то козакы и теперъ есть на Дунаи, тико уже потуречылысь...

Якъ кончылась война, сталы запорожци просыть Царя, шобъ давъ землю за порогамы. „Ни,—каже Царь—тамъ уже завелысь слободы, а поселю васъ биля Азовського моря". Поселывъ ихъ и назвавъ Азовськымы козакамы. Тутъ жылы воны литъ сорокъ, и Гладкый надъ нымъ отаманувавъ. Пры Олександри, якъ сталы ихъ повертать въ мужыкы, воны попродалы шо було и подалысь козакувать въ Чорноморію. Ихни слободы—Кальчыкъ, Новоспасивка, Стародубивка, Покровська и Петровська йдоси есть, тико тамъ уже мало зосталось козацького поколиння, а жывуть мужыкы.

Колысь тутъ кажуть, степъ бувъ дыкый, а биля ричкы *Берды*, де слободы Стародубивка и Новоспасивка, дер-

жавъ разбой воръ *Засорынъ*. Винъ багатыхъ грабувавъ, а бидныхъ надилявъ; про его и писня есть.

Дѣдъ Игнатъ Кашпиръ, 93 лѣтъ, с. Крестовка, Маріупольскаго уѣзда, 29 декабря 1904 г.

Въ день посѣщенія, разсказчикъ обладалъ удовлетворительнымъ здоровьемъ и проявилъ удивительную словоохотливость и гостепріимство. Полтавецъ по рожденію, онъ молодые годы провелъ между Азовскими казаками и, поселившись въ с. Крестовкѣ, близъ ихъ станицъ, часто косилъ сѣно у Наказнаго Атамана Осипа Михайловича Гладкого.

Я. Н.

Литература. Русская Старина, 1881, т. II.,—біографія Осипа Михайл. Гладкаго, написанная его сыномъ, подполк. Вас. *Гладкимъ; Кіевская Старина* 1883 г., февраль, ст. *Кондратовича* „Задунайская Сѣчь".—Статья нѣсколько пристрастная; *Скальковскій*—Исторія Новой Сѣчи. 1586 г., III; *Эварницкій*—„Запорожье"—1888 г., II.

ОТДѢЛЪ IV-й.

Запорожская старина въ разсказахъ.

47) Происхожденіе Запорождевъ.

Легенда 1-я.

Якыйсь-то булъ руськый царь, що стоявъ видъ страхомъ у чужоземця... Це давня давныня... Такъ ото нашъ царь тому непрыятелеви и платывъ подать людьмы; було займе, якъ отару овець, тай жене. Хто було пиде до непрыятеля, то уже не вернеться: помынай якъ звалы. Отъ разъ нашъ царь пославъ тому супостатови людей самыхъ отбирныхъ. Выйшлы воны въ степъ, посовитувалысь и кажуть: чого мы пидемо до проклятого кымлыка-мухамета? На заризъ? Есть мижъ намы ковали, шевци, ткачи, ганчари, шаповалы, есть знахари, характерныкы; давайте тутъ жыть. Подалысь воны въ лисъ, въ пущи, повыкопувалы землянкы и давай жыть.

— На другый годъ, опьять найшло людей, на третій опьять,—стало цилэ вийско. Отъ супостатськый царь и пыше нашому: „чомъ ты, каже, людей не даешъ“? Нашъ и одвитуе: „посылаю тоби, каже, що року“... Багато годивъ мынуло, попереминялысь и цари въ земляхъ, а люды все намножаються и намножаються въ дыкимъ степу. Ставъ непрыятель докучать имъ набигами, и давай воны биля его ворожыть. Стико не пошле вийська, воны все и перерубають... Характерныкы булы велыки!... Стала ходыть чутка, що жывуть десь запорожци—таке вийсько, що и не прыступышь. Орудовавъ нымы кошовый-характерныкъ.

— Земля тоди була дыка; кышавъ звирь, гадъ, та птыця.

— Жылы такъ запорожци поки одвоювалы у турка землю: одъ Орили та до моря шырынею, отъ Бога—ричкы та до „Горилого пня“ довжыною. Горилый пень бувъ пидъ Донцыною за Савуръ-могылою. Тамъ могыла, а биля неи рисъ дубъ и такый товстючый, шо насылу було пьясь чоловикъ обхвате. Якъ усохъ той дубъ,—его обпалылы, и довго чорнивъ винъ середъ степу;—его выдно було за сорокъ верстъ. Якъ сплюндровалы запорожжя, то биля того горилаго дуба жывъ якыйсь гайдамацькій ватажокъ, а на Савуръ-могылы-другый—Сава; ото винъ якъ скоче до себе выклыкать Саву въ госаи, то почепе на дуба копыцю сина, дожде почи и пидпале. Побаче Сава огонь,—на коня, и скака... Теперъ нема запорожцивъ: пидъ турка пишлы... Сталы ворогы докучать царыци, шо буцимъ бы то запорожци школу роблять, вона зибрала вiйско и пишла на ихъ. Зiйшлысь москали, зiйшлысь и запорожци. Москали стриляють, а запорожци полы пидставляють... Понабиралѣ повни заполы куль, тай пишлы до царыци. „Велыкый свитъ, матусю! на тоби оци заряеы, воны може згодяться“. Вона здывувалась, такъ каже: „являйтесь ка мнѣ, я васъ угащу“. Зибралысь запорожци до неи, а вона и пыта: „какъ вы живете, яловое, запорожское войсько, безъ женъ?“ „Живемо, кажуть, такъ: сорочку покы вс... поты обидравъ, бо никому прять“... Угостыла вона запорожцивъ и пишла въ ихнiй станъ. Дивиться,—хто чоботы кващое дегтемъ, хто..., хто матню лата, хто кашу варе, хто нужу бье, а инчiй-вуса крутe... „Что же у васъ такое нестройное войско¿“—пыта царыня кошового. Та такъ, каже, матусю,—замыреніе: ни-противъ кого строиться...

Сталы запорожцивъ преписнять, ставъ Потемка населять слободы, сажать нимцивъ... Взялы воны и подалысь: яки за Кубань, яки посунулысь въ Турещыну... Прыйшлы, а паша и каже: „тоди я васъ прыйму, якъ запрысяонете вирно служыть въ моiй земли“. „Добре, кажутъ, согласни“...

Сталы збирать ихъ пидъ прысягу, а у ихъ у кождого въ торбыни була хрыстіянська земля: воны понасыпалы въ чоботы земли, пидійшлы пидъ прысягу и кажутъ: „на чыій земли стоемо, тому цареви будемо служыть“! Такъ воны и робылы: було въ турещыни жывуть, а помичъ дають своимъ хрещенымъ.

---

48) Легенда 2-я.

Запорожцивъ спрежду було всего шистьнадцять чоловикъ и звалысь воны Чорногорамы. Попервахъ жылы воны десь высче порогивъ въ лису, а повзъ той лисъ ишовъ бытый шляхъ. Дознався якыйсь то царь, шо по тимъ шляху велыкый розбой, и послявъ вийсько. Черезъ стико тамъ днивъ дійшло вийсько до того лису и сунуло прямо въ пущу... Иде, воно, иде тай иде,—колы чуе—якъ затрищыть, якъ залущыть... Глянуло воно, ажъ на дубахъ курени, а видтиля выглядають Чорногоры. Генералъ до ихъ:

— Що вы за люды?

— Чорногоры!

— Злазьте изъ дубивъ!

— А шо-жъ вамъ видъ насъ треба!

— Треба, шобъ вы здалысь,—отъ що!

— Знаете що, люды добри, каже кошовый,—мы таки хрещени якъ и вы, отбываться не будемо, а лучше идить соби зъ Богомъ, видкиля прыйшлы!

Генералъ той якъ крыкне:—палы!... Сталы воны палыть, та не по Чорногорахъ, а сами по соби—и выляглы якъ сноны...

Явывся самъ царь и выклыка трехъ чоловикъ. Прыйшлы. Винъ за пыстоль та до ихъ... ажъ воно не те: рукы и одибрало... Смыкавсь винъ, смыкавсь, та тоди и просе: „Ой, братци, не пустуйте!“ „Добре, кажутъ; дай же намъ

впередъ бомагу, шобъ була намъ земля обмежована и шобъ, хто за межу перескоче,—той и нашъ!" Царь обищавъ и ставъ володать рукамы. Выдавъ имъ бомагу и назначывъ межу за сто верстъ выше порогивъ и за сто верстъ нызче порогивъ. Якъ силы воны кошемъ на порогахъ,—народъ такъ и сунувъ до ихъ. Тоди уже земля назвалась козацькою, а люды—запорожцямы.

Оттакъ я чувъ зъ молоду отъ старыхъ людей. Теперъ поколиния запорожцивъ, шо кынуло Сичь за Катерыны, жыве, кажуть, пидъ туркомъ на Чорныхъ горахъ, и козакы опьять звуться Чорногорамы.

Дѣдъ Дмитрій Степ. Быковскій, 87 л.,
м. Никополь, Екат. у., 12-го іюня 1894 г.

---

49) Кіи = первоначальное названіе запорожцевъ.

Разореніе Сьчи.

Мій дядько, Матвій, умеръ 110-ты годъ въ пятьдесятъ вторимъ году (1852). Розсказувавъ, що спрежду запорожци звалысь *кіямы,* и не тутъ жылы, а десь въ лисахъ, пидъ Кыевомъ. Кіямы звалысь видтого, шо ходылы на розбой съ кійкамы. Якыйсь, кажуть, князь *Амлынъ,* чи що, ставъ набирать ихъ въ свое військо и сказавъ: „якъ поможете мени звоювать турка,—дамъ вамъ степы, балкы, байракы и и ввесь нызъ Днипра: будете жыть вольно". Зибралысь воны вси, стико було и звоювалы турка. Амлынъ тоди давъ имъ Днипро и степъ нызче порогивъ и сталы воны запорожцямы. Було у ихъ 40 куренивъ и 40 тыс. війська, та Катерына зигнала и отдала землю нимцямъ... Амлынъ той, якъ дававъ землю, то казавъ: „буде вона ваша, покы свитъ сонця"; а Катерына уже не те сказала: „дайте, каже, бумагу, що це ваша земля". Воны тоди сюды, туды—нема.

Якъ стало вiйсько противъ запорожцивъ, а характерныкы и выйшлы. „Ну, кажуть, сдаваться не будемо,— быйте! Москали за ружжя, цилять въ ихъ, а ружжя клацъ! клацъ! клацъ!—и не палять; глянулы, ажъ порохъ мокрый... „Ну, кажуть, васъ, мабудь и чортяка не звоюе". Характерныкы зовсимъ не хотилы здаваться Катерыни, та вiйсько сказало: „ни, братци, у насъ есть батькы и диты: москаль ихъ выриже". Взялы тай здалыся.

Осипъ Леонт. Шуть, 70 лѣтъ, рыбальня на островѣ Хортицѣ, 14-го сентября 1888 года.

---

50) Черты изъ жизни запорожскихъ козаковъ.

Запорожци жылы скризь по Днипру, въ Великому Лузи, по степахъ и въ городкахъ [1]). У насъ называють теперъ „майданы", а у запорожцивъ—то булы „городкы". Таки городкы и теперъ есть въ Старыхъ Койдакахъ, на Пидгородиянськимъ степу, пидъ Петрыкивкою. Городкы обнесени булы высокымъ валомъ, а въ тимъ мисти, куды входыть,—стояло по бокамъ два высокыхъ стовпа. Було кому есть дило до старшынъ—иды въ крипость дорогою, а якъ тико полизъ черезъ валъ, заразъ пидскочать кабачныкы [2]) и ну кiямы: „не ходы, еретычый сыну, навпростець [3]) ходы въ ворота!...

„Запорожцивъ часто грабувалы ляхы и туркы, а за те, було, не спускаютъ имъ и запорожци. У ихъ була черга [4])— кому ихать на роздобытки, кому дома буты. Оце, було, позъизжаються въ таборъ [5]), то старшына и пыта кождого,

---

[1]) Земляныя укрѣпленія въ степи.

[2]) Отъ слова Кабыця—очагъ. Помощники кашевара. [3]) Напрямикъ.

[4]) Очередь. [5]) Станъ, лагерь.

що винъ прывизъ. Якъ тико пичый вернеться безъ ничого, або пропье въ дорози, заразъ и крычить: „кіивъ, еретычному сынови". Всыплять по три кія въ спыну, тай край. У ихъ бувъ такый звычай:—хочъ прывизъ що—сидай, пый горилку зъ старшынамы, хочъ кіивъ получывъ—сидай, пый и ижъ. Не сердылысь довго: не прывизъ сегодня,—прывезе завтра, а все такы роздобуде на товарыство".

„Було розгорюють сиромахы [1]) на гроши, купляють горилкы и давай кружать. Якъ тико якый дука [2]) почне насмихаться, заразъ отаманъ заступыться и всыплять, еретычному сынови, кіивъ. Про це есть и писня"...

Ой хмарыться, туманыться, дрибенъ дощъ иде,
Веселая беседонька, де голота пье.
Ой хмарыться, туманыться, ставъ дощъ накрапать,
Гей, пора намъ хлопци, добри молодци, наметъ [3]) напынать.
Напьялы наметъ, наметъ червоный, голубіи стины,
Котріи дукы все багати—у намети силы.
Котріи бидни, та ще й безсчастни, й не посмилы,
Взялы кварту, а другу зъ жату [4]), та й на дощи силы.
Прыйшовъ до ихъ отаманъ ихъ, тай жалувать ставъ.
Скынувъ съ себе голубый каптанъ, тай наметъ напьявъ.
Теперъ хлопци, добри молодци, будемо й мы пыть,
А хто буде насмихаться, то будемо быть.
Прыйшовъ багачъ, прыйшовъ дукачъ,—насмихаеться.
„За вищо ця, несчастна голота, напываеться?"
Обизвався панъ отаманъ голоти зъ намета:
„Визмить дуку за чубъ, за руку, та выведить геть!"
Одынъ взявъ за руку, другый за чупрыну, третій лула бье [5]),
„Не йды багачъ, превражый дукачъ, де голота пье".
Бидна голота загорювала, тай загуляла.
А якъ не стане—ще загорюемъ, та выпять будемъ пыть,

---

[1]) Бѣдняки. [2]) Богачъ. [3]) Палатка. [4]) Шутка.—[5]) Рукоплещетъ—„бьетъ въ ладоши".

А хто буде насмихаться, того будемъ быть.

Помижъ запорожцямы багато було характерныкивъ [1]). Берлымъ розсказувавъ про Кравчыну [2]), котрый въ Польщи піймавъ козацького душогуба Саву *). И про не есть писня... Оце, було, бьються запорожци зъ ляхамы и, гляды, ляхы побывають нашихъ. Якъ тико наскоче Кравчына,—такъ ляхамъ и нема ходу. Кули [3]) летять, а запорожци ловлять ихъ въ заполы. А якъ треба перейты ричку, то Кравчына поведе передъ, и стане сухо. Такъ, було, въ сухій одежи переходять запорожци и Ориль-ричку... А то було ще й такъ. Якъ треба плывсты Днипромъ, то зроблять зъ осптнягу [4]) плытъ [5]), посидають и гайда [6]) за водою...

Запорожци сами курылы горилку. У ихъ, казавъ Берлымъ, караванивъ [7]) не було, а такъ прямо выбере на степу глыбоке провалье [8]), зробе халупку [9]), тай куре... Тамъ у его шаплыкы [10]) и весь штрументъ [11]), якъ и въ каравани. Горилка була далеко добриша, нижъ теперъ.

Дидъ Мартынъ Власовичъ Кравець-Заика, 78 л., с. Новые Кайдаки, 9 мая 1887 года.

---

*) Выросши и воспитавшись въ Сѣчи, ватажокъ *Савва Чалый* впослѣдствіи передался полякамъ, былъ приверженцемъ Орлика и злѣйшимъ врагомъ запорожцевъ. Съ шайкою отчаянныхъ гайдамакъ, онъ разрушилъ Гардъ, грабилъ запорожцевъ и, по народнымъ пѣснямъ, съ живыхъ сдиралъ кожи. Наконецъ неожиданно („характерствомъ") былъ схваченъ запорожскимъ ватажкомъ *Гнатомъ Голымъ* съ помощью *Кравчины* и, по однимъ, убитъ на мѣстѣ (Антоновичъ), по другимъ—доставленъ въ кошъ, изрубленнымъ и засѣченъ кіями (Скальковскій). Подробности объ этомъ, воспѣтомъ въ народныхъ пѣсняхъ, ватажкѣ см.—*Скальковскій*. Наѣзды гайдамакъ на Западную Украйну въ XVIII в. Одесса. 1849. Стр. 45—49 и *Антоновичъ*. Изслѣдованіе о гайдамачествѣ по актамъ 1700—1768 г. „Кіевъ. стр. 116—121".

[1]) Знахари колдуны. [2]) Кравчина въ козацкомъ смыслѣ,—отрядъ, ватага: нашъ же разсказчикъ окрещиваетъ фамиліей Кравчины запорожскаго ватажка. [3]) Пули. [4]) Болотное растеніе. [5]) Плотъ. [6]) Пошелъ. [7]) Винокуренныхъ заводовъ. [8]) Оврагъ. [9]) Крыша, навѣсъ. [10]) Чаны. [11]) Инструменты.

51) Чумаки и запорожская сторожа въ степи.

Колысь степы булы дыки, шляхивъ мало, тай то одынъ одъ другого на 50—100 верстъ. По велыкыхъ шляхахъ въ Крымъ стояла запорожська сторожа, а по балкамъ шлялась татарва та нагайва. Чумакы тоди ходылы валкамы [1]) возивъ 100—200 и бильше, шобъ охитнише [2]) було. Оце иде валка, ажъ ось надъ шляхомъ стоить ратыще [3]). Тутъ значыть, клады чумакъ харчы сторожи. Инчій кладе хлиба, сухаривъ, торбыну борошна, пшона; инчій сала, солы, цыбули, тарани. Покладуть и гайда соби. Идуть воны, колы ось упьять ратыще и уже середъ шляху. Тутъ уже выпрягай чумакъ и стій, бо на переди заляглы туркы або нагаякы. Пасуть чумакы воливъ, колы ось, якъ витеръ, летять верхамы запорожци. Запрягають тоди чумакы воливъ и идуть, а попереду козакы. Верстовъ десятокъ чи бильше пройдуть, а тамъ упьять козакы. Тоди ци вертаються, а ти проводять чумака дальше. Чумакы, було, дають запорожцямъ и гроши и могорычъ, а инчи и вола на маханъ [4]). Скотъ тоди бувъ нипочомъ. Кожный чумакъ бравъ про случай паръ два—три зайвыхъ [5]). Булы таки, чумакы, шо не слухалы сторожи: скынуть зъ дорогы ратыще и дальше поганяють. За те имъ и доставалось: або запорожци плечы нашмагають, [6]). або татарва набье, а воливъ займе.

Дѣдъ Иванъ Кардашъ. Александровскъ, 16-го декабря 1884 г.

---

[1]) Обозами. [2]) Безопасиѣе и веселѣе. [3]) Дерево пики
[4]) На мясо. [5]) Лишнихъ. [6]) Набьютъ нагайками.

(52 Изъ временъ татарскихъ набѣговъ.

Разсказъ А.

Покойной моей матери батько, а мій дидъ Иванъ Товстокорый бувъ запорожець. Винъ все, було, розсказуе якъ Измаиловъ бралы, такъ якъ Украину обиждала орда. Оце, було каже, зайде орда въ село, забере скотъ, людей, добро всяке, а малыхъ и старыхъ повбывае, посуду потрощыть, пирья съ подушокъ розвіе по витру. Управыться въ одній слободи— иде въ другу, третю, а потимъ и жене скотъ, людей пидъ хана. Подушкы татары розрывалы за для того, шобъ друга орда бачыла слидъ и ишла дали. Якъ зачують було, люды, шо орда наступае, то воны и сами дають ій одводъ; визьмуть пороспорюють подушкы, выкынуть на улыцю, а сами ховаються по лисахъ, въ норахъ, погрибахъ Орда добижыть до слободы, побаче пирья—тай дали...

А дитей, бидненькыхъ, якъ мучылы!... Розсказувавъ покойный дидъ Олійныкъ, шо було посадять ихъ на одну лаву, а другою замахнуть по головкахъ,—тамъ воны и поснуть на вики... Було и такъ: оце трохы одтягнуть лаву, шобъ поставыть дитей до стины, а пидъ шыйкы лавою жъ и подушать... Былы, нещастныхъ, и головамы. Оце одну дытыну посаде доли, а другу схопе за ногы, розмахне, та головою объ голову и побье.

Багато розсказувалы покойни диды. Разъ, кажуть, забигла орда въ слободу, вырубала людей, а стара баба возьмы тай сховайся въ коминъ. Якъ на те зайшлы татары въ хату и найшлы цыбулю. Отъ одынъ покуштувавъ—плюнувъ и каже: „Ну тай гирка руська постырнака!“ Не втерпила баба, тай обизвалась зъ комина: „Ни, паноче, то не постырнакъ, а цыбуля“!—„Ну, каже татарынъ, колы цыбуля,—вылазь марушка!“.

Федоръ Мих. Кныркъ, 61 г., Языково, Екатер. у., 29 января 1888 г.

53) Разсказъ Б.

Покойный мій батько жывъ въ Соколкахъ, Кобеляцького уизда де родылась и я. Колысь було часто диды розсказують про запорожцивъ и татарську орду. Въ старыну, кажуть, часто набигала на слободы орда, то оце козакивъ нашихъ порозсылають стерегты царську граныцю, або на войну, а до насъ понасылають лытвынивъ, шобъ одбывалысь одъ орды. Було, кажуть, ходять лытвыны по пидъ викнамы и гукають: „бабу! а бабу! дай мени ягудный пиругъ (съ ягодами пирогъ), я тебя одъ орды стерегу". Бабы и дають имъ пырогы и всяку харчъ. Якъ оце забачать куряву (пыль) въ степу, то заразъ на кони и почнуть бигать, та крычать: *„Орда йде! Орда йде!"* Потимъ попередъ всихъ тикають самы. Таке-то було зъ ихъ храбре вийсько!... У людей тоди скрынь такыхъ, якъ теперъ, не було, а все бодни зъ лубка, шобъ легше носыть. Повкыдають збижжя (пожитки) та скорише за дитей и тикають въ Соколкы, де була крипость. Туды збигався народъ зо всихъ слобидъ, то було и выходыть протывъ орды. Якъ сыла (много) орды, то наши повынуються и женуть ихъ въ Крымъ, якъ мало— проженуть орду геть (прочь) видъ слободы.

Агафья Саенкова, изъ Покровскаго Александр. у., 23 іюня 1888 г.

---

54) Разсказъ Б. В.

Розсказувавъ дядько Матвій [1]), якъ запорожци побывалы орду. Разъ, каже, вийсько стояло на Орили пидъ Царычанкою [2]). На зори передъ свитомъ, чуемо,— земля стог-

[1]) По свидѣтельству разсказчика *Матвій Шутъ* умеръ въ 1852 г. 110 л. онъ выросъ и „козакувавъ" въ Запорожьѣ до паденія Сѣчи.

[2]) Старожитное запорожское село Кобылякскаго уѣзда, на рѣкѣ Орели.

не, клекитъ [1]) десь. Попрыподалы до земли, слухаемо—орда йде. Мы посидлалы коней, та назустричъ. Сталы добигать до Ордынського шляху, [2]) ажъ люды ячать [3]) мы тоди стико духу, и давай рубать орду. Управылысь, тоди порозязувалы людямъ рукы и пустылы зъ Богомъ. Орда найбильше заганяла въ неволю людей зъ городивъ [4]).

Осипъ Шутъ, 70 л., островъ Хортица, 1 января 1888 г.

---

55) Химородникъ.

Въ Велыкому Лузи, ще за запорожцивъ, жывъ химородныкъ Хвесько. Его дуже боялысь и слухалы козакы. Оце, було, лежыть чоловикъ, а винъ риже чорну редьку. Якъ тико пусте редька сокъ билый—чоловикови стане трудно; якъ стане сокъ чорнить—чоловикъ умера. Винъ тоди поробе, шо редька вбере въ себе сокъ чорный, пусте билый –и чоловикъ ожыве. Фесько мавъ сына, тико ему цего характерства не передавъ. „Ты, каже, сыну, дуже сердытый; одроблювать не схочешъ и чоловикъ умре".

Оксентій Оредъ, 65 л. Кушугумовка, Александр. у. 28 декабря 1885 г.

---

[1]) Шумъ, говоръ.

[2]) Ордынськый шляхъ—десь биля Царычанкы, иде черезъ Орилъ Теперъ винъ зветься *Крымськымъ*. Разсказчикъ.

[3]) Кричать, говорятъ.

[4]) Населенныя мѣста Полтавской губ.

56) Характерство запорожцевъ въ народномъ представленіи.

Разсказъ 1-й.

Земля, де мы жывемо, одвоевана у турка, Богъ его зна, за якого царя. Орда, кажуть, стояла на Хортивському острови, а руське військо протывъ неи, де теперъ Вознесенка [1]). Отъ почалы воювать. Орда обкопалась и пале съ пушекъ, а москали товпяться та падають. Якъ уже полягло багато москаля, царь давай журытыся. Колы де не узявся запорожець: бижыть конемъ, та прямо до царя. Здоровъ царю!—Здоровъ козаче!—А шо—якъ?—Такъ и такъ, каже царь: полягло війська багато, а турка не визьму.—Ставай, каже, биля мене! Царь ставъ. Запорожець пиднявъ руку и піймавъ ядро. „Ось бачъ, каже якый гостынець! Ну теперъ, каже, глянь на остривъ: шо тамъ?“ Глянувъ царь ажъ турокъ самъ себе руба, самъ на себе пиднявъ руку и пишовъ потоптомъ. [2]) Пиднялась велыка курява, закрюкалы крюкы [3]) а потимъ стыхло.—„Дывысь теперъ, каже запорожець.“ Глянувъ царь, ажъ нема ни одного жывого турка, порубалы самы себе, а крюкы выдовбують очи. Царь тоди и каже: „Ну запорожци, дарую вамъ цю землю, жывить, покы свитъ сонця!“.

Сталы воны разъизжаться. Москали посидалы на коней, а запорожци прослалы на Днипри повсть, тай подалыся до лыману.

Дѣдъ Иванъ Кардашъ. Александровскъ, 16 декабря 1884 года.

---

[1]) Село Александровскаго уѣзда, противъ о-ва Хортицы.

[2]) Самъ себя топчетъ.

[3]) Черный воронъ.

57) *Разсказъ 2-й.*

Запорожци булы лыцари и велыки галдовныкы. Куля ихъ не брала, на Днипри, було, простелять повсть и идуть. Катерына хотила повернуть ихъ пидъ свою власть, а воны и не схотилы. Шобъ показать сыду, прокынулы повсть на мори, набралы земли въ чоботы, горилкы въ баклагы и подалыся въ Турецыну. Плывуть соби та спиваютъ.

Дѣдъ Онисимъ Петренко, с. Балабино, 24 февраля 1885 года.

58) *Разсказъ 3-й.*

Мій дидъ все, було, розсказуе про запорожцивъ. Знатни люды булы! Було якъ збыраються въ Польшу, то беруть не бильше якъ 12 чоловикъ; зайвого шобъ не було Ватажокъ, було прыказуе: „глядить, хлопци, якъ прыйдеться тикать, то не розбигайтесь: держыться купы". Ихъ мало, а ляхивъ багато, то оце, гляды, и бижыть погоня. Воны повстромляють ратыща въ землю, поставлять коней хвостамы до хвостивъ, а сами въ середыну и поховаються. Гоняться ляхы и крычать: „Рембай глову"! Добижать до ихъ и покажеться имъ лисъ; воны тоди и повертають коней назадъ.

Дѣдъ Трофимъ Ковбаса, 89 лѣтъ, д. Языково, Екатер. уѣзда, 6 іюля 1886 г.

---

59) Смерть и похороны характерника.

Ще за Катерыны, на бальци Таволжаній [1]) жывъ запорожець Довгый и бувъ винъ превелыкый характерныкъ...

[1]) Таволжаная балка въ Александровскомъ у., устьемъ выходитъ въ Днѣпръ и составляетъ живую границу дачъ—владѣльца А. А Иваненко и с. Петровскаго-Свистунова. Я. Н.

Старый, дуже старый бувъ винъ, та ще й одынокый. Ставъ винъ померать, а померавъ винъ не разъ,—и звеливъ наймытови поклыкать сусида Пластуна [1]). Довго воны балакалы, а дали Довгый лигъ тай умеръ. Пластунъ и каже наймытови: „Ну лягай, сыну, спать, а я пиду подою коровъ". Пишовъ. Наймытъ прывьязавъ мертвого канатомъ за шыю и за ногы до лавы, взявъ скрыпку тай грае соби на двори.. Чы довго винъ гравъ, чы ни, колы чуе—товчеться шось въ земляници. Заглянувъ винъ туды,—колы мертвый совається по лави... „Товчысь, каже, Марку, по ярмарку:—чорта зъ два выкрутышся!.. Грае винъ упьять, та вытрындыкуе... Трохы згодя, слуха,—зновъ товчеться мертвый"... Отъ прыходе дидъ Пластунъ. „А шо, пыта,—не встався ще нашъ мертвый"—„Ни,—каже,—пручався, такъ я его прыкрутывъ до лавы канатомъ".—„Добре-жъ,—каже, шо догадався,—а то винъ бы тебе задушывъ"...

Зійшлось тамъ чоловика стико запорожцивъ, выкопалы яму и давай ховать безъ попа. Якъ спустылы его въ яму Довгый и каже: „ну братци, давайте осыковый кілокъ, та будемъ печатать. Забылы ему килокъ въ груды и засыпалы землю.

Галдовыкивъ попы николы не ховалы, а ховалы ихъ запорожци по своему...

Дѣдъ Яковъ Мусіенко, 80 л., с. Свистуново Алекс. у., 19 іюля 1882 г.

---

60) Какъ запорожци перехитрили Потемкина.

(Преданіе).

Якъ зруйновавъ Потемка Сичъ, запорожци давай смолыть байдакы та дубы, давай тикать въ Турецыну. Довидався Потемка, тай каже: „Ну скурви сыны, колы-жъ вы

[1]) Пластунъ жывъ на другій вершыни балкы въ байраци (въ лѣсу) котру звемо Пластуновською Разсказчикъ.

такъ, такъ я-жъ васъ ось якъ"... Звеливъ винъ выще Никополя натягты канаты одъ берега до берега и поначеплять дзвоныкы, а на Днипро понаводыть пушкы. Думка, бачъ, була така: якъ тыкатымуть запорожци вночи,—дзвонкивъ не мынуть,—тутъ имъ и гакъ [1]).

Ждуть ночи москали, ждуть и запорожци. Стало вечерить,—запорожськый ватажокъ и каже: „Рубайте, хлопци, гильчасти дубы, та будемо рушать"! Зрубалы съ пивсотни дубивъ, пустылы на Днипро за водою, а сами посидалы на байдакы и поплывлы тыхенько. Темна була ничъ!... Опивночи доплывлы дубы до канативъ, а дзвонки зразу: дзелень, дзелень, дзелень!... Москали до пушокъ, та зъ обохъ бокивъ—бухъ! бухъ! бухъ!... Якъ выпалылы заряды, ватажокъ и каже: „Ну, хлопци, теперъ за весла, та пора и веселон заспивать"... Затяглы запорожци веселон и покрылы Днипръ байдакамы. Не мало ихъ, кажуть и пишло пидъ турка—дванадцять тысячъ.

Дѣдъ Трофимъ Штепа, 72-хъ л., изъ с. Вознесенки, о. Хортица, 1 августа 1887 г.

---

61) Долголѣтіе у запорожцевъ.

Ни, теперъ не жывуть такъ довго люды на свити, якъ колысь жылы! Якъ не було ще ни крипосты (Александровскоі), ни Вознесенкы (село), тутъ, по балкахъ та по плавняхъ жылы запорожци. Дидъ розсказувавъ, якъ зруйновалы Сичъ, сталы сюды люды находыть, сталы селыться. Надъ Московкою (рѣка), кажуть, въ бальци, жыло тры запорожци: дидъ, сынъ дидивъ и онукъ,—вси трое били якъ снигъ. Дидови кажуть, було 130, сынови его 110, а онукови пидъ

[1]) Конецъ, смерть. Собственно гакъ, означаетъ крюкъ, а въ данномъ случаѣ—попался на крюкъ—пропалъ.

90 годъ. Люды булы заможненьки: багато було скоту, коней, бжолы. Жыла у ихъ сиромашня [1]). Старый дидъ, дарма шо дожывъ 130 годъ, бувъ на выду червоный, якъ бурякъ, пры своему уми, тико на ногы слабый; сынъ его, хочъ и молодщый,—зовсимъ, кажуть, выжывся зъ ума, ставъ якъ мала дытына; онукъ—пидходывъ пидъ своего батька. Отъ разъ, кажуть, занхавъ до ихъ якыйсь панъ за пашпорты спытать, чы що,—тоди уже ця мода заводылась. Дидъ сыдивъ на печи, сынъ на прыпичку, а онукъ выйшовъ зъ хаты. Панъ и пыта дида на прыпичку: „Шо ты за чоловикъ?"—„Запорожець!"—„А на печи хто?" „А катъ его зна, шо воно за чортяка!... Стико зазнаю—все у насъ жыве"... Дидъ зъ печи и обизвався до пана; „Отакъ якъ бачышъ, чоловиче: забувъ, еретычый сынъ, шо я ему и батько"...

Осипъ Шутъ, 70 лѣтъ, ост. Хортица на Днѣпрѣ, 15-го сентября 1888 г.

---

62) Великорусскіе крестьяне въ запорожскихъ вольностяхъ.

Теперъ выйдешъ на гору, тай слободы выдно, а годъ сто тому назадъ бувъ одынъ, степъ та чагарь [2]) по балкахъ. Кажуть, заразъ писля того, якъ Сичъ скасовано [3]), порызалы землю панамъ, шобъ населяды слободы. Слобидка Татарка [4]), съ початку населена кацапамы ажъ изъ Серпухова,—Богъ его зна, де винъ и есть [5]). Колысь давно кацапка розсказувала ще нашимъ батькамъ, шо якъ выводылы ихъ видтиль въ степы, то казалы, шо тутъ рай, а не сторона. Въ степу, казалы имъ, якъ выгонять коровъ въ череду, то до ричъ прывьязують кошовкы; ввечери вернуться

[1]) Сѣрома, голь бездомная.
[2]) Мелкій кустарникъ. [3]) Уничтожено [4]) Новомосковскаго у.
[5]) Московск. губ.

воны до дому зъ паши и прыносять повни кошовкы ягидъ: сами такъ и нападають. А люды,—хвалылысь имъ,—жывуть такъ багато, що каждый день идять пыроги и всякому дають выймать зъ печи зъ третего, якъ колысь жалы зъ третего снопа. Мы, каже баба, прыихалы—колы цего ничого нема... Де-не де, каже, жылы запорожци, по балочкахъ и хаты у ихъ биленьки, тико сами воны на выдъ страшни. Давай воны лять своихъ чоловикивъ: „Завезлы, дуракы, въ сторону хахлацкую: горницы бѣлыя, а люди выйдутъ—страшные, чорные, голова голая (бритая), да еще и съ пузьмой (чупрына)".

Старикъ Буря и др., 7 мая 1887 года. Рыбачій кошъ на Днѣпрѣ, вблизи с. Любимовки, Новомосковскаго уѣзда.

ОТДѢЛЪ V.

Малорусская Сатира, Юморъ.—Суевѣрія.

63) Какъ литвины воевали хохлацкій серпъ.

(Разсказъ).

Ще за Петра первого, йшлы лытвыны пидъ Полтаву воювать шведа; йшлы воны степомъ. Чоловикъ нажавъ полукипокъ жыта, застромывъ серпъ и забувъ. Побачылы лытвыны и дывуються: шо воно таке? Бувъ мижъ нымы лытвынъ, котрый весь свитъ сходывъ: разъ бувъ у млыни, а другый—на базари, тай и каже: то, братци, людоѣдъ! Давай воны на его палыть... Стрилялы, стрилялы,—ніякъ невлучать. Тоди бувалый и каже: а ну, братци, на штыкы! Якъ ударе его ратышемъ, а серпъ пидскочывъ, та другому на шыю. Той якъ смыкне—и перизавъ шыю. Воны надушылы его, прывьязалы бычивкою за ручку и повезлы топыть у Пселъ. Посидалы въ каюкъ и кажуть—ну, треба прывьязать до его камень, шобъ не сплывъ. Найшлы каменюку пудивъ пьять, прывьязалы и махнулы посередъ ричкы. Бувалый и каже: „пускайте, братци, впередъ камень! Камень якъ смыкне серпъ, а серпъ зубьямы якъ зачепе човенъ за крыла, такъ винъ и перекынувся. Лытвыны потопаютъ и крычать: „Ой ратуйте! проклятый людоѣдъ потопаетъ и людей губитъ!...

Андрей Иващенко, 67 л., Ольгинское, Маріупольскаго у., 28 марта 1876 г.

64) Оплакиваніе тещи.

(Разсказъ).

Жылы соби чоловикъ та жинка и у ихъ жыла жинчына маты. Отъ умерла та маты. Жинка туже, а чоловикъ и байдуже: „Плачъ бо, чоловиче, каже жинка: хиба вона тоби чужа?“ Пидійшовъ чоловикъ до покійныци, схылився надъ нею, та якъ заголосе, якъ заголосе:—„Ой ненько жъ моя, та не рідная, жинчына маты! та ты жъ, було, вдвохъ зъ дочкою, а зъ моею жинкою, варенычкы у масли исте, а мени сыроватку даете! То я жъ, було имъ, имъ, та й напьюся!.. „Буде вже, буде, чоловиче, каже жинка: —шобъ, часомъ, ще чого не згадавъ!“...

Палагея Касьяненко, Мало-Михайловка, Александровскаго у., 4 іюня 1885 г.

---

65) Вовкулаки.

А.

Вовкулака не звиръ, а чоловикъ, зробленый вовкомъ по злоби. Разъ ихала свадьба, а спереду дружко галдовныкъ. Доихалы до водяного млына и захотілось дружкови похвастать. Спынывъ коней, та якъ крыкне на млынъ „т п р у! Млынъ той и ставъ. Мырошныкъ тежъ бувъ галдовныкъ, выйшовъ тай соби: „т ю у у у“ тю! тю! Свадьба та зразу и розбиглась вовкамы!

Якъ найдеться чоловикъ, та одробе,—то вернуться людьмы, а якъ ни,—вовкамы зостануться на вики.

Трофимъ Лубенецъ, 40 л., с. Крестовка, Маріупольскаго у., 18-го іюля 1905 г.

---

[1]) Оборотни.

66) Разсказъ 2-й.

Одынъ чоловикъ розказувавъ, якъ винъ бувъ вовкулакою. Парубкомъ каже, я любывъ дивку и не схотивъ ии взять. Вона пишла протывъ Великодня до знахуря, а той и обернувъ мене вовкулакою. Идуть люды зъ церквы, несуть паскы, а я бижу зъ села вовкомъ. Люды за мною зъ ципкамы, гоняться, тюкають, крычать: „вовкъ! вовкъ! ловить его, бийте!"... Я все чую все розбыраю и паскы мени хочеться, та мову одибрало: вовкъ, тай тико! Побигъ я въ лисъ и сховався. Ночнои добы найшовъ я вовкивъ, ставъ розбырать ихъ мову и бигать въ шкоду. Такъ мынуло два года. Разъ выголодалысь мы и побиглы въ слободу. Вскочывъ я въ кошару и давай перекыдать овець черезъ тынъ, кыдаю я, а воны пидбырають... Збиглысь собакы, почалы гавкать, выть... Потимъ де не взявся ярчукъ, та до тыхъ вовкивъ—и порозгонявъ ихъ къ нечыстій матери. Остався я одынъ въ кошари, а собакы гвалтують, та выють. Хазяинъ кошары бувъ знахурь. Передъ свитомъ выйшовъ винъ, глянувъ на мене и заразъ догадався, шо я не настоящый вовкъ, а вовкулака. Выризавъ винъ тры быча и заходывся биля мене... Репижывъ винъ мене, репижывъ, ажъ покы шкура лопнула. Я тоди вовчу шкуру геть зъ себе и ставъ, якъ и теперъ есть, чоловикомъ. Одяглы мене люды, обулы и пустылы до дому. Не багато-жъ я и йшовъ до дому,—пивгоду..

Дѣдъ Григорій Омельченко, 80 л., с. Крестов-
. ка, Маріуп. у., 10 августа 1905 г.

67) Пустельникъ. [1])

Искушеніе (Легенда).

Колысь то въ запорожськыхъ пущахъ жывъ пустельныкъ. Довго винъ тамъ жывъ и стало ему скушно: не исть, не пье, не молыться... Прыкынувся лукавый чоловикомъ и

[1]) Пустынникъ, отшельникъ, монахъ.

прыходе ло его. „Чого, пустельныку журышся“? „Того, каже, шо одынъ въ пущахъ: скушно!“ „На, тоби, каламарьчыкъ съ порошкомъ: понюхаешъ,—буде наче вдвохъ“. Пишовъ нечыстый. Пустельныкъ смыкнувъ носомъ разъ, вдруге, втрете —чхнувъ и стало ему весело... На другый день, иде упьять нсчыстый. „А шо, каже,—якъ?“ „Весело, каже —наче вдвохъ!“ „На-жъ, тоби зилля и трубку: покурышъ—буде наче втрехъ“. Пишовъ. Покурывъ пустельныкъ и повеселишавъ ще дужче. Прыходе нечыстый на третій день. „А шо, каже, якъ?“ „Весело, каже,—наче втрехъ“. „На-жъ тоби, каламарь съ каплямы: якъ выпьешь—буде наче вдесятехъ“. Пишовъ. Выпывъ пустельныкъ и стало ему наче вдесятехъ:—якъ заспива, якъ заграе, якъ пидниме полы...—пишовъ гопака навпрысядкы...

Лукавый прыносывъ ему тютюнъ и горилку, бо це его выгадка.

Дѣдъ Авксентій Федоров. Орелъ, 66 л., д. Кушугумовка, Александ. у., Екат. губ. 18-го декабря 1887 гола.

---

68) Черти-табачники.

Умерла у чорта маты. Винъ положывъ ін и позганявъ чортивъ плакать. Зибралысь куріи съ трубкамы, а нюхари зъ рижкамы. Отъ куріи силы въ одынъ рядъ, а нюхари въ другый. Курій шо потягне зъ люлькы, той плюне мертвій межы-очи; нюхари сыдять соби смырненько и котрый потягне зъ рижка, то слезы й покотяться. Дывывся, дывывся чортяка, тай каже: „добре оце дило нюхать табаку: и себе повеселышъ и по другому поплачешъ“. Дознались люды, шо чортъ похвалывъ нюхаривъ та давай и соби товкты табаку та потягувать зъ рижка.

Максимъ Евсеевъ Лысенко, г. Александровскъ 6 мая 1875 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Переписка запорожцевъ съ турецкимъ султаномъ.

(Ходячая рукопись).

Въ своемъ распоряженіи мы имѣемъ три сходныя, по содержанію, рукописи, представляющія, по народному преданію, копіи переписки запорожскихъ козаковъ съ турецкимъ султаномъ. Не ручаясь за достовѣрность этихъ „копій", считаемъ небезинтереснымъ привести двѣ изъ нихъ въ полной редакціи.

69) Грамота турецкаго султана къ запорожскимъ козакамъ.

Я, Султанъ, сынъ Магомета, братъ солнца и луны, внукъ и наслѣдникъ Божій, владѣтель вѣръ и царствъ: Македонскаго и Іерусалимскаго, Малаго и Великаго Египта. Царь надъ царями, непобѣдимый хранитель, неотступный гроба Іисуса Христа попечитель, самаго Бога надежда и утѣшеніе, магометанъ и къ смущенію христіанъ великій защитникъ,—повелѣваю вамъ, запорожскіе козаки, сдаться добровольно и безъ всякаго сопротивленія и меня вашимъ сопротивленіемъ не заставьте безпокоить.

Турецкій султанъ.

Отвѣтъ запорожскихъ козаковъ.

Який ты въ чорта лыцарь[1]), шо чортъ с. . ., а ты и твое військо пожырае! ты самого луцыпыра[2]) секретарь, нашого Бога дурень, турецькый кухарь[3]), Вавылонськый сла-

[1]) Рыцарь. [2]) Царь тьмы, дьяволъ. [3]) Поваръ.

сарь[1]), Македонський браговарницькъ[2]), Александрійськый котолупъ, Малого и Вилыкаго Егыпта свынарь[3]), Армянська свыня, козацькый сагайдакъ[4]), Подольскый катъ[5]), Лютераньска попруга[6]), московська мара[7]), цыганська . . . . пуга[8]). Не будешъ ты сынивъ хрестіяньскыхъ маты[9]) и твого мы вийська не боемося! Землею и водою быться будемъ съ тобою вражый, проклятый сынъ, чортъ твою мать, не хрещеный лобъ, м. . . . . Такъ тоби запорозького вийська козакы казалы.... Числа не знаемъ, бо каландаря не маемъ; мисяць на неби, а годъ въ каландари; день у насъ,—такый якъ и у васъ, поцилуй въ с. . . . насъ, тай убырайся видъ насъ, бо будемо лупыты васъ.

Запорозького вийська кошовый съ товарыствомъ.
1619 року 15 червня.

Рукопись добыта въ с. Новогупаловкѣ, Александровск. уѣзда, въ семьѣ Слышко. Подъ текстомъ сдѣлана слѣдующая приписка.

„Титулъ султана. Онъ назывался падишахомъ, т. е. царь царя намѣстникъ Божій; крестникъ пророка; первосвященникъ мусульманъ; повелитель правовѣрныхъ; прибѣжище совѣта, (свѣта?) тѣнь Бога живаго и наконецъ, кровопійца и истребитель невѣрныхъ. Послѣдній титулъ относится къ тому, что онъ ежедневно могъ убивать 14 человѣкъ, не объявляя никому, за что именно. Только въ 1839 году отказался онъ отъ этого права. (Выписка изъ Иллюстрированнаго Календаря за 1868 годъ“).

[1]) Слесарь. [2]) Пивоваръ. [3]) Свинопасъ. [4]) Колчанъ для стрѣлъ. [5]) Палачъ. [6]) Ремень для укрѣпленія сѣдла. [7]) Страшилище, пугало. [8]) Плеть. [9]) Имѣть.

Другая рукопись, въ избитомъ видѣ, добыта нами въ с. Ново-Николаевкѣ, Александровскаго уѣзда. Озаглавлена она такъ:

Грамота Турецкаго султана Ахмета III къ Запорожскимъ козакамъ.

(Выписка изъ документовъ Московск. архива)

Текстъ грамоты совершенно сходенъ съ первымъ варіантомъ, съ добавленіемъ только подписи: „А х м е т ъ III". Редакція отвѣта козаковъ нѣсколько измѣнена, почему приводимъ дословно.

70) Отвѣтъ козаковъ турецкому султану Ахмету III.

Ты, Султанъ, проклятого чорта братъ и товарышъ! Який ты въ чорта лыцарь, шо чортъ с . . . а ты и твое вій-ську пожырае! [1]) Ты самого луцыпыра унукъ, турецькый кухарь, вавылонськый слюсарь, Ерусалымськый камлыкъ, [2]) македонськый броварныкъ, александрійськый козолупъ, велыкого и малаго Егыпта свынарь, армяньска свыня, козацькый сагайдукъ, подольськый катъ, люпырянськый потуга, [3]) самого гаспида [4]) байстрюкъ, нашого Бога дурень, свыняча морда, кобыляча с . . . ., ризныцька собака. Не будешъ ты годенъ сынивъ христіянськыхъ маты, твого мы війська не боемось; водою и землею быться будемъ съ тобою вражый, проклятый сынъ, чотъ бы поравъ твою матиръ, не хрещенный лобъ, ... ! Такъ тоби козакы отвичають.... Чысла не знаемъ, бо каландаривъ не маемъ; мисяць же на неби,

---

[1]) Въ третьемъ варьянтѣ такое измѣненіе „Який ты у чорта лыцарь, колы голою с . . . . . ижака не убьешъ!".

[2]) Калмыкъ. [3]) Сила, защита. [4]) Бѣса.

а годъ въ каландари, день у насъ такый же якъ и у васъ, поцилуй въ с. . . . насъ!

Запорозького нызового війська кошовый съ товарыствомъ.

Н. Марковичъ въ примѣчаніяхъ къ „Исторіи Малороссіи“ (т. V ст. 74—75), упоминая о какихъ то письмахъ подъ 1697 годомъ, привелъ доставленную ему „изъ одного партикулярнаго архива“ въ Гродно копію отвѣта запорожцевъ султану, довольно сходную съ приведенной нами.

Печатая „отвѣтъ“ запорожцевъ „Ахмету III“ на грамоту его „въ 1600 году“, съ своей стороны считаемъ нужнымъ указать на невѣрность даты. Ахметъ III вступилъ на престолъ гораздо позднѣе, именно въ 1703 году и царствовалъ по 1730 годъ, до свержения.

Я. Н.

---

[1]) Къ сожалѣнію I и II томовъ „Исторіи Малороссіи“ Марковича мы не имѣемъ и нигдѣ не могли достать.

GS2111

25-